

НОСТРАДАМУС
ЦЕНТУРИИ

НОСТРАДАМУС

ЦЕНТУРИИ

Изд. Николас Дембре
Адрианополь
1974

All rights reserved
Printed in the U.S.A.

Склады издания:

V. K. ZAVALISHIN
97 Fort Washington Ave. — Apt. 6-D
New York 10032 — Tel.: 928-2803

RAUSEN PUBLISHERS AND DISTRIBUTORS
124 West 72 Street
New York, N. Y. 10023
Tel.: (212) 874-1547

Обложка работы Влади

*Dieu se sert icy de ma bouche
Pour t'annoncer la verité
Si ma prediction te touche
Rends grace à sa Divinité*

A. Fouquet del.

NOSTRADAMUS

NOSTRADAMUS — PRECURSEUR LOINTAIN DES DEVINS

Face à moi—une théorie démente. Mais est-elle suffisamment démente pour devenir réalité—toute la question est là.

NIELS BOHR

En 1559, le roi de France Henri II mariait sa fille aînée Elisabeth (fille également de Catherine de Médicis) au roi d'Espagne Philippe II. Lors des festivités, organisées à l'occasion de ce mariage un tournoi de trois jours fut prévu. Henri II décida d'y participer en personne. Son adversaire se trouva être le comte de Montgomery, sujet anglais, bien plus jeune que le roi de France. La lance de Montgomery se brisa sur la visière royale et endommagea gravement l'œil d'Henri II. Fut-ce un simple accident, comme il s'en produisait tant dans les tournois, ou bien d'après les sombres rumeurs qui se répandirent aussitôt—désignant cet événement comme un attentat prémédité—y avait-il une part de vérité? Je crains que les historiens ne soient pas parvenus encore à donner une réponse claire, objective et convaincante à cette troublante question.

Le 26 juin 1559 Henri II mourut des suites de cette blessure et il se trouva que cette perte fit rejaillir involontairement la gloire de deux médecins-astrologues, qui avaient prédit au roi de France une mort consécutive à un tournoi et qui avaient désespérément conjugué leurs efforts afin de détourner du roi

P.S. L'impossibilité technique d'augmenter la teneur du présent ouvrage nous a forcés à raccourcir l'introduction de Monsieur V. K. Zavalichine, consacrée à l'œuvre et à la vie de Nostradamus, au strict minimum.

cette menace mortelle. Il s'agissait de Lucas Gauric (Luka Gaurikh, selon les sources Russes) et de Michel de Nostradamus (Aussi connu comme Michel Nostradam ou Notredame en Russie).

Le 5 février 1556 Lucas Gauric expédia une lettre, avertissant Henri II du danger mortel auquel il s'exposait en continuant de participer en personne aux tournois. Cette lettre, écrite en latin fut traduite au roi par Claude de l'Aubespine. Henri II répondit que la lâcheté est pire que la mort, et il maintenait qu'il préférerait même périr d'une mort violente, mais digne et honorable. Il formait des vœux pour que son adversaire fut un homme vaillant et intrépide.

Vers le milieu du mois d'août de la même année, Henri II rencontra Michel de Nostradamus, qui avait écrit un quatrain dans ses "Centuries," prophétisant la mort d'Henri II des suites d'un tournoi. L'adversaire y était dépeint comme un homme plus jeune et plus vigoureux que le roi de France, et c'est grâce à son ouvrage, les "Centuries", que le nom de Nostradamus a été préservé pour l'Histoire.

Il est singulier que Nostradamus et probablement Lucas Gauric également considéraient cet événement non en tant que prophétie dans le sens propre du terme, mais uniquement comme un avertissement. Il était notoire que Henri II participait beaucoup aux tournois, et, quand il était jeune et plein de vigueur, le roi obtenait toujours la victoire par des attaques impétueuses, par des poussées téméraires, pleines d'agressivité débordante. Mais tout en étant particulièrement audacieux dans l'attaque, Henri II négligeait la défense et ne faisait rien pour élaborer l'art de parer les coups. Les médecins de l'époque des tournois et duels devinrent involontairement des juges experts en la matière, capables de discerner sans erreur possible les faiblesses et les qualités des adversaires des deux camps. Et quand Henri II avança en âge, Gauric et Nostradamus estimèrent avec justesse, qu'une défense maladroite pourrait être fatale au roi de France.

C'est à partir de ce point de vue, que toute analyse objective

* Le sous-titre "La vérité des Centuries" convient parfaitement à l'œuvre, car les "Centuries" sont les prévisions de ce qui doit arriver dans les siècles à venir, en commençant par le XVIe, siècle, époque de Nostradamus.

des "Centuries" doit commencer par un tri effectif entre les différents et multiples avertissements et les dites prophéties.

II

Tel qu'il nous est parvenu les "Centuries" se compose de deux épîtres en prose (l'une destinée au fils de Nostradamus, César, et l'autre à Henri II, roi de France), qui en Russie étaient connues, non sans raison, sous le nom de "deux apocalypses de Nostradamus." Les deux (petite et grande) apocalypses forment environ neuf cent soixante dix quatrains (on doit tenir compte d'un bon nombre de ceux des VII, XI et XII "Centuries" qui n'ont pas été préservés alors que les autres centi-quatrains sont restés intacts).

Les "Centuries" est une sorte de description d'un voyage de leur auteur dans les destinées futures de l'histoire des hommes, tenant compte du fait que ce voyage aurait commencé au XVIe siècle et devrait s'achever au septième millénaire. C'est un voyage à travers guerres, désastres, cataclysmes. Cette description était considérée comme un mystère apocalyptico-tragique, et dès 1555 à nos jours, une vaste littérature fut consacrée aux "Centuries," autant pour que contre: pour les uns, Nostradamus est un prophète clairvoyant, et quant aux "Centuries"—c'est une des œuvres les plus extraordinaires qui soit connue. Aux yeux des autres, Nostradamus est un charlatan, un aventurier dont la place se trouve dans l'incessante procession des faux prophètes au même degré que le comte de Cagliostro. Il existe également un troisième point de vue, selon lequel Nostradamus ne doit pas être sous-estimé ni voué à la suprématie, c'est un précurseur des temps anciens des grands auteurs du fantastique, tels que Jules Verne et H. G. Wells, ni plus ni moins. Il est remarquable qu'Igor Ivanovitch Sikorski, le fameux constructeur d'avions avait un grand respect pour Nostradamus. Il nota que les prophéties fantastiques de Nostradamus étaient conçues dans un état semi-conscient où l'imagination errant dans l'espace précéda les découvertes contemporaines. Sikorski comprenait ce procédé similaire à sa méthode créative.

Si nous nous tournons vers la littérature de tendance mystico-religieuse consacrée à Nostradamus (il existe aussi une lit-

térature vulgarisatrice et scientifico-académique), c'est pour nous apercevoir que même dans cette catégorie il y a des courants adverses et même des opinions totalement contraires les unes aux autres. Pour certains mystiques Nostradamus fut—et continue à être un bon génie de l'histoire mondiale, un héros, presque un saint. Mais il se trouvait, et il se trouve encore des mystiques considérant Nostradamus comme un nécromancien ayant vendu son âme au diable, une des réincarnations du juif errant—Ahasverus.

III

Quelle fut la personnalité réelle de Nostradamus à travers la vérité historique, quelle fut sa vie? Michel de Nostradamus naquit dans la ville de Saint-Rémy-de-Provence, l'an de grâce 1503, le jeudi 14 décembre. Tant par son père que par sa mère, il était d'origine juive. En 1502 ses deux grands-pères, Pierre de Nostredame (descendant des ressortissants italiens Nostradoni) et Jean de Saint-Rémy, étant des médecins influents, occupant de hautes fonctions, soignant princes et rois, sa mère Renée et son père Jacques de Nostredame, notaire prospère avec une nombreuse clientèle française, abandonnèrent le judaïsme et se convertirent à la foi catholique, non volontairement, mais sous le coup d'un arrêté d'expulsion de Provence. De sorte que Michel fut catholique de naissance. Le sort de Nostradamus fut de rester à travers les temps un symbole, ainsi que le patron des juifs convertis au Catholicisme et, dans un sens plus général, au Christianisme.

Les études primaires du jeune Michel furent guidées par son grand-père maternel, Jean de Saint-Rémy, qui fut un temps un des médecins du Bon Roi René de Provence. Jean de Saint Rémy se distingua non seulement comme médecin, mais également comme mathématicien, philosophe et astrologue.

En 1517, Michel quitte Saint-Rémy pour apprendre les lettres classiques à Avignon afin de parfaire son éducation.

De 1522 à 1525, Nostradamus étudie la médecine à la célèbre Université de Montpellier.

Bien avant de devenir bachelier, Michel de Nostradamus décide que sa vocation sera la lutte contre les épidémies. Il acquiert en ce domaine des connaissances pratiques à Narbonne,

Carcassonne, Toulouse et Bordeaux. On pouvait le rencontrer sur toutes les routes menant à ces villes, guidant sa mule chargée de livres et d'instruments médicaux.

En 1529 il retourne à Montpellier pour obtenir un diplôme de docteur. En 1532 le Docteur Nostradamus quitte de nouveau Montpellier et se remet à vagabonder, s'arrêter pour penser et réfléchir dans le calme et aussi pour demander les secours des forces spirituelles.

Incontestablement, en France au XVIe siècle, les "Centuries" de Nostradamus puisaient les qualités formalistes et esthétiques de l'époque. Dans le tourbillon de notre ère l'homme sait-il s'arrêter pour penser et réfléchir paisiblement et ainsi élever sa pensée pour comprendre les sources de "Centuries." Si vous lisez attentivement Nostradamus vous comprenez nettement que l'homme a devant lui deux voies: celle qui doit l'élever, porter très haut sa conscience, accroître sa sagesse, l'autre voie le conduisant au matérialisme par l'emploi de tous les moyens bons ou mauvais.

A Toulouse Nostradamus reçut une lettre de Jules Scaliger, médecin, poète et savant, puissant homme d'action œuvrant pour l'humanisme. La lettre contient une invitation à Agen, où Scaliger vit et travaille. A Agen, le "médecin errant" Nostradamus s'installe pour plusieurs années. Là, il se marie et a deux enfants. En tant que médecin il est estimé à sa juste valeur, et par son contact permanent avec le célèbre Scaliger Nostradamus évolue et se perfectionne spirituellement.

Puis brusquement la situation changea. Dans sa lutte avec l'épidémie qui sévissait à Agen, Nostradamus connut une douloureuse défaite: la peste emporta sa femme et ses deux enfants. C'est alors que Nostradamus rompit avec Scaliger, qui était déçu par l'homme qu'il avait distingué.*

En même temps Nostradamus attire sur lui les soupçons de

* Les causes exactes de la brouille ne sont pas établies. Il n'est pas exclus que la brouille survint pour d'autres causes encore, qui ne nous sont pas connues. Néanmoins il nous faut reconnaître qu'après cette brouille Nostradamus n'hésita pas à surnommer Jules Scaliger "Le Galien de la médecine, le Virgile de la poésie et le Cicéron de l'éloquence," ce qui est tout à son honneur.

l'Inquisition. Il n'ose se rendre à la convocation que lui fait tenir l'Inquisiteur de Toulouse. Alors, dans la vie de Nostradamus commence une période mal étudiée, qui va de 1538 à 1545 et est appelée "l'odyssée septennale". Ce sont les années où il erra dans diverses régions, principalement dans le sud-ouest européen.

En 1545 Michel de Nostradamus apparaît à Marseille en tant qu'aide du médecin Louis Serra, qui prit la tête dans la lutte contre une terrible épidémie. Il n'a pas été établi avec exactitude de quelle genre de peste il s'agissait, mais très certainement ce devait être la peste bubonique ou sa forme pulmonaire. Face à l'épidémie Nostradamus montra beaucoup de courage, d'ingéniosité et de maîtrise de soi.

En 1546 Nostradamus est invité à se mettre à la tête d'une lutte contre un autre fléau épidémique, la peste noire qui sévissait à Aix-en-Provence. Ce fut une époque terrible. Tout débuta par une inondation d'une ampleur sans précédent qui fit des milliers de victimes: hommes, chevaux, bétail. Quand le niveau des eaux baissa, les cadavres enflés des humains et des animaux commencèrent à se décomposer empoisonnant tout à l'entour. Les morts contaminèrent les survivants. Dans les cathédrales il n'y avait presque plus de fidèles. Les enfants restés orphelins devinrent peu à peu sauvages. La faim et le désespoir poussèrent les survivants à se livrer au crime et au pillage.

Nostradamus commença la lutte contre ce fléau d'une manière réfléchie et fort adroite. Il prépara un médicament contre l'épidémie, persuadé que dans les mains expertes d'un docteur, les fleurs et les plantes se transforment en un moyen très efficace de guérison. Mais il ne s'agissait pas uniquement d'une formule de médecine: Nostradamus déjà à Marseille et à Aix avait anticipé aussi des méthodes sanitaires et prophylactiques des temps à venir. Et le médecin gagna la bataille avec les épidémies parce qu'il se trouva être aussi un psychologue hardi, faisant appel au sentiment religieux de la population qui souffrait par la peste et le choléra. "Crois, et ta foi te sauvera" dit l'évangile. Tel un crucifix miraculeux Nostradamus brandit l'étendard de la foi catholique espérant vaincre l'épidémie grâce à l'intervention divine.

Cette lutte victorieuse que mena Nostradamus avec les épidémies d'Aix et de Marseille donna naissance à des rumeurs

fabuleuses. Le conquérant de la peste et du choléra grandit jusqu'à devenir un personnage mystique et quasi légendaire.

Il n'y a pas de fumée sans feu, et tout n'est certe pas fiction dans les récits et légendes qui entourent Nostradamus. Il existe apparemment une grande part de vérité dans le fait que cette lutte avec les épidémies revêtit un caractère sacré. Pourquoi, en effet, dénier que Nostradamus fit sonner les cloches dans toutes les églises des villes atteintes par la peste, qu'il fit dire des messes etc? Le médecin, surtout si c'est un psychologue ne doit pas négliger le facteur de la foi dans une guérison miraculeuse de l'épidémie, particulièrement à cette époque. Parce qu'il sut triompher de la peste et du choléra Michel de Nostradamus fut reconnu comme un bon génie. Mais que se serait-il passé si comme à Agen l'épidémie avait triomphé de Nostradamus? La foule aurait pu le lyncher et l'Inquisition le déclarer vendu au diable et le faire monter sur le bûcher. Seulement on ne juge pas les vainqueurs et la foule reconnaissante accueillit Nostradamus partout avec enthousiasme, le surnommant "le sauveur d'Aix-en-Provence". Le Midi de la France fêta ce descendant des juifs convertis au catholicisme tel un héros national. Et puisque Nostradamus avait fait appel à l'aide spirituelle de l'Eglise pour surmonter le fléau épidémique—l'Inquisition—pour un certain temps—le laissa en paix.

Un vent tragique se transformant en tempête et dans les passages les plus tendus en ouragan, souffle à travers les "Centuries", mais également à travers les "Signes du Temps" et il me semble que cette tragédie apocalyptique prend son inspiration à Agen, Marseille et Aix-en-Provence où il souffrit le plus.

Il y a dans les "Centuries" des quatrains dans lesquels—pareil au chasseur à l'affût d'un carnassier dangereux—Nostradamus suit à la piste peste bubonique et pulmonaire, typhus, choléra, lèpre et syphilis. Avant de tuer le gibier ou le mettre hors d'état de nuire il convient d'étudier d'abord ses habitudes. Les "Centuries" et les "Signes du Temps" ont beau être plutôt ténébreux, la conviction profonde que l'humanité tôt ou tard découvrira l'antidote efficace contre les plus terribles maladies, considérées à cette époque lointaine comme incurables, cette conviction profonde ne l'abandonne jamais.

Mais revenons à la biographie de Michel de Nostradamus.

Pour le remercier de cette éclatante victoire sur l'épidémie, la municipalité d'Aix-en-Provence lui octroya une pension à vie. Le sauveur d'Aix-en-Provence reçut également nombre de cadeaux somptueux, argent, pierres précieuses, soieries etc... venant de personnalités diverses, et d'associations privées. Il décida de transformer tous ces dons en lait pour les orphelins, pain et vin pour les victimes adultes et le vainqueur de la peste et du choléra se trouva être ainsi un bienfaiteur généreux de la population miséreuse.

Après Aix, Nostradamus errant devint Nostradamus sédentaire. De 1547 à sa mort (en 1566), Nostradamus s'installa à Salon, petite ville entre Avignon et Marseille. Là, il épousa une riche veuve Anne Ponsard Djemellier (elle est appelée aussi Poussard); et il fonda une nouvelle famille: trois fils (César, André, Charles) et trois filles (Madeleine, Diane et Anne). Sa gloire en tant que médecin et astrologue ne fit que croître. De riches notables s'adressèrent à lui en quête de conseils. Nostradamus était estimé et aimé de tous, bien que même à Salon il se trouva des ennemis, qui importunèrent considérablement son existence. Certains affirment que ce juif converti fit carrière uniquement pour avoir conclu un pacte avec le diable: l'homme aux trois religions; adepte secret du judaïsme, était parvenu, selon ses délateurs, à siéger à force de ruse dans deux fauteuils à la fois: celui des huguenots et celui des catholiques. Mais Nostradamus sut se placer au-dessus de ces ignorants aigris et intrigants, acharnés contre lui. Il créa à Salon des œuvres médicales, philosophiques et littéraires qui affirmèrent sa renommée.

Après le succès sans précédent de la première édition des "Centuries" en 1555, Nostradamus fut invité à Paris par Henri II et Catherine de Médicis. Le voyage qu'il entreprit alors de juillet à août 1556 avec son fils César fut triomphal. Il était acclamé comme vainqueur de la peste et comme auteur d'un ouvrage populaire et mystérieux consacré aux prophéties. A Paris Nostradamus fut reçu par le duc Anne de Montmorency, par la reine Catherine de Médicis, et le roi Henri II. Il fut comblé de cadeaux et de faveurs. Peu de juifs même convertis peuvent se vanter d'avoir connu tant d'honneur dans la France du XVIe siècle.

En 1564, après la mort tragique d'Henri II et de celle de

François II, Catherine de Médicis et Charles IX, bien qu'adolescent (il n'a que quatorze ans), entreprirent un voyage dans le Midi de la France. Ils s'arrêtèrent à Salon où ils revirent Nostradamus. Charles IX visita Nostradamus à diverses reprises et promut l'auteur des "Centuries" au rang envié de médecin et astrologue du roi.

Accédant à la demande de la reine-mère Jeanne de Navarre Nostradamus examina l'état de santé d'un autre adolescent couronné—Henri de Bourbon.—"Vous deviendrez roi de France et de Navarre", prédit Nostradamus. Prophétie qui se réalisa, puisqu'Henri de Bourbon devint Henri IV de Navarre, roi de France.

Nostradamus possédait une autre qualité précieuse: il savait mieux que quiconque distinguer parmi les enfants, adolescents, jeunes gens ceux qui allaient devenir des grands hommes d'action. Le cas de l'adolescent couronné, Henri de Bourbon, futur Henri IV de Navarre—n'est pas unique. Ainsi nous savons que le jeune François Rabelais suivit les cours du docteur Nostradamus à Montpellier. De là à constater que Nostradamus, qui assista à l'attribution du titre de bachelier à Rabelais, prédit à ce dernier dans les "Centuries" une gloire immortelle.

Il semble qu'il y aurait également une part de vérité dans les légendes, concernant le jeune et pauvre moine franciscain Felippe Pieretti. A en croire la légende, Nostradamus tomba à genoux devant le jeune franciscain, reconnaissant en lui le futur chef de l'Eglise. Pieretti se mit à rire et ne prêta pas foi aux paroles prophétiques de Nostradamus.

Le don de Nostradamus à pressentir de futurs grands talents parmi les jeunes gens n'est pas une pure invention, car de telles légendes contiennent immanquablement des éléments de vérité.

Même une brève description de la vie de Nostradamus ne serait pas complète si l'on ne mentionnait pas le fait, qu'il aida par tous les moyens—moralement et matériellement—l'ingénieur Adam de Craponne,* constructeur du canal de la Crau, reliant le Grand Rhône à la Durance. Pour la France de cette période ce fut

*Note de l'éditeur:

Encyclopaedia Britannica p. 647, Vol. 6, 1951. La Crau, région naturellement stérile, fut adaptée pour l'agriculture par le Canal de Craponne au XVIe siècle entre la Durance et le Grand Rhône, apportant les dépôts alluviaux de la Durance au désert de la Crau.

là une très vaste entreprise. La construction du canal dura cinq années—de 1554 à 1559—et son inauguration ne fit qu'accroître le prestige de Nostradamus.

Nostradamus mourut d'une crise cardiaque en 1566; il était âgé de soixante trois ans. Médecin avisé, il savait qu'il se mourait.—A demain, Maître, lui dit la veille de sa mort son meilleur ami et biographe Jacques de Chavigny.—Demain à l'aube je ne serai plus, répondit Nostradamus. Ce fut sa dernière prédiction et elle s'avéra exacte: Nostradamus rendit l'âme à l'aube du 17 juillet 1566.

IV

Mais la biographie de Michel de Nostradamus ne s'acheva pas avec la mort physique du personnage. Une autre biographie, mystico-romantique de l'auteur des "Centuries", prit naissance. Et cette biographie posthume est bien plus mystérieuse et romantique que ne fut l'existence de Nostradamus.

Les politiciens de la Révolution française au XVIIIe siècle ridiculisèrent les prophéties de Nostradamus qui annonçaient cette révolution tout en condamnant sa suite logique—la Terreur.

En 1791 les gardes révolutionnaires brisèrent le tombeau de Nostradamus (près de l'église Sainte Marthe) et éparpillèrent ses ossements. Un des profanateurs de la dépouille alla plus loin: il remplit de vin le crâne de l'auteur des "Centuries" pour y boire. Cependant les reliques de Nostradamus furent pieusement recueillies par des admirateurs du Maître et transportées à l'église Saint Laurent, où elles se trouvent actuellement et continuent d'attirer l'attention des vénérateurs de Nostradamus. Tous les profanateurs du célèbre astrologue périrent tragiquement.

La biographie posthume de Nostradamus provoqua tour à tour le respect et l'admiration, puis, au contraire l'indignation et la fureur la plus vive aussi bien de la part des révolutionnaires que des réactionnaires. Les uns et les autres dans leur attitude respective envers Nostradamus passèrent de la colère à la faveur et de la faveur à la colère. C'est ainsi que l'on put voir dans les années quatre-vingts du siècle dernier l'Eglise catholique condamner résolument tout favoritisme à l'égard de Nostradamus. En 1918 le père jésuite Herbert Thornton dans le livre "La guerre et les Prophètes" prend cause pour Nostradamus. Thorn-

ton attire l'attention sur le fait que les "Centuries" et les "Signes du Temps" de Nostradamus sont redécouverts régulièrement à chaque période tragique de l'histoire humaine. Effectivement, tous ceux qui ont subi (en paraphrasant Maximilien Volochine) les "Illiades des guerres et les Apocalypses des révolutions" puisent dans la lecture des "Centuries" une sorte de force miraculeuse et attrayante.

Nostradamus enseigne à travers ses récits que s'il n'est pas possible d'éviter cataclysmes et désastres, l'homme entraîné dans ce tourbillon contre son gré peut et doit cultiver les vertus supérieures du courage et de la maîtrise de soi. Pour des milliers de déshérités, de malheureux, les "Centuries" de Nostradamus représentèrent un point d'appui moral et spirituel.

Les commentateurs de Nostradamus continuent le débat concernant le pourcentage exact des prophéties réalisées. Sur cette question les opinions divergent. Il y a un point de vue selon lequel quatre-vingts pour cent de toutes les prophéties se sont réalisées; ceux qui ne sont pas d'accord avec cette affirmation prétendent le contraire: quatre-vingts pour cent de prophéties non réalisées et traitent les premiers de fabulistes homériques. D'autant plus que si 10 pour cent seulement des prophéties peuvent être considérées comme réalisées, elle ne sont que le résultat de coïncidences heureuses, certes, et dues au hasard. Le troisième point de vue, le plus proche de la réalité, à mon avis, estime à cinquante pour cent le chiffre des prophéties énoncées dans les "Centuries" s'étant réalisées, mais pas l'autre moitié.

Incontestablement Nostradamus croyait que cette loi des événements détermine et dirige la marche de l'Histoire.

Nostradamus est grand non seulement parce qu'il fut un magicien dans le sens noble du terme, comme disent les légendes, mais bien parce qu'il fut un génial et hardi philosophe de l'histoire de l'humanité ce qui est l'essentiel.

Le point de vue que la philosophie de l'histoire chez Nostradamus ressuscite et transforme certaines positions néo-platoniciennes, ne doit pas être considéré comme dénué de tout fondement. J'estime qu'il ne serait pas trop exagéré d'affirmer que Nostradamus était familier avec les travaux de Porphyre, philosophe et savant des premiers siècles du christianisme, et en particulier de

ses éclaircissements sur Pythagore et Plotin. Et je pense que Nostradamus ressuscite et transforme cette idée puisant sa source chez les néo-pythagoriciens à savoir que l'histoire se reproduit suivant une logique et sur un rythme déterminé. Cette croyance dans la répétition des processus historiques m'apparaît comme incontestable dans les "Centuries". Mais il faut débattre jusqu'où Nostradamus anticipe (et si réellement anticipation eut lieu) au sujet de Mommsen, Hensler (auteur de l'hypothèse de la ramification du temps), Lennox (avec sa thèse sur le spirallélisme du temps) et même Einstein et sa théorie de la relativité.

Cependant Nostradamus n'a pas assez tenu compte de l'importance de l'élément fortuit dans le futur—par rapport à son époque—destinée de l'humanité. Or toute l'histoire mondiale n'est qu'un processus douloureux et complexe, s'étalant sur des siècles de cette lutte constante entre conformité et fortuité. Et non seulement la clairvoyance, mais également les erreurs de calcul sont convaincantes chez Nostradamus. Car si l'on mentionne l'importance des "Centuries" et des "Signes du Temps", l'essentiel de ces ouvrages ne dépend pas de la simple évaluation proportionnelle des prophéties réalisées ou non qu'ils contiennent, mais bien dans leur puissance évocatrice et dans ce sens aigu du déroulement fatidique des événements historiques, sur lesquels Nostradamus attire l'attention du lecteur avec une force de persuasion passionnée et passionnante. Parmi les nombreuses lois du processus historique, révélées par Nostradamus, nous devons en dégager deux, qui ont une signification particulière.

Premièrement et dès le XVIe siècle, Nostradamus a prédit la fin de la monarchie héréditaire. Quelles que soient la grandeur et la splendeur de leur gouvernement, rois, tsars, sultans, atteignent leurs derniers siècles de pouvoir et sont irrémédiablement condamnés par l'histoire. La monarchie traditionnelle sera remplacée par un régime du type républicain, au triomphe duquel précéderont: émeutes populaires, insurrections, révolutions. Quant à l'idée même de souveraineté du peuple, du gouvernement populaire, Nostradamus fait montre d'un scepticisme extrême: un gouvernement républicain pourrait créer, à son avis, une nouvelle forme d'absolutisme et de despotisme, qui mènerait fatalement à un régime arbitraire, à une humiliation de la masse

sociale telle, que l'histoire n'en a encore jamais connu; dans les destins futurs de l'histoire des hommes l'idée d'un gouvernement populaire pourrait se transformer en une victorieuse tyrannie universelle des peuples. Voilà, certainement, la plus importante des prophéties de Nostradamus, laquelle—les doutes ne sont plus permis—s'est réalisée. Beaucoup seront, je l'assume, du même avis.

Deuxièmement, la signification des "Centuries" réside dans le fait que cet ouvrage se trouve être l'une des premières anti-utopies dans l'histoire de la civilisation. J'admets, évidemment, que les "Centuries" ne contient pas que des éléments anti-utopiques et ne représentent pas dans leur totalité une œuvre anti-utopique. Il est toutefois indéniable, que ceux qui découvrent dans certains quatrains une sorte de discussion hardie, entreprise par Nostradamus avec "Utopia" de Thomas More, parue en 1519—n'ont pas complètement tort. Et je pense, pour ma part, que l'Utopie de Thomas More n'était qu'une source première, destinée à engendrer dans le futur une quantité appréciable d'enseignements fondés sur un humanisme idéalisé—ce fait n'a pas échappé à Nostradamus. Ces enseignements—sèment les illusions les plus radieuses, promettant aux hommes le paradis sur terre et tous les biens qui s'y rattachent.

Dans les "Centuries", Nostradamus s'érige en destructeur rigoureux de toutes ces illusions utopiques et espoirs prometteurs: il n'est pas de paradis sur terre, mais c'est bien le règne du despotisme, des guerres et du sang que les temps futurs apporteront aux hommes, quoique ce futur s'avérera incapable de priver l'homme de son droit à la liberté, du libre arbitre entre le bien et le mal, également impuissant à corrompre sa conscience. Il est plus que probable que Nostradamus ne pouvait pas prévoir la venue au monde de Marx et Lénine, Staline et Hitler. Mais le fait même que Nostradamus ne croyait pas en une réalisation pratique d'idéals utopiques dans les temps futurs, mais prônait le triomphe du despotisme sous le masque du pouvoir des peuples, ne peut, il me semble, être contesté.

La renaissance de la gloire de Nostradamus au XXe siècle, après la Première et la Deuxième Guerre Mondiale est devenue possible exclusivement parce que les deux lois du processus historique prévues par l'astrologue—l'écroulement des régimes monarchiques à la suite d'une révolution et le caractère de tragédie

apocalyptique que prennent les systèmes et les temps nouveaux sont devenues des réalités fatales. Les visions anti-utopiques des "Centuries" de Nostradamus transformèrent les temps futurs en prophéties réalisées.

Nous n'ignorons pas que Nostradamus a acquis une popularité notoire parmi les victimes des régimes totalitaires: les fragments des "Centuries," transmis oralement ont produits une impression impérissable dans les ghettos juifs de l'époque hitlérienne et dans les camps de concentration nazis. Ce n'est pas sans raison que des légendes sont nées, selon lesquelles Nostradamus quitta sa tombe, pour se mêler à la foule des juifs portant l'étoile de David qui sont emmenés pour être fusillés en masse. Nostradamus se reconnaît à ce que ni balle ni obus ne l'atteignent. Tous tombent, lui seul reste debout et menace les bourreaux de vengeance.

En Union Soviétique Nostradamus est peu connu, bien que sa popularité soit en train de s'étendre. Par contre les légendes qui entourent Nostradamus et certains des quatrains sont parvenus par l'intermédiaire des prisonniers français et polonais jusqu'aux camps des détenus, prisonniers de guerre soviétiques et jusqu'aux baraquements des travailleurs de l'est (Ostarbeiter). Beaucoup de prisonniers et Ostarbeiter d'Auschwitz, Dachau, et Buchenwald se retrouvèrent dans les camps de la mort—sans fours à gaz ceux-là—de Vorkuta, Kolyma, Karaganda. Staline les avait déclarés—accusation toute gratuite—sinon traîtres à la patrie, du moins déserteurs en période de guerre et déserteurs du front des travailleurs. Et les légendes sur Nostradamus suivirent sous escorte, les étapes qui mènent aux camps de concentration soviétiques.

Qu'y avait-il donc dans les œuvres de Nostradamus pour attirer les victimes des pouvoirs totalitaires? Je pense qu'il n'y a qu'une réponse possible: la foi sincère et passionnée que professait Nostradamus, selon laquelle toute souffrance injuste ou même la perte d'un être humain ayant fait un choix juste entre le mal et le bien, ne pouvait pas rester impunie; tôt ou tard les forces du mal connaîtraient le châtement. Ce châtement était compris par Nostradamus dans un sens très large, je dirais même dans un plan métaphysique. L'idée d'un châtement suprême venu d'ailleurs, pour s'abattre sur le mal de la terre passe tel un

fil conducteur tracé par Nostradamus à travers toute l'histoire de l'humanité.

Nostradamus confirme le principe humanitaire de l'homme appelé par son destin à devenir une victime de cataclysmes, de bouleversements sociaux et révolutionnaires et de guerres meurtrières. Seul l'homme qui a traversé tous ces désastres peut redécouvrir et estimer Nostradamus à sa juste valeur. James Lawer dans son livre "Nostradamus—le prophète du futur" se souvient qu'il comprit Nostradamus seulement quand il aborda la lecture des "Centuries" dans une cave profonde, lors d'un violent raid aérien sur Londres, au début de la Deuxième Guerre Mondiale. Alors qu'avant ce raid les "Centuries" n'éveillaient en Lawer qu'une certaine déception et de la perplexité. Je suppose que la plus grande partie des admirateurs de Nostradamus—et ils sont des dizaines de milliers dans le monde—a redécouvert les "Centuries" et les "Signes du Temps" précisément lors d'une situation critique, ou d'une période troublée.

V

L'œuvre de Nostradamus possède, à mon avis, un mérite remarquable et indiscutable: c'est ainsi qu'un lecteur réfléchi des "Centuries", doté d'un esprit de curiosité interprète le passé et le futur comme étant le présent. Il se crée alors l'illusion qu'il devient le passager d'un appareil à remonter le temps, dont le pilote serait Nostradamus. Ceci s'explique, d'une part parce que Nostradamus fut—comme l'a si bien démontré Stuart Robb—souvent exact dans ses prévisions au sujet des découvertes techniques et scientifiques. Ainsi il prédit l'apparition des sous-marins, des tanks, des ponts à bateaux, de nombreux appareils de vol, dont les avions, les fusées cosmiques, l'apparition d'engins de grande portée de destruction, ayant une parenté évidente avec les bombes à hydrogènes, etc., et il serait à peine exagéré d'avancer que certains quatrains de Nostradamus sont pour la poésie ce que sont pour les beaux arts les esquisses prophétiques de Léonard de Vinci, représentant l'hélicoptère, le parachute et autres inventions.

A ce degré-là les prophéties deviennent un facteur scientifique. De ce point de vue, Nostradamus doit être considéré comme un précurseur génial des devins contemporains (ou des

spécialistes en pronostics des phénomènes sociaux). Il contemplait le futur d'une hauteur supra-lointaine non seulement dans l'espace, mais dans le temps. Cette vision est d'autant plus juste, que Nostradamus a su prévoir l'envers de la médaille, à savoir que les éternels corollaires des civilisations ayant atteint un très haut niveau de technologie seraient inmanquablement l'effondrement des monarchies, les révolutions et les guerres.

VI

Les sources des "Centuries" ne furent pas tant latino-médicales qu'hébraïques surtout et gréco-antiques.

Les deux épîtres de Nostradamus—à son fils César et au roi Henri II—ont une nette parenté entre elles—ses auteurs se justifiant contre des accusations en magie noire et détournant d'eux les soupçons de l'Inquisition. L'épître de Johann Wier écrite pour la défense d'Agrippa de Nettesheim peut servir d'exemple dans ce cas précis. Nostradamus s'est intéressé à l'apocalypse chrétienne. Mais le principe de base de l'apocalypse est bien hébraïque et non grec archaïque. Et dans ces tentatives de ressusciter dans la littérature française du XVIe siècle des motifs apocalyptiques, Nostradamus ne fut pas le seul. C'est pourquoi on attribue par erreur à Nostradamus les œuvres d'Olivarius (1544) et d'Orval (1542).

En ce qui concerne les quatrains des "Centuries"—leur origine remonterait, selon des estimations non sans fondements, de certains connaisseurs—aux textes grecs des Sibyllins, toutefois Nostradamus prit à cœur de traduire non leur rythme, mais plutôt leur caractère émotionnel. Le principe de base des Sibyllins est grec archaïque, et en plus versifié. Il faut aussi dire, que Michel Nostradamus n'a pas seulement ressuscité la littérature ancienne apocalyptique, mais aussi la littérature plus nouvelle de ce genre, et a réussi de les unifier.

De même Nostradamus doit beaucoup au savant moine Joachim de Flore, ou plus exactement à la traduction de ce dernier, de l'Apocalypse de Saint Jean L'évangéliste. Pour Joachim de Flore le nouveau et l'ancien testaments n'étaient que la lueur de la constellation des visions apocalyptiques, qui unifiaient le passé lointain avec le présent et le futur.

Peut-être que l'importance de Nostradamus est principale-

ment dérivée de son interprétation de la philosophie de l'histoire, où il découvre la présence des co-relations dans les historiosophies de Pythagore, Porphyrius, Joachim et les siennes.

Là, dans l'œuvre de Nostradamus s'incarna l'esprit de son époque, qui aspirait à enrichir la culture française du XVIe siècle par des apports spirituels et esthétiques, empruntés au passé antique.

L'anticipation évidente de Nostradamus dans les "Centuries", qui porte sur les découvertes techniques des civilisations futures, est liée d'une façon ou d'une autre aux mouvements poétiques du XVIe siècle.

Il y a également une part de réalité dans l'affirmation que les "Centuries" rappellent des conférences de philosophie-histoire, destinées aux siècles futurs. Il ne s'agit plus ici d'un médecin habitué à établir des ordonnances en latin, mais d'une transmutation miraculeuse d'un médecin en un spécialiste de l'histoire des temps futurs.

Mais la force de Nostradamus en tant qu'orateur et tribun réside dans la certitude passionnée de son bon droit, dans son esprit caustique et original, qui balaye toutes les différences entre le réel et l'imaginaire, ou plutôt transforme l'imaginaire en réel. Cette intonation oratoire possède son expression rythmique, qui souvent repousse au second plan le syllabisme des vers. Dans les "Centuries" Nostradamus apparaît non seulement en médecin qui a créé une philosophie de l'histoire qui lui est propre, lui permettant de devenir le précurseur lointain des futurologues; il apparaît aussi comme un savant doué de la faculté de sentir et de deviner le beau dans la nature, dans la peinture, dans la musique. Voilà pourquoi l'orateur et le tribun s'élèvent comme par magie jusqu'à la poésie authentique ou jusqu'au thaumaturge pittoresque des mots et images.

Mais n'exagerons pas. Les "Centuries" n'ont pas beaucoup de passages rayonnant de beauté.

VII

J'ai déjà eu l'occasion de signaler la vaste littérature consacrée à Nostradamus et qui se partage depuis longtemps en prose négative et prose positive. Parmi certains admirateurs de Nostradamus j'aimerai, pour conclure, en dégager trois: Pierre de Ronsard, Johann Wolfgang Goethe et Boris Pasternak.

Il y a dans l'œuvre de Ronsard une poésie intitulée "La France après Saint Quentin", écrite en 1557. Le 10 septembre 1557 les espagnols conduits par le duc de Savoy imposèrent aux français une sévère défaite lors de laquelle le général et connétable Anne Ier de Montmorency fut fait prisonnier. Pierre de Ronsard, comme bien d'autres après lui, interpréta l'œuvre de Nostradamus d'un cœur qui venait de souffrir le récent malheur de la France. Voici ce qu'il écrit à ce propos et les quelques lignes citées ont une relation directe avec Nostradamus:

— RONSARD —

Tu te moques aussi des prophètes que Dieu
Choisit en tes enfants, et les fait au milieu
De ton sein apparaître, afin de te prédire
Ton malheur avenir; mais tu n'en fais que rire:
Ou soit que le démon bon ou mauvais l'agite,
Aît de Nostradamus l'enthousiasme excité,
Ou soit que de démon bon ou mauvais l'agite,
Ou soit que de nature il aît l'âme subite,
Et outre les mortels s'élance jusqu'aux cieus,
Et de là nous redit des faits prodigieux;
Ou soit que son esprit sombre et mélancolique,
D'humeurs crasses repu, se rende fantastique;
Brief il est ce qu'il est, si est-ce toutesfois,
Que par les mots douteux de sa prophète voix
Comme un oracle antique, il a de mainte année,
Prédit la plus grande part de nôtre destinée.
Je ne l'eusse pas cru, si le ciel qui départ
Bien et mal aux humains, n'eût été de sa part.

Avant d'aborder Nostradamus vu par Goethe et Pasternak j'aimerais donner un bref aperçu bibliographique.

Toutes les œuvres imprimées de Nostradamus ne nous sont pas parvenues, et peu de premières éditions des "Centuries" ont été préservées jusqu'à nos jours. Ainsi l'exemplaire des "Centuries" édité en 1557 et conservé à Moscou dans la bibliothèque Lénine est quasiment le seul qui nous soit resté de cette époque. Le deuxième exemplaire connu de la même édition se trouvait à Munich, mais disparut lors de la Deuxième Guerre Mondiale. Cette disparition ne doit pas être fortuite: du temps de Hitler—qui disposait d'un astrologue—et se trouvait être entouré de personnes croyant à la science des astres—Nostradamus inspirait

aux nazis un sentiment mitigé de haine et de crainte. Pendant la Deuxième Guerre Mondiale en Allemagne ainsi que dans les pays occupés par les nazis, la lecture et la diffusion des "Centuries" était punie et passible dans certains cas d'emprisonnement.

En Union Soviétique, pour des raisons politiques ou idéologiques, l'œuvre de Nostradamus, si elle n'était pas mise à l'index, se trouvait néanmoins en disgrâce. Cette disgrâce débuta à peu près vers 1920, quand fut édité un petit opuscule contenant une sélection des "Centuries". Cette édition était considérée comme une tentative voilée d'une contre-révolution, pendant le règne de Staline et après lui, la disgrâce ne fut pas levée, au contraire elle s'intensifia. Monsieur V. M. Zhirmunskii en parlant des prototypes historiques du "Faust" de Goethe, cite une succession de noms appartenant aux plus grands savants du XVIe siècle, dont l'existence fut entourée de légendes et de mythes. Ce sont— d'après Zhirmunskii—Trithème, Agrippa de Nettesheim (évoqué par Briusov dans son roman "L'ange de feu" et par Serge Prokofiev dans l'opéra du même nom), Theophrastus Paracelsus et Johann Wier.

A l'admiration de l'auteur du "Faust" immortel pour Nostradamus, Boris Pasternak dans sa traduction de l'œuvre de Goethe en russe joint sa propre admiration pour le créateur des "Centuries". Il est évident que l'affinité spirituelle Pasternak-Nostradamus malgré les quatre siècles qui les séparent, est une affinité de deux convertis, c'est-à-dire de deux juifs ayant embrassé la foi chrétienne; tous les deux sont des êtres pleins de noblesse, adversaires convaincus de l'antisémitisme, quoique l'un et l'autre se sont éloignés du judaïsme.

Il existe parmi les juifs un autre point de vue, selon lequel Nostradamus est un précurseur génial d'Uriel Acosta, Spinoza et Freud. Le traité théologico-politique de Spinoza fut inspiré pour une grande part par l'épître de Nostradamus à son fils César.

Dans les cercles nazis, sous Hitler, règnait l'opinion que Nostradamus n'était qu'un noir corbeau judaïque ayant fait son sinistre nid quelque part entre une synagogue, une cathédrale et un temple calviniste.

Je relève le fait que travaillant à la traduction de Faust, Boris Pasternak alla souvent à la bibliothèque Lénine de Moscou

et utilisa cet exemplaire rarissime de 1557 des "Centuries", exemplaire dont j'ai parlé plus haut.

Nostradamus était un astrologue professionnel. Mais il débuta à une époque où la civilisation technique n'était pas encore parvenue au stade du scalpel, qui sépara l'astronomie de l'astrologie. Néanmoins Nostradamus prédisait avec justesse l'expansion de l'influence des astronomes et l'éclosion de l'astronomie dans les siècles futurs.

Il faut dire aussi que le Faust de Goethe est significatif également parce que le grand classique allemand a su distinguer dans l'œuvre de Nostradamus une anticipation imagée et poétique des découvertes astronomiques. Il est nécessaire de rappeler à cet effet, que la science actuelle ranime certaines thèses de l'alchimie et de l'astronomie; ce qui était considéré comme pure divagation passe maintenant pour une anticipation des acquisitions scientifiques présentes et futures. En particulier, dans les "Centuries" on remarque des reflets provenant de signaux qui nous sont envoyés des autres systèmes planétaires; malheureusement ni l'astrologue Nostradamus, ni les astronomes contemporains ne sont parvenus à déchiffrer ces signaux, bien que l'idée d'une transmission interplanétaire de l'énergie psychique (bonne et mauvaise) pourrait ouvrir à l'humanité de nouveaux horizons.

Il serait inexact d'affirmer que Goethe crût aveuglement aux légendes et mythes d'un Nostradamus capable de converser avec les esprits, s'adonnant à la magie noire, incarnant un personnage démoniaque. C'est justement le Faust de Goethe qui discerna en Nostradamus le grand homme qui sut mettre la magie noire au service de la magie blanche.

Il y a dans Faust cette phrase: "Délivre-toi! Lance-toi dans l'espace! Ce livre mystérieux, tout écrit de la main de Nostradamus, ne suffit-il pas pour te conduire?"

Goethe précise aussi: — "Qui es-tu donc, enfin?" — "Je suis une part de cette puissance, qui éternellement souhaite le Mal et fait le Bien...".

Peut-on estimer dans la lumière de la vérité historique que Nostradamus en est une parfaite illustration?

Nostradamus n'est pas Méphistophèles et n'aspire pas au mal. En toute objectivité, les mystérieuses "Centuries" appartiennent à ces rares ouvrages, créés pour le plus grand bien de l'humanité.

NOSTRADAMUS, THE EARLY FORERUNNER OF FUTURISTS

There is a mad theory before me. The whole question is this: is it mad enough to become reality?

NIELS BOHR

I

In the summer of 1559, Henry II, King of France, was giving in marriage his elder daughter to the King of Spain. A three-day tournament was included in the program of wedding festivities. Henry II decided to participate personally in the tournament. His opponent happened to be the Count of Montgomery, an Englishman, considerably younger than the French King. The Count's lance broke against the helmet of his opponent and a lance splinter severely damaged the King's eye. Was it one of those unfortunate accidents, occurring frequently at tournaments, or, was there a trace of truth in the dark rumours that it had been a premeditated assassination attempt? I doubt that historians will ever give an accurate, objective and convincing answer to these questions.

On June 26, 1559, Henry II died of his wounds and as it was, this death, by mere happenstance, made the aura of fame glow brighter for two physician-astrologers, who had told the King he would die at a tournament but who still made desperate efforts to prevent it. They were Luc Gauric (known in Russian sources also as Luka Gaurikh) and Michel de Nostradamus (in Russia known also as Michel Nostradam or Notredame).

Owing to the impossibility of making this book more voluminous in size, this preface has been reduced to such abbreviated form as to make it not just a summary, but a summary of a summary of the description of the life and creative works of Nostradamus, compiled by V. K. Zavalishin.

On February 5, 1556, Luc Gauric had sent a letter to Henry II with a warning against further participation in tournaments which, supposedly, would mortally endanger the King's life. The message, originally written in Latin, was translated for the King into French by Claude de l'Aubespine personally. The King of France replied that cowardice is worse than a peaceful death. Henry II maintained that he would even prefer a violent death, provided it be with dignity and honour and voiced a hope that his opponent would be a man of courage and valour. And some time later, in the middle of August of the same year, Henry II met Michel de Nostradamus, who, influenced or not by Luc Gauric, foretold in one of the quatrains of his "Centuries," the death of Henry II at a tournament, from the hand of a younger and fiercer opponent. "Centuries" is one of the most important creations of Nostradamus, the work which compelled history to preserve his name from oblivion.*

Peculiarly enough, Nostradamus, as well as Luc Gauric, probably did not regard the incident with Henry II as a prophecy in the true sense of the word, but rather as a warning. It was known that Henry II had engaged in tournaments frequently and had, when he was young and strong, always won by a swift thrust, a strong charge and tireless offensive energy. However, being extremely valiant in the assault, Henry II was neglectful of his defence. He did not work out methods for protecting himself. A physician in the era of tournaments and duels became, involuntarily, a sort of judge, perceiving unmistakably the strong and the weak points of both opponents. And, when Henry II was no longer in his early youth, Gauric and Nostradamus saw that an unskillful defence could be fatal to the King.

An objective analysis of the "Centuries" should begin with

* Can, at least, the subtitle of "Centuries" be called "Truth of the Centuries?" Not if we adhere to the "dead letter" principle. In an exact, literal translation the cardinal work of Michel de Nostradamus should be entitled "true centi-quatrains," "true four-line verses," keeping in mind each Century consists of exactly 100 quatrains. But if we prefer the living spirit to the "dead letter," we become convinced that the "Truth of the Centuries" is an appropriate subtitle, because Centuries is a prevision of that which is destined to happen in ages to come, beginning with the XVIth century, when Nostradamus lived and worked.

the separation of the numerous and diversified admonitions from the so-called prophecies.

II

“Centuries,” in the form which reached us, consists of two prose epistles (one to his son, Cesar Nostradamus, and one to Henry II, King of France) which in Russia were called, not unreasonably, the two (small and large) Apocalypses of Nostradamus, consisting approximately of 970 quatrains (it should be remembered that numerous quatrains of the VII, XI, and XII centuries did not reach us, while the rest of the centi-quatrains survived in full).

“Centuries” is somewhat like a description of the author’s imaginary journey through the destined future of mankind’s history, a journey which began in the XVIth century and ended in the seventh millennium; a voyage through wars, disasters, catastrophies. This narration was perceived as an apocalyptic tragic mystery, and from 1555 to the present it gave rise to an enormous literature—negative as well as positive. For some, Nostradamus is a clairvoyant and prophet and “Centuries” one of the most marvellous books known to mankind. In the eyes of others, he is a charlatan and rogue, whose place is in that endless procession of pseudo-prophets that includes the notorious Count Cagliostro. There exists a third point of view, according to which Nostradamus should neither be overrated, nor denigrated, but considered as the medieval forerunner of such great fantasts as Jules Verne or H. G. Wells, with similar capabilities and nothing more.

If we turn to religious and mystical literature on Nostradamus (there is also a popular and a scientific-academic literature) we will find contrary opinions here which are even hostile toward each other. There were and there are mystics who find Nostradamus to be a consummate genius of world history, almost a saint. But mystics were also found and are being found, who pronounce Nostradamus a necromancer, who sold his soul to the Devil, one of the living incarnations of Ahasverus, the Wandering Jew.

It is noteworthy that Igor Ivanovich Sikorsky, the famous aircraft builder and a man of wide experience, held Nostradamus

in high regard. He noted that Nostradamus' science fiction prognostics were made in a semi-dormant state in which the imagination soared beyond current scientific discoveries; something that was understandable to Sikorsky from similar experience.

III

Who and what sort then was Nostradamus in the light of historical truth?

Michel de Nostradamus was born in the year 1503, in St. Remy de Provence. He was of Jewish descent on both his father's and mother's side. His grandfathers, Pierre de Nostredame (a descendant of the Italian Nostradoni) and Jean de Saint Rémy, were both influential physicians,* occupying important positions, who treated dukes and kings. In 1502, both grandfathers, his mother Renée (née de Saint Rémy) and his father Jacques de Nostradame, a successful notary with multitudinous French clientèle, were converted to Catholicism from Judaism. However, they did not do this voluntarily, but under the threat of forced ouster from their respective professions and expulsion from Provence. Thus, Michel, born in the year 1503, son of Jacques and Renée, was not himself a convert to Christianity, but was born in the Catholic faith.

It was Nostradamus' particular fate that for centuries he remained, and still remains, so to speak, a symbol and support of Jews, embracing Catholicism and, in a broader sense, the Christian faith.

In the extensive literature about Nostradamus, such a transition receives the most controversial appraisals. Some consider Nostradamus to set a precedent for those who want to save their hides, or at best, for those Jews who are led by instincts of self-preservation when they embrace Christianity. Others regard him as a guardian angel of those Jews who come into Christianity out of ideological and/or moral and ethical convictions. But to return to Nostradamus' biography.

Michel received elementary education under the guidance of his grandfather Jean de Saint Rémy, one time Physician in

* Edgar Leroy and Raoul Busquet endeavour to prove that Michel de Nostradamus exaggerated his kinship with intellectual Jewry, in order to push into shadow those of his ancestors who were grain merchants and usurers.

Ordinary to the good King René, Count of Provence. Jean de Saint Rémy was distinguished not only as a physician, but also as a mathematician, philosopher and astrologer.

In the year 1517, Michel went to Avignon to receive a general education. From 1522 to 1525 Michel de Nostradamus studied medicine at the famous University of Montpellier.

Even before obtaining a bachelor's degree, Nostradamus decided that his calling was the struggle against epidemics. He gained practical experience at Narbonne, Carcassonne, Toulouse and Bordeaux. The young baccalaureate could be seen en route to these cities, leading a mule loaded with books and medical instruments. In the year 1529, Michel de Nostradamus returned to Montpellier to continue his medical studies, in order to obtain his doctorate. After passing the doctoral examination and securing the diploma, he, with his faculties and energy, could have, without great difficulty, remained within the university, becoming one of its faculty members. But this aspect was of no special interest to him. In the year 1532, Doctor Nostradamus left Montpellier again to wander anew among the cities of Bordeaux, La Rochelle, Toulouse.

While in Toulouse, Michel de Nostradamus received a letter from Jules Scaliger, a great humanitarian, physician, poet and scientist. The message contained an invitation to Agen, where Scaliger lived and worked. In Agen the "wandering Doctor" Nostradamus settled for several years. There he married and had two children. He was esteemed as a physician and through spiritual contact with the famous Scaliger, he continued to develop.

Suddenly, everything sharply changed; everything was reduced to ashes. In an attempt to cope with the epidemic in Agen, Nostradamus suffered a heavy blow: the pestilence took the lives of his wife and children. At the same time Nostradamus quarreled with Scaliger, who had become disappointed in him.*

* Causes of the quarrel are not definitely ascertained. Possibly, Scaliger sharply censured Nostradamus for the latter's overestimation of his own powers and means in fighting the contagion in Agen. Perhaps Scaliger's hostility was intensified by his views on poetry which were adverse to those of Nostradamus, who preferred fervour and spontaneity of the poetical

Concurrently, Nostradamus drew upon himself the suspicion of the Inquisition. He did not take the risk of reporting in person to the summons of the Toulouse Inquisitor. The years 1538 through 1545 make up an insufficiently explored period in the life of Nostradamus, known as his "Seven-year Odyssey." It was the time of his wanderings across various regions, mainly in Southwest Europe.

In the year 1545, Michel de Nostradamus appeared in Marseilles as an assistant to Louis Serra, who headed the fight against a dreadful epidemic. What kind of pestilence struck, was not established for sure, but most likely it was the bubonic or the pneumonic plague. In the struggle with the epidemic Nostradamus displayed courage, ingenuity and selfcontrol.

In the year 1546, Nostradamus was invited to head the fight against pestilence in Aix-en-Provence. (This time it was either cholera, or the plague again.) These were disastrous times. They started with an unprecedented flood, the victims of which were men, horses and cattle. When the waters abated, swollen corpses of men and animals, decomposing, began to poison the air. The dead contaminated the living. The churches lost almost all their members. Orphaned children were growing desolate. Hunger and despair drove those remaining alive, to crime and robbery.

Nostradamus fought the pestilence with reason and skill. He concocted a medicinal remedy against the contagion, based on the conviction that flowers and herbs in the hands of a competent physician can be transformed into potent drugs. But the point was not the medicinal formula: in Marseilles and in Aix, Nostradamus anticipated many sanitary and prophylactic measures of times to come. And the physician won the fight against two epidemics by being also a brave psychologist, appealing to primordial religious sentiments of the populace suffering from cholera and plague. "Believe, and thy faith shall save thee!"—says the Gospel truth. Nostradamus raised this truth as a miracu-

sensation to prosodic technique and versification rules. It is possible that the quarrel was engendered by some other unknown causes. To the credit of Nostradamus be it said that even after the quarrel with Jules Scaliger he called him "a Galen in medicine, a Virgil in poetry and a Cicero in eloquence."

lous Catholic cross, hoping to smash plague and cholera with its help.

Tales and fantastic rumours began to accumulate around Nostradamus' struggle with the epidemic in Marseilles and Aix. The conqueror of cholera and plague grew into a legendary and mystical figure.

It is generally known that there is no smoke without a fire and probably not all is fiction in the legends and tales about Nostradamus. Apparently, there are some grains of truth in the belief that his struggle against epidemics acquired a mysterious character. Why should it not be true that in towns infected with plague, Nostradamus wanted church bells rung, services continued, etc.? A physician, if he is a psychologist too, should not disregard belief in the miracle of healing and especially not in the sixteenth century. In Michel de Nostradamus people saw a benevolent genius, because he conquered plague and cholera. But what would have awaited him if he, as in Agen, were himself defeated by pestilence? The mob could have trampled him to death, the Inquisition could have pronounced him in league with the Devil and burned him at the stake. But victors are not judged and the appreciative throng greeted Michel de Nostradamus everywhere, proclaiming him the "saviour of Aix-en-Provence." The South of France celebrated as a national hero, this descendant of Jews become Catholic. And because Nostradamus, when fighting epidemics, called on the Church for help, the Inquisition, in return, left him, for the time being, alone.

Not only through "Centuries," but also through "Portents"*—the two major prophetic works of Nostradamus—a tragical wind blows tempestuously, in tense moments becoming a hurricane, and it seems to me that this tragic Apocalypse was cast by that which Nostradamus experienced in Agen, Marseilles, Aix-en-Provence.

"Centuries" contains quatrains in which Nostradamus tracks bubonic and pneumonic plague, typhus, cholera, leprosy, and syphilis, like a hunter tracks a dangerous beast of prey. Prior to killing the beast or rendering it harmless, its habits have to be studied. And Nostradamus does not abandon the conviction,

* Nostradamus' authorship of "Presages" and "Sixains" is of dubious authenticity.

no matter how sombre his "Centuries" and "Portents" are, that humanity, sooner or later, will find an efficacious antidote against the most dreadful diseases which in his age were considered incurable.

But let us return again to the biography of Michel de Nostradamus. For victory over the pestilence the Municipality of Aix awarded him a life pension. From private individuals and various societies of the day, the saviour of Aix-en-Provence received many gifts of money, jewels, cloth and the like. Nostradamus decided to transform these gifts into milk for orphaned children, bread and wine for adult disaster victims. And this decision was carried out: the conqueror of cholera came to the rescue of the suffering populace as a generous benefactor.

After Aix the wandering Nostradamus became the settled Nostradamus. From the year 1547 to the year of his death 1566, Nostradamus settled down in Salon, a small town between Avignon and Marseilles. There he married a widow, Anne Ponce Gemelle, called also Poussart; he acquired a new family—sons (César, André, Charles) and daughters (Madeleine, Diana, Anne). His fame as physician and astrologer grew continuously stronger. A vast number of rich and eminent people sought him for advice. Nostradamus was liked and esteemed, although in Salon too, some enemies appeared, who deeply disturbed him. And here, some presumed that the son of converted Jews bargained for his career and his success by means of a secret deal with the Devil. There were even those who saw in Nostradamus a believer in not two, but in three religions: a secret adherent to Judaism, according to them, who besides occupied two chairs: Huguenot and Catholic.

In reality, Nostradamus was close to the ideas which (possibly apart from himself) were professed by the then young Montmorency-Delmar, who strived, but without great results, for the mitigation of religious discords and contradictions in the country. But Nostradamus took a stand above the embittered ignoramuses and the cruel plotters. In Salon he created medical, philosophical and literary works which ensured his fame.

After the unique success of the first edition of "Centuries" in the year 1555, Nostradamus was invited to Paris to attend the Court of Henry II and Catherine de Medici. The journey

which Nostradamus undertook with his son César lasted nearly one month—from July to August, 1556—and was a triumphant one. Nostradamus was celebrated as the conqueror of pestilence and as the author of a popular enigmatic-oracular book. In Paris, Nostradamus was received by Duc Anne de Montmorency, Queen Catherine de Medici and King Henry the Second; he was showered with favours and gifts. Few Jews, even those who were the progeny of converts to Christianity, were enjoying such honours in sixteenth century France.

In the year 1564, after the tragic death of Henry the Second and the death of Francis the Second, Catherine de Medici and Charles IX, the then young King (he was only 14 years old), undertook a journey through the South of France. They also visited Salon, where they met with Nostradamus. During this trip, Charles IX met Nostradamus in other places too and made the author of "Centuries" his Physician in Ordinary and Astrologer in Ordinary.

At the request of the Queen-Mother Jeanne of Navarre, Nostradamus examined the state of health of yet another crowned youth—Henri de Bourbon. "You are the future King of France and Navarre," Nostradamus said to him. And so it was. Henri de Bourbon became Henry IV (of Navarre), the King of France.

Nostradamus had yet another gift: he, as no one else, could sense in youths, adolescents and young people the great figures to be. The incident with the crowned adolescent Henri de Bourbon, the future Henry IV (of Navarre), was not an exceptional one. François Rabelais attended lectures of Dr. Nostradamus in Montpellier. And it seems true that Nostradamus, who was a witness at the Baccalaureate graduation of Rabelais, foretold for him in "Centuries" an immortal fame.

And it seems that there is some truth in legends about Nostradamus and Pope Sixtus V, when the latter, by origin from the lower classes, was just a poor young Franciscan monk, Felice Peretti. Nostradamus, if one is to trust the legend, fell on his knees before the young Franciscan as though before the future head of the Catholic Church. At the time, the man burst out laughing, as he did not believe it.

There may be some exaggeration here, but Nostradamus'

ability to perceive great gifts in young people is not entirely a fable, for such legends contain elements of truth.

Even a short account of Nostradamus' life would be incomplete without mentioning that he rendered every possible assistance—moral and material—to the Engineer* Adam de Craponne, the builder of the canal connecting the Grand Rhone with the Durance. This was a great feat for France in those days. The canal was built in 5 years—from 1554 to 1559—and its inauguration exalted Nostradamus even more.

Nostradamus died from cardiorrhexis in 1566, in the sixty-third year of his life. An experienced physician, he knew that he was dying. "Until tomorrow, Master," said his devoted friend and biographer Jacques Chavigny, the night before Nostradamus died. "I shall be no more at dawn tomorrow," replied Nostradamus. This was his last prediction, and it came true: Nostradamus passed away at dawn July 17, 1566.

IV

However, the biography of Michel de Nostradamus does not end with his physical death. For the author of "Centuries," it is rather a beginning of a posthumous mystical-romantic biography. And this posthumous biography is considerably more enigmatical and dramatic than the earthly life of Nostradamus.

The XVIIIth century leaders of the French Revolution ridiculed the prophecies of Nostradamus, who foretold this Revolution, condemning its terror. In the year 1791, revolutionary guardsmen destroyed Nostradamus' tomb in the chapel of a Franciscan monastery, scattering his bones about. One of the defilers went as far as filling the skull of the author of "Centuries" with wine and drinking from it. But through the endeavours of his admirers, the relics of Nostradamus were rescued and transferred to the St. Laurent Church, where they rest until the present, still continuing to draw the attention of Nostradamus' adherents. All defilers of the remains of Nostradamus died tragically.

* Note of the Editor: Encyclopaedia Britannica, p. 647, Vol. 6, 1951. "Naturally sterile, the Crau is adapted for agriculture by the process of warping, carried out by means of the Canal de Craponne," joining the Durance with the Grand Rhone.

The posthumous biography of Nostradamus aroused, by turns, either the respect and admiration or the rage and indignation of revolutionaries and reactionaries as well. Both sides alternated wrath with favour and favour with wrath. Thus, in the eighth decade of the past century, the Catholic Church emphatically denounced any adherence to Nostradamus. But in 1918, the Jesuit Father Herbert Thornton, in his work "The War and the Prophets," came forward in defence of Nostradamus. Thornton pointed out that people rediscover Nostradamus' "Centuries" and "Portents" during the tragic stages of man's history. It is true, those who suffered (if one paraphrases Maximilian Voloshin) "Iliads of wars and Apocalypses of revolutions," find in "Centuries" some kind of thaumaturgic and magnetic force.

It is hard for many to believe that Nostradamus is a chronicler of mankind's bloody future and not its history or that which occurred relatively recently. Nostradamus teaches that if catastrophes and disasters are inevitable, the man who against his will, is drawn into the vortex of events must cultivate in himself courage and self-control. For thousands of unfortunate and miserable men, the "Centuries" of Nostradamus renders spiritual and moral support.

The interpreters of Nostradamus continue to debate the percentage of his fulfilled and unfulfilled prophecies. Many most controversial opinions exist on this subject. There is one point of view, according to which 90 percent of all Nostradamus' prognostications came true; the dissenters call that a Homeric exaggeration, proclaiming 90 percent of all prophecies of Nostradamus were never fulfilled; and if 10 percent did come true, it was just a result of lucky coincidence. According to the third, and what I think is the most sound view, "Centuries" contains approximately one half fulfilled and one half unfulfilled prophecies. And it is indisputable that Nostradamus believed in the existence of a regularity in the law which determines and governs the course of history.

Nostradamus is great, not because, as legends have it, he was a sorcerer and a magician, but because he is above all a brilliant and bold philosopher of the history of mankind. The point of view which states that the philosophy of Nostradamus revives

and transforms some basic positions of the Neoplatonists, should not be considered as unfounded. I do not think it a fantastic exaggeration, but rather a possibility, that Nostradamus was familiar with the works of Porphyrius, a philosopher of Christianity in its first centuries, and in particular, with his elucidations of Pythagoras and Plotinus.* And I think that Nostradamus revives and transforms the view which can be traced to the Neopythagorean, namely, that history repeats itself in a definite, rhythmical succession. This belief in the recurrence of historical processes presents itself quite clearly in the "Centuries" of Nostradamus. However, one can and one must dispute whether Nostradamus did anticipate, if he anticipated at all, Mommsen, Hensler (author of a hypothesis on the ramification of time), Lenox, with his position on spiral-like time, and even Einstein with his theory of relativity.

But Nostradamus failed to take into consideration the role of a chance element in the destiny of mankind—the future as compared with his times. Yet, world history is an agonizingly intricate interminable process of struggle between repetitious conformity and chance. And not only Nostradamus' insights, but his errors convince us of this. When one discusses the significance of "Centuries" and "Portents," the importance rests not upon the insights contained therein, be they fulfilled or unfulfilled. The very essence of the matter is in the force and fatal sense of the historical laws to which Michel de Nostradamus draws the reader's attention with such passionate conviction in his "Centuries" and "Portents." Among many recurrences in the historical process revealed by Nostradamus, two should be singled out as of exceptional significance.

Firstly, as early as the XVIth century, Nostradamus foresaw that hereditary monarchy was not everlasting; the reigns of kings, tsars and sultans, however distinguished with grandeur and splendor, were reaching their final centuries. Their rule was doomed by history. A Republican form of government, its triumphant way paved by people's revolts, uprisings and revolutions, would replace the traditional monarchy. But Nostradamus regarded with utmost criticism the very idea of govern-

* See footnotes to bibliography, page

ment and power in the hands of the people: in his opinion, the Republican form of government could create utterly new forms of absolutism and despotism that could lead to such deprivation of rights and humiliation of the people as was yet unheard of in the history of humanity: and in the future, the rule of the people could turn into the oppression of the people themselves. That is, probably, the major insight of Nostradamus which, without any doubt, did come true. Many, I hope, will agree with this.

Secondly, the significance of "Centuries" lies in the fact that it turned out to be almost the first "anti-Utopia" in the history of world culture. I assume that "Centuries" contains only some elements of anti-Utopia and is not a grandiose anti-Utopia on the whole. But one can not disagree with those who find Michel de Nostradamus boldly and courageously writing as if conducting a debate in some of the quatrains of his "Centuries" with Thomas More, whose "Utopia" made its appearance in the year 1519. And I think it did not escape Nostradamus that the "Utopia" of Thomas More was only a flight which in times to come would produce a multitude of teachings on the social ideal. These teachings would sow the most dazzling illusions, promising men paradise on earth and all possible blessing. Nostradamus did not believe in this.

In "Centuries" Nostradamus comes out as a ruthless annihilator of Utopian illusions and hopes: man's future holds no paradise on earth, but despotism, wars and blood, although even the future is powerless to take away man's right to a freedom of choice between good and evil, powerless to divorce him from his conscience. Possibly, Nostradamus had not even conjectured that the world would produce Marx, Lenin, Stalin and Hitler. But it seems to me indisputable that Nostradamus did not believe in the practical realization of Utopian ideals and was convinced that in the future despotism would triumph under the mask of a people's government.

The revival of Nostradamus' fame in the XXth century, following the two world wars, can be partially attributed to the fact that two historical events foreseen by him—the revolutionary destruction of monarchic regimes and the apocalyptically tragic character of the new resultant systems and times—became the

fatal historical truth: the anti-Utopian motifs of Nostradamus' "Centuries" had become in a future era realized prophecies.

We know that Nostradamus gained an exceptional popularity among victims of totalitarian regimes: fragments of "Centuries," verbally conveyed, produced an indelible impression in the Jewish Ghettos of Hitler's time and in Nazi concentration camps. Not without reason, legends formed about Nostradamus rising from the grave, mixing with throngs of Jews led to be shot, the Star of David on their backs; Nostradamus—identified because neither bullet nor grenade touches him when everyone falls—is unharmed and threatens revenge on the executioners.

Few know about Nostradamus in the Soviet Union, although even there his popularity grows continuously. Legends about him and certain quatrains from his "Centuries" reached camps of Soviet prisoners of war and barracks of workers from the East (the Ost-Arbeiter) via French and Polish captives. Many of the prisoners of war and Ost-Arbeiter from Auschwitz, Dachau, and Buchenwald found themselves in Soviet death camps (without the gas chambers) at Vorkuta, Kolyma and Karaganda. Stalin pronounced them all indiscriminately if not traitors, then deserters from the battle and labour fronts. And the legends of Nostradamus rode along with the transport to Soviet camps.

What then fascinated victims of totalitarian regimes in the works of Nostradamus? To this, I think, there can only be one answer: the sincere and passionate belief of Nostradamus that the innocent suffering or the death of a man who has made the right choice between good and evil, will not remain without revenge: sooner or later, the vengeance, in a Nostradamus broad sense, or I would say on a metaphysical plane, would fall on the evil forces. The idea of revenge for evil is traced by Nostradamus through the whole history of mankind.

Nostradamus strengthens the humane principle in man, whom destiny sacrifices to catastrophes, social and revolutionary shocks and bloodshedding wars. Only one who goes through all this, can rediscover and properly appraise Nostradamus. James Laver, in his book "Nostradamus; or, the Future Foretold," recalls that he understood who Nostradamus was, when reading "Centuries" in a deep cellar, going through a massive air attack on London in the very beginning of World War II. Before

that, "Centuries" evoked in Laver a certain disappointment and perplexity. I presume that the greater part of Nostradamus' admirers—there are thousands of them in the world—did rediscover "Centuries" and "Portents" only in stormy surroundings.

V

The creative works of Nostradamus possess one exceptional and, in my opinion, indisputable quality. A thoughtful and inquisitive reader of the "Centuries" will perceive past and future as the present. An illusion is created as though the reader becomes a passenger of the time machine, driven by Nostradamus himself. Partly, it is explained by the fact that Nostradamus, as Stewart Robb points out convincingly, was often exact in his prevision of technical achievements and discoveries. Thus, he predicted the appearance of submarines, tanks, pontoon-bridges, numerous flying apparatus, including aeroplanes, cosmic rockets, instruments of terrible destructive power related somewhat to the hydrogen bomb, etc. And it would be scarcely an exaggeration to maintain that "Centuries" of Nostradamus contains quatrains in which he accomplished in poetry what Leonardo da Vinci achieved in the visual arts, when in his prophetic sketches he delineated the helicopter, the parachute, etc.

Here, the foresight becomes a scientific factor. And Nostradamus should be appreciated as a sagacious forerunner of contemporary Futurists (or the specialists in social prognostication) from a super-remote distance—only not in space, but in time. It is especially true, for Nostradamus foresaw the reverse of the coin too, namely, that the crumbling monarchies, revolutions and wars would become the eternal accompaniment of a highly developed technological civilization.

VI

Now let us turn to the sources of "Centuries" and the formalistic-esthetical qualities of this work by Michel de Nostradamus.

"Centuries," I repeat, consists of two epistles and around 970 quatrains (of the twelve "Centuries"). According to some, the language and style of a physician used to writing Latin prescriptions could be felt in the epistles and the quatrains. And this

prescription-like Latinized Old French language should not be ranked with the pearls of world literature. However, this type of criticism was often accompanied by certain reservations, namely, that the passing of centuries was favourable to the work of Nostradamus: "Centuries" produces now the same expression as, let us say, the less than perfect, cathedrals and structures of the XVIth century or the picturesque, although far from superior, miniatures of the Apocalypse. The charm of the past four centuries, by happenstance, offsets the shortcomings and laxity of the style. It seems to me that those who disputed such views were closer to the truth. According to them, the sources of "Centuries" were not so much the prescription-like Latin, as they were Hebraic and Ancient Greek.

Both epistles of Nostradamus—to his son César and to King Henry II—are akin to those authors who were justifying themselves from accusations of black magic and who were warding off suspicions of the Inquisition. The Epistle of Johann Wier in the defence of Agrippa von Nettesheim can serve as an example here. But aside from this, it is noticeable in both epistles that an attempt is made to transfigure, in a modified form, the traditions and the principles of Hebraic and early Christian Apocalyptic literature, both of which interested him equally. And in his endeavours to revive the Apocalyptic motifs in the French literature of the XVIth century, Nostradamus was not alone.

The four-line verses of the "Centuries," as some researchers convincingly have it, could be traced back to the "Sibylline Oracles." However, it was their emotional character, rather than their rhythmic that Nostradamus took to his heart.*

It should also not be overlooked that Michel de Nostradamus resurrected not only the early Apocalyptic, but the later Apocalyptic literature, joining them, so to speak, into a unified whole. Moreover, Nostradamus is indebted to the learned monk Joachim of Flore, more exactly to Joachim's interpretation of the Apocalypse of St. John the Evangelist. For Joachim of Flore the Old and New Testaments were but the beaming light of that constel-

* The fundamental principle of the "Sibylline Oracles" is, however, the Ancient Greek and the versification.

lation of Apocalyptic visions which unite the remote past with the present and the future.

Perhaps the importance of Nostradamus lies mainly in that in his interpretation of the philosophy of history, he pointed out the presence of the chosen relationship between Pythagoras', Porphyrius', Joachim's and his own outlook on historiosophy.

Here, a spirit of the epoch embodied itself into the works of Nostradamus, striving to enrich the French culture of the XVIth century with spiritual and formalistic-esthetical treasures excavated from ancient times.*

It is admissible that the researchers who surmise that "Centuries" has two more secondary, rather than cardinal sources, may be right to a certain degree. They point out the poems of Arnaut Daniel, a Provençal poet of XIIIth century, and the yet insufficiently explored fantastic motifs of the XVIth century shop poetry. The connection is based on the assumption that the alchemists and engineers of those days did have some contact with shop foreman and apprentices. Right then, ideas about the magic of mechanisms which would later turn into reality, came to be incorporated in folk song. Nostradamus' anticipation (in "Centuries") of the achievements and the discoveries of the future centuries' technical civilization is in some way or other connected with the shop poetry of his time.

There is some truth in the fact that "Centuries" resembles a collection of lectures in the philosophy of history addressed to future times. As such, its value is to be found not in the style of a physician, accustomed to writing prescriptions in Latin, but rather in the magic transformation of the physician into a specialist in the history of ages to come. Such material is difficult to put into four-line verses and centiquatrains. This is why in many quatrains of the "Centuries" eloquence frequently prevails over poetics and why, at times, the intonation of a spirited tribune drives back the proper poetical intonation.

However, the strength of Nostradamus as a lecturer lies in his passionate conviction in his rightness and in the poignant and original thought which sweeps away all differences between the reality and the imagery, or, rather, transforms the imagery

* Thus, the works of Olivarius (1544) and Orval (1542) are falsely attributed to Nostradamus.

into the reality. This oratorical intonation has its own expressive rhythmic which not infrequently surmounts the syllabic of the verse. Nonetheless, in "Centuries," Nostradamus is not only a physician who created his own philosophy of history and on this basis alone, became a precedent that would later be followed by the Futurists; he also is a scientist endowed with a gift to perceive and divine the beautiful in Nature, Painting and Music. This is why the lecturer and the tribune, at times ascends, as though by magic, to the heights of genuine poeticalness, or to the thaumaturgical picturesqueness of the word and the image. However, let us not exaggerate. There are not that many rays of beauty in the "Centuries."

VII

I have previously mentioned that the extensive literature on Nostradamus has been divided for a long time into the negative and the positive. In conclusion, I would like to point out three among the admirers of Nostradamus. They are Pierre de Ronsard, Johann Wolfgang Goethe and Boris Pasternak.

Pierre de Ronsard wrote a poem in 1557 entitled "France after Saint Quentin," which is connected with events that took place on the 10th of September of that year. Spaniards under the leadership of the Duc of Savoy inflicted a dreadful defeat on the French in the battle of Saint Quentin, taking the famous General and Statesman Anne de Montmorency as prisoner. Pierre de Ronsard, like many who came after him, took the works of Nostradamus to his heart under the influence of a recently experienced disaster. Here is the poem of Pierre de Ronsard in which every line bears a direct relation to Nostradamus, who foretold the defeat and who warned against it.

"Thou mockest also the Prophet that God chooses amongst the children, and places in the midst of thy bosom, in order to predict to thee thy future misfortune. But thou dost but laugh at them. Perhaps it is the immense eternity of the great God that has aroused the terror of Nostradamus. Or perhaps a good or bad demon kindles it, or perhaps his spirit is moved by Nature, and climbs to the heavens, beyond mortals and from there repeats to us prodigious facts. Or perhaps his somber and

melancholy spirit is filled with cross humors, making him fanciful. In brief, he is what he is; so it is that always with the doubtful words of his prophetic voice, like that of an ancient oracle, he has for many a year predicted the greater part of our destiny. I would not have believed him, had not heaven, which assigns good and evil to mankind, been his inspiration.”*

Before turning to characteristics of Nostradamus in Goethe and Pasternak, I feel that the following bibliographical digression should be made.

Not all of the printed works of Nostradamus have survived, nor have all of the editions of “Centuries,” especially the early ones, reached us. Thus, one edition of “Centuries,” printed in the year 1557 which is in the Lenin Library in Moscow, is probably the sole surviving copy of that edition. The only other known copy of the same edition was in the Munich Library, but it disappeared during the Second World War. Its disappearance was hardly accidental. Many members of Hitler’s entourage were believers in astrology. Hitler, it should be remembered, even had his own astrologer. This being the case, Nostradamus filled the Nazis with mixed emotion of hatred and awe. During World War II in Germany, as well as in the countries of its occupation, people were persecuted for reading or distributing “Centuries” of Nostradamus. Cases are known of persons who were punished by imprisonment for doing so.

In the Soviet Union, Nostradamus, for political or ideological reasons, was certainly in deep disgrace, if not completely banned. The disfavour originated as far back as the twenties, when a small collection of translations from “Centuries” appeared in Russian. Even at that time, a veiled counter-revolution was detected in this collection. During the Stalin era and thereafter, the disgrace was not lifted. On the contrary, it was intensified. This is quite obvious in the collection of “The Legends about Faust,” published by the Academy of Sciences of USSR and edited by V. M. Zhirmunskii. This collection offers a detailed and valuable article by Zhirmunskii on historical prototypes of Faust in the immortal work of Goethe. In addition, it contains his search for a number of outstanding scientists of the sixteenth century, whose lives have become surrounded by

* Pierre de Ronsard—translated by Edgar Leoui.

legends and tales. They are, as Zhirmunskii points out, Trithemius, Agrippa von Nettesheim (depicted by Valeri Briusov in his novel "The Fiery Angel" and by Sergei Prokofiev in the opera of the same title), Theophrastus Paracelsus and Johann Wier. But V. M. Zhirmunskii did not risk to mention that Goethe himself put Nostradamus in the first place after the historical Faust. This is obvious from the very beginning of "Faust," a fact that was stressed by Boris Pasternak in his translation of this work. And thus, to that admiration of Nostradamus by the immortal author of "Faust," Boris Pasternak added, in the translation, his own admiration for the author of "Centuries."

I have had occasion to hear from Hebrew scholars that the communication through the ages between Pasternak and Nostradamus, across four hundred years, is a communication between two sons of converted Jews, who embraced Christianity. Both men are of noble nature and confirmed foes of antisemitism. However, both are far removed from the Jewish culture and virtually both are lost to Jewry. Nostradamus, being a Jew by blood, became a Southern Frenchman in spirit. Pasternak, born of Jewish parents, absorbed a lot of the Russian spirit, particularly of Russian Orthodoxy.

Among the Jews there still exists another point of view, namely, that Nostradamus is a brilliant forerunner of Uriel Acosta, Spinoza and Freud.*

In Nazi circles, on the other hand, an opinion was widely circulated that Nostradamus was a Judaic black raven, that built its frightful nest somewhere between the Synagogue and the Church, Catholic and Calvinistic.

It is of interest that Boris Pasternak, in the process of translating Goethe's "Faust," visited the Lenin Library, where he used the earlier mentioned rare edition of 1557 of the "Centuries."

Here is an excerpt from "Faust," bearing a direct relation to Nostradamus:

Be off! Away! To broad, free lands!
This volume wherein mysteries hide,
From Nostradamus' very hands,
Is not this book sufficient guide?

* Nostradamus' Epistle to his son Cesar considerably influenced the "Theologico-Political Tract" of Spinoza.

Then the course of stars you'll learn,
And Nature, teaching you, will fill
Your soul with power; then you'll discern
How spirits to spirits speak at will

Nostradamus was a professional astrologer. He, however, began at that time when technological civilization had not yet turned into the scalpel that severed astronomy from astrology. Nevertheless, Nostradamus correctly predicted the impact of the increase in the number of astronomers, as well as the flourishing of astronomy in the centuries to come. And Goethe's "Faust" is significant in that the German scholar saw in the astrology of Nostradamus the figurative-poetical anticipation of astronomical discoveries. It should be remembered that at the present time, science is reviving some of the old ideas in the fields of alchemy and astronomy, many of which, at some time in the past, were pronounced as sheer lunacy. Now they are being perceived as an anticipation of scientific achievements of later days. In particular, astrologers see in the "Centuries" reflections of signals sent from other planets to the earth. However, neither Nostradamus nor today's astronomers are able to decipher these signals, although the thought of interplanetary transmission of psychic energy (both good and evil) could enable mankind to discover new horizons.

Here is another excerpt from "Faust," a monologue of Dr. Faust about Nostradamus:

All this dry pondering is in vain!
The holy symbols to explain
Ye hover, spirits, near me . . . near!
Answer me, if you can hear!
 (He opens the books and gazes upon
 the sign of the Macrocosm)
Ha! at this one burning glance what ecstasy
Courses through my senses once again!
I feel a youthful holy joy of life,
Quivering through every nerve and vein!
Was it a god who wrote this sign which stills
My inner tumult, fills
My troubled heart with joy,
And with mysterious force reveals
The power of Nature which about me steals?
Am I a god? My spirit grows so clear!
I gaze on this fine script, and here

Nature at work, bared to my soul, I feel!
At last I understand the sage who said,
"The World of Spirits is not barred to thee!
Thy mind is sealed! Thy heart is dead!
Up, student! Bathe unweariedly
Thy earthly breast in morning-red."
(He contemplates the sign)

It is not true that Goethe blindly took on trust the legends and the tales about Nostradamus contacting spirits and being a sorcerer, a black magician, or a demonic figure. Precisely, Goethe's Faust recognized in Nostradamus a man of greatness, who put black magic into the service of white magic. The following is a passage from "Faust": "Then, who art thou, after all? I am a part of that force which eternally seeks Evil and eternally generates Good." Can one then surmise that such is Nostradamus in the light of historic truth?

Nostradamus was not Goethe's Mephistopheles and he, certainly, was not seeking evil. Objectively, his enigmatic "Centuries" belongs to those rare books which were created for the Good of mankind.

Вячеслав Завалишин

НОСТРАДАМУС КАК ДАЛЬНИЙ ПРЕДТЕЧА ФУТУРОЛОГОВ

Предо мной — безумная теория. Весь вопрос в том, достаточно ли она безумна, чтобы стать истиной.

Нильс Бор

I

Летом 1559 года французский король Генрих Второй выдавал свою старшую дочь замуж за испанского короля. В программу свадебных торжеств входил и трехдневный турнир. Сам Генрих Второй принял решение стать участником турнира. Его противником оказался граф Монтгомери, англичанин, гораздо более молодой, чем французский король. Копье графа сломалось о шлем противника, и осколок копья сильно повредил глаз французского короля. Что это — несчастный случай, каких немало случалось на турнирах? Или же в темных слухах о том, что это — преднамеренное покушение на убийство, была доля правды? Боюсь, что историкам так и не удастся дать точный, объективный и убедительный ответ на эти вопросы.

26 июня 1559 года Генрих Второй скончался от ран, и так получилось, что эта гибель невольно заставила ярче воссиять славу двух врачей и астрологов, предсказавших королю смерть на турнире и прилагавших отчаянные усилия к тому, чтобы ее предотвратить. Речь идет о Люке Кори (в русских источниках он еще известен как

* Из-за невозможности сделать эту книгу большей по объему, вступительная статья к ней печатается с такими сокращениями, что представляет даже не конспект, а конспект конспекта составленного В. К. Завалишиным описания жизни и творчества Нострадамуса.

Лука Каурих) и Михаиле Нострадамусе (в России его знают также как Мишеля Нострадама или Нотредама).

5 февраля 1556 года Люк Кори послал Генриху Второму письмо, извещая его, что дальнейшее участие короля в турнирах сопряжено со смертельной опасностью для его жизни. Письмо это было написано по латыни, и его лично перевел королю на французский язык Клод де Лобепин. Король Франции на это ответил, что трусость хуже безопасной смерти. Генрих Второй сказал, что он даже предпочитает гибель, но с достоинством и честью, надеясь, что его противником окажется мужественный и храбрый человек. А несколько позднее — в середине августа того же года — Генрих Второй встретился с Михаилом Нострадамусом, который или не без воздействия Люка Кори или независимо от него, возможно даже и раньше, в одном катрене своих «Центурий» предсказал гибель Генриха Второго на турнире от более молодого и напористого противника. «Центурии» — это главное, что создано Нострадамусом, то, благодаря чему его имя было спасено историей от забвения.*

Любопытно, что Нострадамус, как, видимо, и Люк Кори, считали случай с Генрихом Вторым не пророчеством, в собственном смысле слова, а скорее предостережением. Дело в том, что Генрих Второй много раз участвовал в турнирах, и, когда он был молод и крепок, он брал стремительностью, отчаянным натиском, бьющей через край наступательной энергией. Но, будучи отчаянно смелым в нападении, Генрих Второй забывал об обороне, не выработал своих методов защиты. Врач эпохи турниров и поединков невольно оказывался как бы судьей, который безошибочно распознает сильные и слабые

* Можно ли назвать «Центурии», хотя бы в подзаголовке, «правдой столетий»? Если поставить во главу угла принцип мертвой буквы, — нельзя. В точном, дословном переводе основной труд Михаила Нострадамуса надо назвать «правдивые стокатренники», «правдивые четверостишия», имея в виду, что в каждой центурии их ровно сто. Но если мы предпочтем живой дух мертвой букве, то убедимся, что подзаголовок «Правда столетий» вполне уместен, ибо центурии это и есть предвидение того, что должно случиться в будущих столетиях, начиная с XVI, когда Нострадамус жил и творил.

стороны обоих противников. И, когда Генрих Второй стал человеком не первой молодости, Кори и Нострадамус поняли, что неумелая защита может дорого стоить королю.

Объективный анализ «Центурий» и надо начинать с отделения многочисленных и разнообразных предостережений от собственно пророчеств.

II

«Центурии» в дошедшем до нас виде состоят из двух написанных прозой посланий (сыну, Цезарю Нострадамусу, и Генриху Второму, королю Франции), которые в России не без основания назывались двумя (малым и большим) Апокалипсисами Нострадамуса, и, примерно, девятисот семидесяти катренов (надо учитывать, что многие четверостишия седьмой, одиннадцатой и двенадцатой центурий не сохранились до наших дней, в то время как стокактенники остальных центурий сохранились полностью).

«Центурии» — это как бы описания воображаемого путешествия автора по будущим судьбам истории человечества, причем такого путешествия, которое началось с XVI столетия и завершилось в седьмом тысячелетии. Это — путешествие сквозь войны, бедствия, катастрофы. Описание их воспринималось как апокалиптически трагедийная мистерия, и с 1555 года по наши дни оно породило огромную литературу, как негативную, так и позитивную. Для одних Нострадамус — ясновидец и пророк, а «Центурии» — одна из самых удивительных книг, известных человечеству. Для других Нострадамус — шарлатан и проходимец, место которого в той бесконечной процессии лжепророков, где находится и пресловутый граф Калиостро. Есть и третья точка зрения, согласно которой Нострадамуса не стоит переоценивать, но не за что забрасывать и камнями: он — средневековый предтеча таких больших фантастов, как Жюль Верн или Герберт Уэлс, и на большее способен не был.

Если мы обратимся к религиозно-мистической литературе о Нострадамусе (а есть еще литература популяр-

но-окультурная и научно-академическая), то убедимся, что и в ней есть противоположные, даже враждебные друг другу суждения. Были и есть мистики, для которых Нострадамус — добрый гений мировой истории, подвижник, чуть ли не святой. Но находились и находятся мистики считающие Нострадамуса продавшим душу дьяволу чернокнижником, одним из земных воплощений вечного жида Агасфера и т.п.

III

Каким же был Нострадамус в свете жизненной и исторической правды?

Прежде, чем ответить на этот вопрос, дадим его крайне сжатую биографию, рассмотрим основные этапы его жизни. Михаил Нострадамус родился в 1503 году в Сент Реми, в Провансе. И по отцу и по матери он — еврейского происхождения. Оба деда его — Пьер Нострадам (потомок выходцев из Италии Нострадонна) и Жан де Сент Реми — были влиятельными, занимавшими высокое положение врачами*, лечившими герцогов и королей. В 1502 году оба деда Нострадамуса, его мать Рени (урожденная де Сент Реми) и отец Жак Нострадам, преуспевающий нотариус с многочисленной французской клиентурой, перешли из иудейства в католицизм. Но сделали они это не по доброй воле, а под угрозой принудительного отлучения от профессий и изгнания из Прованса. Так что родившийся в 1503 году Мишель, сын Жака и Рени, сам в христианство не переходил, а родился уже католиком.

Словом, судьба Нострадамуса сложилась так, что он стал символом перешедших в католицизм евреев, а в более широком смысле — символом всех евреев, принявших христианство, будь то католики, православные, лютеране и т. д.

* Эдгар Леруа и Рауль Баскит тшатся доказать, что Михаил Нострадамус раздувает собственное родство с интеллектуальным еврейством, чтобы отодвинуть в тень тех своих предков, которые были зерноторговцами и ростовщиками.

Но продолжим биографию Нострадамуса.

Начальное образование Мишель получил под руководством своего деда, Жана де Сент Реми, бывшего одно время лейб-медиком Рене Доброго, графа Прованса. Жан де Сент Реми выдвинулся не только как врач, но и как математик, философ и астролог.

В 1519 году Мишель едет в Авиньон для получения общего образования. С 1522 по 1525 год Мишель Нострадамус изучает медицину в знаменитом университете Монпелье.

Еще не успев стать бакалавром, Нострадамус решил, что его призвание — это борьба с эпидемиями. И он приобретает практические навыки в Нарбонне, в Каркассоне, в Тулузе, в Бордо. Молодого бакалавра можно было встретить на дорогах к этим городам, ведущим под уздцы мула, нагруженного книгами и медицинскими инструментами. В 1529 году Михаил Нострадамус возвращается в Монпелье и продолжает занятия медициной, чтобы получить докторский диплом. Сдав докторские экзамены и получив диплом, он, при его способностях и энергии, конечно, вероятно, без больших затруднений, мог бы остаться при университете и сделаться профессором. Но это его не особенно привлекало. В 1532 году доктор Нострадамус опять покидает Монпелье для новых скитаний. Бордо, Ля Рошель, Тулуза — таковы были тогда этапы новых странствий доктора медицинских наук.

В Тулузе Нострадамус получает письмо от Жюля Скалигера, крупного деятеля гуманизма, врача, поэта и ученого. Письмо содержало приглашение в Ажан, где жил и работал сам Скалигер. В Ажане «странствующий лекарь» Нострадамус оседает на несколько лет. Там он женился, у него было двое детей. Как врача его ценили, и в духовном общении с знаменитым Скалигером он совершенствовался и рос.

Неожиданно все круто изменилось, пошло прахом. В попытках справиться с эпидемией в Ажане, Нострадамус потерпел тяжелое поражение: от мора погибли его жена

и дети. Тогда же Нострадамус поссорился с разочаровавшимся в нем Скалигером*.

Одновременно Нострадамус навлекает на себя подозрения инквизиции. На вызов инквизиционера Тулузы он явиться не рискнул. В жизни Михаила Нострадамуса с 1538 по 1545 годы наступает все еще недостаточно изученный период, который называют его «семилетней Одиссеей». Это период скитаний по разным местам, преимущественно, на юго-западе Европы.

В 1545 году Михаил Нострадамус объявляется в Марселе как помощник врача Луи Серра, возглавившего борьбу с грозной эпидемией: какой — это был род мора — точно не установлено, но вероятнее всего бубонная или легочная чума. В борьбе с эпидемией Нострадамус проявил мужество, находчивость и самообладание.

В 1546 году Нострадамуса приглашают возглавить борьбу с эпидемией (на этот раз, если опять-таки не с чумой, то должно быть с холерой) в Эксе и Провансе. То было страшное время. Началось с небывалого наводнения, жертвами которого стали люди, лошади, рогатый скот. Когда вода спала, вздувшиеся трупы людей и животных, разлагаясь, стали отравлять воздух. Мертвые передавали заразу живым. В храмах почти не было молящихся. Осиротевшие дети дичали. Голод и отчаяние толкали оставшихся в живых к преступлениям и грабёжам.

Нострадамус повел борьбу с эпидемией продуманно и умело. Им было составлено целебное средство от мора, основанное на убеждении, что цветы и травы в руках опытного врача могут сделаться сильно действующим ле-

* Причины ссоры точно не установлены. Возможно, что Скалигер резко осудил Нострадамуса за то, что тот в борьбе с моровой болезнью в Ажане сильно переоценил собственные силы. Может быть, неприязнь Скалигера усугубил враждебный Нострадамусу взгляд на поэзию (в противовес Скалигеру, Нострадамус предпочитал стихотворной технике и правилам стихосложения страстность и непосредственность живого поэтического чувства). Не исключено, что ссора была вызвана и иными причинами, которые нам неизвестны. К чести Нострадамуса надо признать, что он и после ссоры с Жюлем Скалигером называл его «Галеном в медицине, Виргилием в поэзии и Цицероном в элоквенции».

карством. Но дело не в одной лекарственной формуле: Нострадамус и в Марселе и в Эксе предвосхитил санитарные и профилактические мероприятия более поздних времен. И врач выиграл борьбу с двумя эпидемиями еще и потому, что был смелым психологом, взывавшим к исконным религиозным чувствам населения, которое страдало от холеры и чумы. «Верь, и вера твоя спасет тебя!» — гласит евангельская истина. Эту истину Нострадамус и поднял как чудотворный католический крест, надеясь с его помощью сокрушить чуму и холеру.

Борьба Нострадамуса с эпидемиями в Марселе и Эксе стала обрастать поверьями и фантастическими слухами. Покоритель холеры и чумы вырос в легендарную, мистическую фигуру.

Дыма без огня, как общеизвестно, не бывает, и не все, вероятно, вымысел в легендах и преданиях о Нострадамусе. Есть, видимо, какие-то зерна истины в том, что его борьба с эпидемиями приобрела мистериальный характер. Почему нет правды в том, что Нострадамус хотел, чтобы в церквах зачумленных городов звонили колокола, совершались богослужения и т.д.? Верой в чудо исцеления от мора нельзя пренебрегать врачу, если он психолог, и особенно в эпоху Нострадамуса. В Михаиле Нострадамусе видели доброго гения потому, что он победил чуму и холеру. А что ждало бы его, если бы он сам, как в Ажане, оказался бессильным перед моровой язвой? Толпа могла бы растоптать его на смерть, а инквизиция объявить в сделке с дьяволом и сжечь на костре. Но победителей не судят, и признательная толпа всюду восторженно встречала Михаила Нострадамуса, называя его «спасителем Экса и Прованса». Юг Франции чествовал потомка принявших католичество евреев как национального героя. А так как Нострадамус в борьбе с эпидемиями призывал на помощь церковь, то и инквизиция до поры до времени оставила его в покое.

Не только сквозь «Центурии», но и сквозь «Знамения»* — а это главные пророческие произведения Но-

* Принадлежность перу Нострадамуса «Предвестий» и «Шести-строчников» весьма сомнительна.

страдамуса — проносится какой-то трагедийный ветер, переходящий в бурю, а в более напряженных местах — и в ураган и мне кажется, что этот трагедийный апокалипсизм навеян тем, что Нострадамусу довелось пережить в Ажане, в Марселе, в Эксе и Провансе.

В «Центуриях» есть катрены, в которых — подобно тому, как охотник выслеживает хищного, опасного зверя — Нострадамус выслеживает бубонную и легочную чуму, тиф, холеру, проказу, сифилис. Прежде, чем зверя убить или обезвредить, надо изучить его повадки. И Нострадамуса как ни мрачны его «Центурии» и «Знамения», не покидает убежденность, что человечество рано или поздно найдет действенное противоядие против самых страшных болезней, которые в его эпоху считались неизлечимыми.

Но вернемся к биографии Нострадамуса. За победу над эпидемией муниципалитет Экса наградил его пожизненной пенсией. От частных лиц и объединений того времени спаситель Экса и Прованса получил много дорогих подарков — деньгами, драгоценностями, сукном и т.д. Нострадамус принял решение обратить все подарки в молоко для осиротевших детей, в хлеб и вино для потерпевших бедствие взрослых, и это решение было исполнено: победитель эпидемии пришел на помощь бедствующему населению и как щедрый благотворитель.

После Экса Нострадамус странствующий становится Нострадамусом оседлым. С 1547 года по год смерти (1566) Нострадамус обосновывается в Салоне — небольшом городке между Авиньоном и Марселем. Там он женится на вдове Анне Понсар-Джемелье (ее называют еще Пуссар); у него появляется новая семья — сыновья (Цезарь Андрэ и Карл), дочери (Мадлен, Диана, Анна). Слава его как врача и астролога растет и крепнет. Многие богатые и знатные люди обращались к нему за советом. Нострадамуса любили и ценили, хотя и в Салоне у него оказались ненавистники, испортившие ему много крови. Нашлись и там такие, которые полагали, что еврей-выкrest выторговал себе карьеру и успех путем сокровенной сделки с дьяволом. Были и те, что видели в Нострадамусе

даже не двоеверца, а троeverца: тайный приверженец иудаизма, по их мнению, ухитряется одновременно сидеть в двух креслах: гугенотском и католическом.

В действительности же Нострадамус был близок к тем идеям, которые (допустимо, независимо от Нострадамуса) исповедовал тогда еще молодой Монмаранси-Дельмар, добивавшийся, но без больших результатов, смягчения религиозных раздоров и противоречий в стране. Но Нострадамус стал выше озлобленных невежд и жестоких кознетворцев. В Салоне он создает медицинские, философские и литературные труды, укрепившие его славу.

После небывалого успеха первого издания «Центурий» в 1555 году Нострадамуса приглашают в Париж, ко двору Генриха Второго и Екатерины Медичи. Поездка, которую Нострадамус предпринимает вместе со своим сыном Цезарем, длилась около месяца — с июля по август 1556 года — и была триумфальной. Нострадамуса чествовали и как покорителя моровой болезни, и как автора популярной и загадочной пророческой книги. В Париже Нострадамус был принят герцогом Энном Монмаранси, королевой Екатериной Медичи, королем Генрихом Вторым; его осыпали милостями и подарками. Мало кто из евреев, даже принявших христианство, был удостоен такой чести во Франции XVI века.

В 1564 году, после трагической гибели Генриха Второго и смерти Франциска Второго, Екатерина Медичи и Карл IX, тогда еще король-подросток (ему было всего 14 лет), предприняли поездку по югу Франции. Посетили они и Салон, где встретились с Нострадамусом. Во время этой поездки Карл IX видел Нострадамуса и в других местах, и он сделал автора «Центурий» лейб-медиком и лейб-астрологом.

По просьбе королевы матери Иоанны Наварской, Нострадамус обследовал состояние здоровья и другого коронованного подростка — Анри Бурбона. — Вы станете королем Франции и Наварры, — сказал ему Нострадамус. Так оно и случилось: Анри Бурбон стал Генрихом Четвертым (Наваррским), королем Франции.

У Нострадамуса было еще одно драгоценное качество: он, как никто, умел угадывать в юношах, подростках, в молодых людях будущих великих деятелей. Случай с коронованным подростком Анри Бурбоном, будущим Генрихом Четвертым (Наваррским) не единичен. Так, мы знаем, что молодой Франсуа Рабле слушал лекции доктора Нострадамуса в Монпелье. И, думается, это верно, что Нострадамус в «Центуриях» предсказал Рабле, свидетелем производства которого в бакалавры он был, бессмертную славу!

И есть, кажется, доля правды в легендах о Нострадамусе и папе Сиксте Пятом, когда тот, вышедши из низов, был еще бедным и молодым францисканским монахом Феличе Пьеретти. Нострадамус — если верить легенде — пал перед юным францисканцем на колени как перед будущим главой католической церкви. Тот тогда рассмеялся и не поверил в это.

Пусть тут кое-что преувеличено, но предугадывание Нострадамусом великих дарований в молодых людях — не сплошной вымысел, ибо такие легенды содержат элементы правды.

Даже краткое описание жизни Нострадамуса будет неполным, если не упомянуть, что он оказывал всемерное содействие — моральное и материальное — инженеру Адаму де Граппон, строителю канала, соединяющего Гранд Рону с Дюрансом. Для Франции тех времен это было очень большое дело. Канал строился пять лет — с 1554 по 1559 годы, и его открытие возвеличило Нострадамуса еще больше.

Нострадамус умер от разрыва сердца в 1566 году, на шестьдесят третьем году жизни. Опытный врач — он знал, что умирает. — До завтра, мастер, — сказал ему за ночь до смерти его преданный слуга и биограф Жак Шавиньи. — Завтра на рассвете меня не станет, — ответил Нострадамус. То было его последнее предсказание, и оно исполнилось: Нострадамус скончался на рассвете 17 июля 1566 года.

IV

С физической смертью Михаила Нострадамуса его биография не кончилась. Началась посмертная, мистикоромантическая биография автора «Центурий». И эта посмертная биография гораздо более загадочна и драматична, чем земная жизнь Нострадамуса.

Деятели французской революции XVIII века надсмехались над пророчеством Нострадамуса, предсказавшего эту революцию и осудившего ее террор. В 1791 году революционные гвардейцы разрушили гробницу Нострадамуса в часовне Францисканского монастыря и раскидали его кости. Один из осквернителей праха дошел до того, что наполнил вином череп автора «Центурий» и пил из него. Мощи Нострадамуса были, однако, стараниями его почитателей спасены и перенесены в церковь Св. Лаврентия в Салоне, где они находятся и по сие время, продолжая привлекать внимание ценителей Нострадамуса. Все осквернители праха Нострадамуса погибли.

Посмертная биография Нострадамуса попеременно вызывала уважение и преклонение или, напротив, ярость и возмущение как революционеров, так и реакционеров. И те и другие в отношении к Нострадамусу меняли то гнев на милость, то милость на гнев. Так, и восьмидесятих годах прошлого века католическая церковь решительно осудила увлечение Нострадамусом. В 1915 году иезуитский патер Херберт Торнтон, в книге «Война и пророки», выступил в защиту Нострадамуса. Торнтон обратил внимание на то, что и «Центурии» и «Знамения» Нострадамуса люди переоткрывают в трагические периоды истории человечества. И в самом деле, те, которые (если перефразировать Максимилиана Волошина) пережили «Илиады войн и апокалипсисы революций», находят в «Центуриях» какую-то чудотворную, притягательную силу.

Многим трудно поверить, что Нострадамус — летописец кровавых судеб будущей истории человечества, а не того, что было в прошлом, и не того, что произошло сравнительно недавно. Нострадамус учит, что если катастроф и бедствий нельзя избежать, то человек, помимо

своей воли вовлеченный в их вихреворот, должен воспитывать в себе мужество и самообладание. Для тысяч обездоленных и несчастных «Центурии» Нострадамуса оказывались духовной и нравственной точкой опоры.

Толкователи Нострадамуса продолжают спорить о том, какой процент предсказаний Нострадамуса сбылся и какой нет. Существуют самые противоречивые мнения на этот счет. Есть точка зрения, что исполнилось девяносто процентов всех предсказаний Нострадамуса; не согласные с этим называют такое мнение гомерическим преувеличением, объявляя несбывшимися девяносто процентов пророчеств Нострадамуса; а если десять процентов предсказаний и исполнилось, то это всего навсего счастливый результат случайных совпадений. Согласно третьему, по-моему наиболее правильному взгляду, в «Центуриях», примерно, половина исполнившихся предсказаний и половина несбывшихся.

Но неоспоримо, что Нострадамус верил в то, что есть закономерности, которые определяют и направляют ход истории. Нострадамус велик не тем, что он — маг и волшебник, как утверждают легенды: он гениальный и смелый философ истории человечества, и это главное.

Ту точку зрения, что философия истории у Нострадамуса воскрешает и преображает некоторые положения неоплатоников, нельзя считать необоснованной. Я считаю не фантастическим преувеличением, а допустимым то, что Нострадамус был знаком с работами Порфирия, философа и ученого первых веков христианства, в частности, с его суждениями о Пифагоре и Плотине*. И я думаю, что Нострадамус воскрешает и преображает восходящий к неопифагорейцам взгляд, что история повторяется, по их мнению, в определенной ритмической последовательности. Допустимо, что Нострадамус критически переосмыслил Пифагора через учение монаха Иоахима Флорского, для которого история человечества — это бесконечные ряды апокалипсических процессов, проходящих сквозь циклы закономерностей, ритмически повторяющих друг друга. Эта вера в повторяемость исторических про-

* См. примечания к библиографии, стр. 277.

цессов в «Центуриях» Нострадамуса представляется мне бесспорной. Но можно и должно спорить о том, в какой мере Нострадамус предвосхитил (и, действительно, предвосхитил ли) Моммзена, Генслера (автора гипотезы о ветвящемся времени), Ленокса (с его положением о спиралевидности времени) и даже Эйнштейна с его теорией относительности.

Но Нострадамус недоучел значения элемента стихийной случайности в будущих, сравнительно с его временем, судьбах истории человечества. А ведь мировая история это и есть мучительный и сложный, длящийся столетиями процесс борьбы закономерностей и случайностей. И не только прозрения Нострадамуса, но и его просчеты убеждают нас в этом. Когда говоришь о значении «Центурий» и «Знамений», важно не количественное соотношение сбывшихся и несбывшихся прозрений, содержащихся в них; суть дела в силе и роковом смысле исторических закономерностей, к которым Михаил Нострадамус в «Центуриях» и «Знамениях» с такой страстной убедительностью притягивает внимание читателя. Среди же многих выявленных Нострадамусом закономерностей исторического процесса следует выделить две, ввиду их исключительного значения.

Во-первых, Нострадамус еще в XVI столетии предвидел, что наследственная монархия не вечна: короли, цари и султаны, каким бы величием и пышностью не отличалось их правление, доживают последние столетия. Их власть обречена историей. На смену традиционной монархии придет республиканский образ правления, торжество которого будет подготовлено народными мятежами, восстаниями, революциями. Но к самой идее народоправства и народовластия Нострадамус относился крайне скептически: республиканский образ правления, по его мнению, может создать совершенно новые формы абсолютизма и деспотии, которые могут привести к такому бесправию и унижению народа, каких история человечества еще не знала: в будущих судьбах истории человечества идея народоправства может превратиться в торжество всенародного бесправия. Вот, быть может, самое

главное прозрение Нострадамуса, которое, вне каких бы то ни было сомнений, сбылось. С этим, надеюсь, согласятся многие.

Во-вторых, значение «Центурий» в том, что они оказались едва ли не самой первой антиутопией в истории мировой культуры. Я допускаю при этом, что «Центурии» содержат лишь элементы антиутопии, а не являются грандиозной антиутопией в целом. Но нельзя не согласиться с теми, которые находят, что Михаил Нострадамус в некоторых катренах своих «Центурий» ведет как бы диспут с появившейся в 1519 году «утопией» Томаса Мора, действуя смело и решительно. И я думаю, что от Нострадамуса не укрылось, что «Утопия» Томаса Мора — только взлет, который породит в будущих временах множество учений об общественном идеале. Эти учения будут сеять самые радужные иллюзии, обещая людям земной рай и всяческие блага. В это Нострадамус не верит.

В «Центуриях» Нострадамус выступает суровым разрушителем утопических иллюзий и надежд: не земной рай, а деспотию, войны и кровь дадут человечеству новые времена, хотя и будущее бессильно лишит человека права на свободу выбора между добром и злом, бессильно отлучить его от совести. Возможно, что Нострадамус во все и не предполагал, что на свете появятся Маркс и Ленин, Сталин и Гитлер. Но то, что Нострадамус не верил в практическое осуществление утопических идеалов, а был убежден, что в будущем восторжествует деспотизм под маской народоправства, как мне кажется, оспаривать невозможно.

Воскрешение славы Нострадамуса в XX столетии и объясняется тем, что две предугаданные им закономерности — революционное сокрушение монархических режимов и апокалипсически трагедийный характер новых, следующих за ними систем и времен — стали роковой исторической правдой: антиутопические мотивы в «Центуриях» Нострадамуса будущие времена превратили в сбывшиеся пророчества.

Мы знаем, что Нострадамус приобретал исключи-

тельную популярность среди жертв тоталитарных режимов: фрагменты «Центурий» в устной передаче производили неизгладимое впечатление в еврейских гетто времен Гитлера и в нацистских концлагерях. Недаром о Нострадамусе слагались легенды, что он встает из гроба и смешивается с толпой ведомых на расстрел евреев с Давидовыми звездами на спинах. Нострадамуса узнают по тому, что его не берут ни пуля, ни граната. Все падают, а он остается невредим и грозит палачам отмщением.

В Советском Союзе о Нострадамусе знают немногие, хотя и там популярность его растет медленно, но неуклонно. Легенды о нем и некоторые из катренов его «Центурий» через пленных французов и поляков докатились и до лагерей советских военнопленных и до бараков рабочих с Востока (остарбейтеров). Многие военнопленные и остарбейтеры из Освенцима, Дахау, Бухенвальда попали в советские лагеря смерти без газовых печей на Воркуте, на Колыме, в Караганде. Сталин объявил их огульно если не изменниками, то дезертирами с боевого и трудового фронта. И легенды о Нострадамусе тоже ехали этапом в советские концлагеря.

Что же привлекало в творчестве Нострадамуса жертвы тоталитарного режима? Я думаю, ответ может быть только один: искренняя и страстная вера Нострадамуса в то, что безвинное страдание или даже гибель человека, сделавшего правильный выбор между добром и злом, не останется неотомщенным; на злые силы рано или поздно обрушится возмездие, понимаемое Нострадамусом в широком, я бы сказал, метафизическом плане; идея возмездия за зло проводится Нострадамусом через всю историю человечества.

Нострадамус укрепляет гуманное начало в человеке, которого судьба приносит в жертву катастрофам, социальным и революционным потрясениям, кровопролитным войнам. Только тот, кто прошел через все это, может переоткрыть и по-настоящему оценить Нострадамуса. Джеймс Лавер в своей книге «Нострадамус как предсказатель будущего» вспоминает, что он понял — кто такой Нострадамус, когда стал читать его «Центурии» в глубо-

ком подвале, переживая массированный налет нацистских самолетов на Лондон в самом начале второй мировой войны. А до этого «Центурии» вызывали у Лавера некоторое разочарование и недоумение. И я полагаю, что бóльшая часть почитателей Нострадамуса — а их на свете десятки тысяч — переоткрыла и «Центурии» и «Знамения» именно в грозовой обстановке.

V

В творчестве Нострадамуса есть, на мой взгляд, одно замечательное и неоспоримое достоинство: вдумчивый и пытливый читатель «Центурий» и минувшее и будущее воспринимает как настоящее. Создается иллюзия, что читатель становится пассажиром машины времени, управляемой самим Нострадамусом. Отчасти это объясняется тем, что Нострадамус, как убедительно показал Стюарт Робб, был часто точен в своем предвидении технических достижений и открытий. Так, он предсказал появление подводных лодок, танков, понтонных мостов, многочисленных летательных аппаратов, в том числе самолетов, космических ракет, орудий страшной разрушительной силы, чем-то родственных водородной бомбе, и т.д. И вряд ли будет преувеличением утверждать, что в «Центуриях» Нострадамуса есть катрены, в которых он делал для поэзии то же, что Леонардо да Винчи сделал для изобразительного искусства, когда в своих провидческих набросках он воспроизводил вертолет, парашют и друг.

Тут предвидение становится научным фактором. И Нострадамуса надо ценить как гениального предтечу современных футурологов (или специалистов по социальному прогнозированию). На будущее он смотрел со сверхдальнего расстояния — только не в пространстве, а во времени. Это тем более справедливо, что Нострадамус предвидел и обратную сторону медали, а именно — что вечными спутниками высокоразвитой технической цивилизации станут рушащиеся монархии, революции и войны.

VI

А теперь обратимся к истокам «Центурий» и к формально-эстетическим достоинствам этого произведения Михаила Нострадамуса.

«Центурии», повторяю, содержат два послания и около 970 дошедших до нас катренов (двенадцати «Центурий»). Есть мнение, что и в языке и в стиле посланий и катренов чувствуется врач, который привык писать рецепты по-латыни. И этот рецептно-олатыненный старофранцузский язык нельзя причислить к перлам мировой литературы. Правда, такого рода суждения нередко сопровождались оговорками, что будущие столетия лили воду на творческую мельницу Нострадамуса: «Центурии» производят сейчас такое же впечатление, как и — пусть далеко не совершенные — храмы и постройки XVI столетия или красочные, хоть и невысшего качества, миниатюры к Апокалипсису. Обаяние четырех минувших столетий несколько выправило недостатки и погрешности стиля. Мне кажется более правы те, которые оспаривали такие взгляды. Истоки «Центурий», по их мнению, не столько рецептно-латинские, сколько древнееврейские и древнегреческие.

Оба послания Нострадамуса — сыну Цезарю и королю Генриху Второму — родственны тем, авторы которых оправдываются от обвинений в чернокнижии и отводят от себя подозрения инквизиции. Примером в данном случае может служить послание Иоганна Вира в защиту Агриппы Неттесгеймского. Но в обоих посланиях есть, кроме того, и попытки возродить в видоизмененных формах традиции и принципы и древнееврейской и раннехристианской апокалипсической литературы. Оба рода такой литературы интересовали Нострадамуса в равной мере. И в этих усилиях использовать во французской литературе XVI столетия такие апокалипсические мотивы Нострадамус одинок не был.

Что касается четверостиший «Центурий», то они — как не без оснований полагают некоторые исследователи

— восходят к «Сибиллинам»,* причем Нострадамус принял в свое сердце не их ритмику, а скорее их эмоциональную настроенность.**

Тут в творчестве Нострадамуса воплотился дух эпохи, стремившейся обогащать французскую культуру XVI века духовными и формально-эстетическими кладами, выкопанными в древних временах.

Допустимо, что кое в чем правы и те исследователи, которые полагают, что у «Центурий» есть еще два — не главных, а дополнительных — истока: эти стихи провансальского поэта XII века Арнаута Даниэля и фантастические мотивы недостаточно изученной цеховой поэзии XVI века. У алхимиков и инженеров тех времен не могло не быть контакта с цеховыми мастерами и подмастерьями. Тогда-то и родились ставшие достоянием народной песни идеи о чудесных механизмах, которые, рано или поздно, могут стать реальностью. Предвосхищение Нострадамусом (в «Центуриях») достижений и открытий технической цивилизации будущих веков где-то и как-то связано с современной ему цеховой поэзией.

Есть доля правды и в том, что «Центурии» напоминают лекции по философии истории, обращенной к будущим временам. Тут суть дела не в стиле врача, который привык писать рецепты по-латыни, а в волшебном превращении врача в специалиста по истории грядущих веков. Такой материал трудно вместить в четверостишия, в стокатренники, и это позволяет понять, почему во многих катренах «Центурий» элоквенция в ряде случаев берет верх над поэтикой, почему интонация темпераментного трибуна подчас оттесняет собственно поэтическую интонацию.

Но сила Нострадамуса как лектора и трибуна — в страстной убежденности в своей правоте и в остро оригинальной мысли, которая сметает все преграды между реальным и воображаемым, вернее, претворяет воображаемое в реальное. У этой ораторской интонации есть

* Первооснова Сибиллин — древнегреческая и стихотворная.

** Так, Нострадамусу ошибочно приписывались творения Оливария (1544) и Орваля (1542).

своя экспрессивная ритмика, нередко преодолевающая силлабизм стиха. Но Нострадамус в «Центуриях» — не только врач, создавший свою философию истории и через это ставший дальним предтечей футурологов; это — ученый, наделенный способностью чувствовать и угадывать прекрасное в природе, в живописи, в музыке. Вот почему лектор и трибун подчас точно по волшебству выvyšается до подлинной поэтичности или до чудотворной живописности слова и образа. Правда, нельзя преувеличивать эту особенность «Центурий».

VII

Мне уже приходилось говорить, что обширная литература о Нострадамусе с давних пор делится на негативную и позитивную. Среди почитателей Нострадамуса мне хотелось бы, в заключение, выделить трех: Пьера Ронсара, Иоганна Вольфганга Гете и Бориса Пастернака.

У Пьера Ронсара есть стихотворение «Франция после Сент-Квентина»; написано оно в 1557 году. Оно связано с тем, что 10 сентября 1557 года испанцы под руководством герцога Савойского, в боях под Сент-Квентином, нанесли французам страшное поражение, когда в плен попал полководец и государственный деятель Энн Монморанси. Пьер Ронсар, как и многие другие после него, принял творения Нострадамуса в свое сердце под свежим впечатлением недавно пережитого бедствия. Вот стихотворение Пьера Ронсара «Франция после Сент-Квентина» в вольном поэтическом переложении на русский язык — здесь все строки имеют прямое отношение к Нострадамусу, который предвидел поражение и предостерегал от него.

Твоих, о Франция, пророк глумлений ждет,
А Бог его избрал глашатаем невзгод.
Зачем же платишь ты насмешкой за любовь?
Ведь всем он для тебя пожертвовать готов!

Кто Нострадамус есть? Злой дух иль шарлатан?
Иль дар ему великим Богом дан?
Ведь знаки тайные на землю небо шлет,
Быть может, он один их правильно поймет.

Смешались мрак и грусть в писаниях его,
Пронизан смех предчувствием тревог.
Я говорю: он тот есть, кем он стал,
Он тем помог, кто от грозы устал.

И слово с дном двойным скрывает мир чудес,
Оракул древних эр в нем оживает здесь.
Пусть знают все — он правду говорил,
Хоть верь или не верь движениям светил.
Пред судьбами земли он, знаю, будет прав,
Раз с ним и за него — бессмертие добра.

Прежде, чем перейти к характеристике Нострадамуса у Гете и Пастернака, сделаем библиографическое отступление.

Не все печатные творения Нострадамуса до нас дошли так же, как и не все издания «Центурий», особенно ранние, сохранились до наших дней. Так, находящийся в Москве, в библиотеке имени Ленина экземпляр «Центурий» издания 1557 года теперь едва ли не единственный из сохранившихся. Второй из известных экземпляров этого издания находился в Мюнхенской библиотеке, но он исчез во время второй мировой войны. Исчезновение это вряд ли случайно: при Гитлере, у которого был свой астролог, Нострадамус внушал нацистам смешанное чувство ненависти и страха: во время второй мировой войны и в самой Германии и в оккупированных ею странах за чтение и распространение «Центурий» Нострадамуса преследовали. Известны случаи, когда за это даже сажали в тюрьму.

В Советском же Союзе Нострадамус, по мотивам политического или идеологического порядка, был если не под полным запретом, то в опале. Опала началась еще в двадцатых годах, когда вышел на русском языке небольшой сборник избранных переводов из «Центурий». В сборнике этом еще тогда усмотрели завуалированную контрреволюцию. При Сталине и после него опала не только не была снята, но, напротив, усилилась. Это видно из сборника «Легенды о Фаусте», выпущенного издатель-

ством Академии Наук СССР под редакцией В. М. Жирмунского и с его же обстоятельной и ценной статьей. Говоря об исторических прототипах Фауста в бессмертном творении Гете, Жирмунский, кроме исторического Фауста, разыскивает ряд крупнейших ученых шестнадцатого столетия, чья жизнь стала достоянием легенд и преданий. Это, как указывает В. М. Жирмунский, Тритемий, Агриппа Неттесгеймский (выведенный Валерием Брюсовым в романе «Огненный ангел» и Сергеем Прокофьевым в одноименной опере). Теофраст Парацельс, Иоганн Вир. Но В. М. Жирмунский не рискнул упомянуть о том, что сам Гете ставил Нострадамуса на первое место после исторического Фауста.

Это видно из самого начала «Фауста». Вот как в «Фаусте» Гете оценивает Нострадамуса — я сознательно привожу эти отрывки в переводе Бориса Пастернака, хотя специалисты находят, что это — и Гете, и не совсем Гете: к тому, как автор бессмертного «Фауста» восхищался Нострадамусом, Борис Пастернак добавил собственное восхищение автором «Центурий». От еврейских ученых мне довелось слышать, что переключка Пастернака и Нострадамуса во времени, через четыре столетия, это переключка двух «выкрестов», т.е. принявших христианство иудеев. Оба — люди благородные и убежденные противники антисемитизма. Но и тот и другой — люди, от еврейства далекие и для еврейства, в сущности, потерянные: Нострадамус, будучи евреем по крови, стал южным французом по духу, как и рожденный от еврейских родителей Пастернак впитал в себя много русского, и притом православного русского.

Есть среди евреев и другая точка зрения, по которой Нострадамус — гениальный предтеча Уриэля Акосты, Спинозы, Фрейда.*

В нацистских кругах, при Гитлере, было распространено мнение, что Нострадамус — иудейский черный ворон, свивший себе страшное гнездо где-то посередине между синагогой, костелом и кальвинистской церковью.

* На теолого-политический трактат Спинозы, видимо, оказало немалое влияние послание Нострадамуса сыну Цезарю.

Борис Пастернак, кстати, в процессе работы над переводом «Фауста» Гете бывал в Московской библиотеке имени Ленина и пользовался тем редчайшим изданием 1557 года «Центурий», о котором мы уже говорили. Вот имеющий прямое отношение к Нострадамусу отрывок из переведенного Борисом Пастернаком отрывка «Фауста» Гете:

Встань и беги, не глядя вспять,
А провожатым в этот путь
Творенье Нострадама взять
Таинственное не забудь.

И ты прочтешь в движеньи звезд,
Что может в жизни проистечь,
С твоей души слетит нарост,
И ты услышишь духов речь.

Нострадамус — астролог-профессионал. Но он начал в то время, когда техническая цивилизация еще не стала тем скальпелем, что отсекает астрономию от астрологии. Однако, в «Центуриях» Нострадамус правильно предсказал рост влияния астрономов и расцвет астрономии в грядущих столетиях. «Фауст» Гете ценен еще тем, что немецкий классик увидел в астрологии Нострадамуса образно-поэтическое предвосхищение астрономических открытий. Следует еще вспомнить, что именно сегодня наука воскрешает некоторые положения алхимии и астрологии: в том что было признано бредом, теперь усматривают предвосхищение научных достижений настоящего и будущего.

В настоящее время в мире наблюдается стремление постичь труднодоступные проблемы сверхчувственного и расширить наши представления о сверхчувственном. В «Центуриях» Нострадамуса и увидели в ряде случаев интуитивное предвосхищение современных понятий о сверхчувственном. Так, Игорь Сикорский, знаменитый конструктор самолетов и разносторонне образованный человек, обратил внимание на то, что многие катрены «Центурий» кажутся увиденными автором во сне или в состоянии мучительной полудремоты. А такое состояние, как

полагал Сикорский, и позволяет смелой мысли совершать небывалый полет и сквозь будущее ее индивидуального творца и сквозь будущее всего человечества.

Далее в «Центуриях» видят отсветы сигналов, посылаемых с иных планет на землю. Только ни астролог Нострадамус, ни современные астрономы-ученые не научились эти сигналы расшифровывать, хотя мысль о межпланетной передаче психической энергии (как доброй, так и злой) может открыть человечеству новые горизонты. Вот еще один отрывок из «Фауста», о Нострадамусе.

Их знаки, сколько ни грызи,
Не пища для сухих умов,
Но духи, если вы вблизи,
Ответьте мне на этот зов.

(Фауст открывает книгу и видит знак макрокосма).

Какой восторг, и сил какой напор
Во мне рождает это начертанье,
Я отвечаю, глядя на узор,
И вновь бужу уснувшие желанья.
Кто из богов придумал этот знак?
Какое исцеленье от унынья
Дает мне сочетанье этих линий!
Расходится томивший душу мрак,
Все проясняется, как на картине,
И вот мне кажется, что сам я Бог,
И вижу, символ мира разбирая,,
Вселенную от края и до края.
Теперь понятно, что мудрец изрек:
«Мир духов рядом, дверь не на запоре,
Но сам ты слеп, и все в тебе мертво,
Умойся в утренней заре, как в море,
Очнись, вот этот мир, войди в него».

.....

(Фауст рассматривает изображение).

Тогда, ручаюсь головой,
Готов за за всех отдать я душу,
Я твердо знаю, что не струшу
В крушенья час свой роковой.

Неверно, что Гете слепо принял на веру легенды и предания о том, что Нострадамус вызывал духов и был магом и чернокнижником, фигурой демонической. Именно Фауст у Гете распознал в Нострадамусе великого человека, который поставил черную магию на службу белой магии. В «Фаусте» есть такое место: «...Так кто же ты, наконец? Я — часть той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает благо». Можно ли считать, что таков Нострадамус в свете исторической правды?

Нострадамус — не Мефистофель у Гете и не стремился ко злу. Объективно, загадочные «Центурии» принадлежат к числу тех редких книг, которые созданы для блага человечества.

Вячеслав Завалишин

ЦЕНТУРИЯ I

LES VRAYES CENTURIÉS
et
PROPHÉTIES
de Maître
MICHEL NOSTRADAMUS

A Amsterdam Chez Jean Ianson à Waesberge et la
Cofre au Feu Elizée Weverstracet. L'An 1668.

Frontispiece of the edition printed in Amsterdam in 1668

Послание сыну Цезарю, с пожеланием счастья и благополучия*

Ты поздно появился на свет, Цезарь Нострадамус, сын мой, а я провел так много времени в непрерывных трудах и ночных бдениях, что обязан оставить после моей смерти памятник явлениям, которые были открыты мне божественной сущностью в движении звезд.** Бес- смертный Бог слишком поздно привел тебя в этот мир, ты еще ребенок, и ты слабенький, ты пока что не можешь понять, что я обладаю даром проникать в будущее. Поскольку невозможно запечатлеть в письменах то, что может погибнуть от ран, нанесенных временем, мой наслед- ственный дар оккультных прозрений будет схоронен в моей груди. Надо принять во внимание, что все, чему надлежит произойти в будущем, еще зыбко и неотчетли- во, но все направляется всемогуществом Бога, который вдохновляет нас не Вакхическим ужасом и не лимфати- ческим движением, а астрономическими эффектами. “Soli numine divino afflati Praesagiunt et spirito Prophe- tico Paricularia” («Пророчески предсказывать события может лишь тот, кто вдохновлен всемогуществом Бога»).

Я часто предсказывал, что именно произойдет, за- долго до того, как предвиденное сбывалось, включая грядущие события в заранее указанных мною странах и местностях и объясняя случившееся Божественной муд-

* Цезарь Нострадамус был еще ребенком, когда отец посвятил ему это послание, с самооправданием против обвинений в черной магии, сделке с дьяволом и чернокнижии. Позднее Цезарь Нострада- мус выдвинулся как художник и скульптор. Им оставлены воспо- минания об отце.

В русской литературе популярного характера послание отца Це- зарю называют «Малым Апокалипсисом Михаила Нострадамуса».

** Точнее, в революции звезд, в трагедийных оборотах светил.

ростью и вдохновением; но, несмотря на это, я готов был вырвать язык у моего пророческого дара: я не хотел, чтобы моя способность к прозрениям нанесла вред не только настоящему, но и будущему; ведь если искренне поведаешь о том, что случится в близких и далеких временах, то современные нам королевства, церкви, религии и мировоззрения нашли бы, что предвиденное настолько противоречит их идеалам, что они прокляли бы грядущие века, если бы знали всю правду о них наверняка.*

Надо чутко прислушиваться к тому, что говорил нам Спаситель: *“Nolite sanctum dare canibus neque mittatis margaritas vestras ante porcos, ne forte conculent eas pedibus suis, et conversi dirumpant vos”*. (Евангелие от Матфея, 7, 6).

[Не давайте святыни псам и не мечите жемчуг ваш перед свиньями, чтоб они не попрали его ногами своими и, обернувшись, не растерзали вас».]

Памятуя об этом, я держал свой язык вдали от обличений в прозрениях, а перо — вдали от бумаги. Но позднее я ради общего блага принял решение пересилит себя и облачить мои писания в затемненные и трудно доступные слова и образы. Когда я провозглашал, что произойдет в будущем, указывая главным образом на самое значительное, я добивался, чтобы предвиденное мною (какими бы неожиданными и тяжелыми не оказывались грядущие перемены) не оскорбляло слуха и чувств внимаю-

* Это место послания Михаила Нострадамуса, вероятно, самый первый элемент антиутопии в его творчестве. Возможно, именно здесь исток его конфликта с «утопией» Томаса Мора и учениями об общественном идеале последующих веков, включая марксизм.

Но есть мнение, что тут дело не в утопии или антиутопии, а в том, что Нострадамус болезненно воспринимал долженствующий углубиться и разрастись в будущих временах конфликт между буквой и духом христианской церкви.

Нострадамус, по мнению приверженцев иной точки зрения, считал что обрядовая и ритуальная сторона церкви неизбежно отомрет в будущих веках; последняя христианская литургия будет отслужена в 2125 году. Тогда же сгинут с лица земли и богослужения в синагогах. Но если буква учения Христа превратится в прах, то дух воскреснет в новых временах и примет иные, не обрядовые и не ритуальные формы.

щих мне: все более, чем пронизательное, сокрыто мной в темной глубине образов, хотя “Abscondidisti haec a sapientibus et prudentibus id est, potentibus et regibus, et enucleasti ea ex iis et tenuibus”. («Ты скрываешь эти вещи от мудрых и благоразумных и открываешь их малым и слабым»).

Пророки предвидят неведомые вещи и явления и предсказывают будущее потому, что они получили дар прорицания от бессмертного Бога и добрых ангелов. Ибо ничего нельзя свершить без него, чье всемогущество и чья доброта к созданному им так велики. И, несмотря на то, что люди — только творения Бога, среди них могут быть такие, которые — благодаря их доброй гениальности — возвысятся до ангелов. Жар от нездешнего огня и пророческое вдохновение пронизывают нас так же, как лучи солнца, согревающие и одушевленные и неодушевленные тела. Но мы, поскольку мы тоже только люди, не можем с помощью приобретенных человеческим познанием проникнуть во все таинства Господа, создателя нашего. “Quia non est nostrum noscere tempora, nec momenta”. (Он же сказал им: не ваше дело знать времена или сроки, которые Отец положил своей власти).

Могут быть лишь немногие, мироощущение которых всемогущий Бог окрыляет пониманием некоторых секретов Грядущего в согласии с юдиционарной астрологией.* Так по вдохновению всемогущего избранные в состоянии судить о Божественном и человеческом, и Бог научит нас божественным деяниям, которые так необходимы земле.

Но, сын мой, то, о чем я говорю тебе, может показаться слишком туманным. Способность эта размышлять о высших небесных телах присуща нашей речи тогда, когда находишь в себе силы предсказывать без страха и

* Я разделяю многое в тех суждениях специалистов по творениям Нострадамуса, которые не верят в юдиционарную астрологию как в науку. Но и в юдиционарной астрологии есть отдельные положения, которые в образно-поэтической форме предвосхищают новейшие астрономические открытия. Мне кажется, что астрология у Нострадамуса в некоторых случаях становится футурологическим открытием.

всякого стыда. И все это идет от чудотворной силы великого Бога, излучающей добро в наш мир.

Итак, сын мой, хотя я и пользуюсь здесь словом пророк, я не присваиваю себе такого высокого звания, ибо “*Propheta dicitur hodie, olim vocabatur videns*” («Те, которых теперь зовут пророками, прежде были дальновидцами»).

Так было и в давно минувшие времена, когда нездешняя сила и врожденная способность проникать в будущее охватили этих немногих как пламя неземного огня.*

И только те, сын мой, достойны называться пророками, которые способны видеть явления и вещи, возносящиеся над уровнем достигнутых человечеством познаний, иными словами, пророки — это те, которые, освещая себе путь совершенным светом ясновидения, могут так же хорошо видеть божественные вещи, как и человеческие; или же пророки те, которые не могут не видеть результатов и последствий предсказаний будущего. И пророки мысленно преодолевают огромные расстояния во времени и пространстве, ибо таинства Бога непостижимы, и всему знанию, приобретенному человечеством, далеко до действительного могущества пророков.

Источник приобщения избранных к таинствам Бога — в свободной воле, ставшей откровением, потому что она дарована человеку Богом. Это объясняет нам причины появления тех вещей, которые не могли бы быть познаны ни человеческими способностями к предсказаниям, ни сокровенными науками или тайной мудростью, какие только известны на земле. Только целостное знание и Геркулианское откровение ведут через небесное движение (т.е. через движение звезд) к познанию первопричин того, что было, есть и будет.

Ты, сын мой, не можешь по-настоящему понять меня, потому что твой неокрепший мозг еще не в состоянии впитывать такого рода знания.

* В этом и последующих местах «Послания сыну Цезарю» проф. Э. Л. Радлов усматривает попытки примирить христианство с Плотинем, точнее, со взглядом Плотина на экстаз.

Будущие причины могли бы быть познанными человеческими существами, которых создал Господь, если бы вещи и явления настоящего и будущего не представлялись его творениям неясными и труднодоступными для интеллектуального постижения их подлинной сути. Но совершенным знанием сути вещей нельзя обладать без божественного вдохновения, и первопричины всех Божественных откровений сначала — в Боге-творце, потом — в добром Благе, и, наконец — в природе.

Поэтому причины появления или не появления вещей и явлений постигаются, преображаясь в пророчества, сбывающиеся большей частью в тех местах, которые были найдены предсказанием до того, как оно сбылось; оккультные явления не могут быть выявлены посредством самых совершенных земных интеллектуальных понятий, если не услышать идущий из чистилища голос, похожий на пламя, бледное сияние которого и помогает проникнуть в будущее.

Итак, сын мой, я умоляю тебя не увлекаться той балаганной славой, которая заставляет сохнуть тело, обрушивает проклятия на душу и вызывает ощущения, недостойные подлинно высоких чувств.

Прежде всего, с отвращением относись к позорной черной магии, запрещенной Священным Писанием и канонами церкви; это не относится к юдициарной астрологии, которая, направляясь божественным вдохновением, дала нам возможность записать наши пророчества, руководствуясь непрерывными вычислениями.

Хотя оккультная философия и не была запрещена, я никогда не поддавался соблазнам подпасть под ее влияние, и многие переданные мне книги об этом искусстве приходилось долгое время прятать.* Но после того, как я их прочел, я принес их в жертву Вулкану, потому что боялся того, к чему может привести хранение этих книг.

* О каких книгах идет речь? Есть основания предполагать, что это были «зловещие» для инквизиции книги Пселла и Ямвлика о демонических силах. Видимо, сюда же относится и прикладная Кабалла, оказавшая большое влияние на творчество Нострадамуса.

И, когда Вулкан пожирал книги и огонь накалил воздух, воссиял загадочный свет, более яркий и сильный, нежели пламя, к которому мы привыкли. Как будто весь дом был освещен вспышками молний, и казалось весь дом — в огне.

Итак, сын мой, чтобы ты не пострадал от поисков волшебных превращений, как лунных, так и солнечных, и чтобы ты не занялся поисками нержавеющей металлов* в водных глубинах я сжег все запрещенные книги, пока они не превратились в пепел.

Но тот приговор, который я привел в исполнение, становится гораздо более могущественным благодаря приговору, вынесенному самим небом. Я сообщаю тебе об этом, чтобы ты имел ясные представления о предметном мире будущего и не попал в плен фантастических предположений, которые могут возникнуть; ибо это, в свою очередь, ограничило бы возможности того, что постигается сверхъестественным и мудрейшим вдохновением, в соответствии с небесными символами или с помощью оккультного достояния и божественной мудрости.

Сила и мощь божественного вдохновения и небесных ангелов позволяют вечности понять три аспекта времени, понять эволюцию, которая связывает воедино прошлое, настоящее и будущее; “*Quia omnia sunt nuda et aperta*” («Весь мир обнажен и открыт»). Знай, сын мой, хотя твой мозг еще и неокреп, что твоя пробуждающаяся мысль все же может постичь события, которые будут после нас. Земные явления и вещи могут предстать пред тобой в нездешнем свете, затепленном пророческим духом. Но знай, что я не хочу даровать самому себе звание пророка, ибо я смертен, как и все, только чувства и мысли у меня так же соприкасаются с небом, как мои ноги — с землей. “*Possum non errare, falli, decipi (albeit)*”. «Я не ошибаюсь и не могу не достигнуть успеха»). Я сам — великий грешник в этом мире и не могу не поддаваться всем человеческим слабостям и соблазнам. Но иногда я поражал

* Вероятно, Нострадаму пришлось сжечь и руководства по алхимии.

людей своим пророческим даром и долгими вычислениями. Я сам приходил в творческий экстаз, создавая в моем кабинете книги пророчеств, каждая из которых содержит ровно сто астрономических стансов, сознательно сделанных мною неясными. Мною установлена загадочная связь между четверостишиями этих книг, и это — пророчества навеки веков, ибо они открываются нашим (т.е. 1555 годом) и кончаются 3797 годом; и поскольку мои пророчества охватывают такой колоссальный период времени и касаются всего в подлунном мире, некоторые будут смотреть на это косо, отнесутся к этому с недоверием. И, если ты проживешь естественный для нормальной человеческой жизни отрезок времени, то и ты в твоём климате и под твоим родным небом станешь очевидцем и свидетелем происшествий, которые были мною предсказаны.

Один Бог знает, что значит вечность света, который воссоздает сам себя. И я говорю тем, чьи долгие melancholicские вдохновения согреты лучами вечного света с его непостижимым величием, что божественное вдохновение является той оккультной первопричиной, которой руководствуются две другие причины, важные для вразумления того, кто вдохновлен и пророческует. Первая причина пронизана сверхъестественным сиянием и позволяет предсказывать по движению планет; другая причина прорицает через открытие, сделанное вдохновением человека, но оно является как бы соприкосновением с божественной вечностью и осуществляется через Бога-творца.

Идущий такими путями знает, что предсказанное им станет жизненной правдой. И он первоначально устремится к небесным высям и увидит бледный свет маленького пламени, живую искру истинного света, столь же действенную и возвышенную, как и сам свет, дающую философам уверенность в своих силах. И первопричина помогает мыслителям достигнуть глубоких познаний в самых сложных науках.

Но я не должен, сын мой, далеко удаляться от потенциальных возможностей понимания тобой того, о чем я говорю. Я нахожу, что ученые еще пожалуют о великих потерях, которые застанут их врасплох: придут, придут

эры наводнений и нового великого потопа. Останется ничтожно мало земель, которые не были бы под водой. Потоп будет длиться так долго, что все этнографии и топографии сгинут. И перед новым потопом и после него во многих землях почти не будет дождей, и появится тьма сухого материала, который делается добычей огня. С неба будут падать горящие камни, и не останется ничего, что не было бы выжженным, что сможет сохраниться и устоять. И все это произойдет, несомненно, до всеожжения, до великого пожара, который охватит землю.

Хотя планета Марс и перед концом своего курса, своего последнего оборота, тем не менее все начнется снова. Ряд звезд скопится в Аквариусе на долгие годы, другие звезды соберутся вокруг Рака тоже на долгие годы, до начала повторения.

Теперь нами правит луна, по воле Всемогущего Бога. И еще до того, как луна совершит свой оборот, воссияет солнце, а потом — Сатурн. Небесные знаки позволяют нам определить, что царство Сатурна придет опять так, что вычисления показывают, что мир приближается к анаргонической революции (к деяниям смерти на земле). Не пройдет и 177 лет, трех месяцев и 11 дней с тех пор, как я пишу, и чума, голод, войны и, главным образом, наводнения так опустошат наш мир, что выживет очень мало людей и земля будет невспаханной и бесплодной, такой, какой она была до начала творенья. Мы сейчас живем в седьмом тысячелетии которое скоро кончится и приведет нас к порогу восьмого, где находится небесная твердь и где есть свои широты.

В этом месте Всевышний завершит поднятую им космогоническую революцию, и небесные тела снова начнут свое движение, и это будет верховным движением, и оно сделает землю твердой и устойчивой, “*non inclinabitur in seculum seculorum*” (из-за этого она не будет отклоняться из века в век в разные стороны), пока не будет выполнена и не изменится воля Господня. Правда, мы придерживаемся двоякого мнения, и Магометовы грезы помогают нам переступить через черту естественных явлений, и иногда сам Бог через таких своих посланцев, как огонь

и пламя, открывает нашим внешним ощущениям и, прежде всего, нашим глазам то, что вызывает предсказания, и иногда мы постигаем такие события, которых еще нет, зная, что они будут, обязательно будут. Это ясно тому, кто пророчествует. Пророчество, порожденное внутренним озарением, выявляется с внешним светом и через внешний свет, хотя проясняемое глазооткровением приходит только через брешь в ощущениях, обостренных воображением.

Явственной первоосновой того, что именно предсказывается, становится божественное вдохновение или сошествие ангельского духа на человека, который возвышается до пророка. Дух этот во время ночных бдений устремляет его ввысь, озаряя нездешним светом его мироощущение. И с помощью астрономических указаний он пророчествует со сверхчеловеческой уверенностью, что пророчества сбудутся. Это делает предсказанное священным, и этим пророк обязан свободе и силе собственного ума, а не кому-либо или чему-либо еще.

Слушай же меня, сын мой! И вникай в то, что есть в моих астрологических откровениях, освященных Божественным вдохновением: над нами уже занесены мечи, на нас идут приступом эпидемии и войны, гораздо более страшные, чем те, что были перенесены тремя поколениями, жившими раньше нас. На нас надвигается голод, который будет повторяться с такой же последовательностью, как и движения звезд. *“Visitabo in virga ferrea iniquitates eorum, et in verberibus percutiam eos”* («Я облечу их беззакония и злодейства и опрокину их ударами железной дубины»).

Знай, сын мой, что гнев Божий будет на длительный срок распространен над землей. И еще до того, как сбудется предсказанное мною, вся земля попадет во власть яростных и частых ураганов и бурь *“Conteram ego, et confringam” et non miserebor*, сказал Господь («Я растопчу их, не дав никому никакой пощады»).

И тысячи других бедствий будут вызваны невероятным разливом вод и непрерывными дождями. Вот, что я с большой полнотой утверждал в моих пророчествах, напи-

санных в *soluta oratione* (в одиночестве), с обозначением мест, времен и обстоятельств, при которых исполнится предназначенное.

И люди, что будут жить после меня, или потомки их могут быть очевидцами бедствий и катастроф, предсказанных мной. Это мы уже отмечали, но по другому поводу, проясняя наши чувства и мысли, хотя они и были задрапированы в темные покровы. “*Sed quando submoventa erit ignorantia*” (Многое прояснится, когда приспест время устранить неведомое).

Теперь мы перед самым концом, сын мой! Прими же как дар твоего отца это послание Михаила Нострадамуса, надеющегося правильно истолковать тебе пророческий смысл этих четверостиший и молящего бессмертного Бога, чтобы он дал тебе долгую жизнь и благоденствие.

Послание составлено в Салоне,
в марте 1555 г.

Таинственным знаньем пронизана память,
Подземные воды горят от свечи,
Трепещет и искрится бледное пламя
И в судьбы столетий бросает лучи.

Как будто сам Бог у меня за спиной
(Треножник из бронзы украсила вязь),
Он водит моею дрожащей рукою,
Небес и земли повелитель и князь.

Я вижу, как рушатся царские троны,
Когда их сметает людской ураган,
Республику сделает хуже короны
И белых и красных жестокий обман.

Суровый правитель появится в мире
И в тине погрязнет ладья рыбака.*
Ведь войн не унять самым ласковым лирам,
И быть деспотизму в грядущих веках.

* Католическая церковь.

Уходят они без тяжелых сражений,
Страну обоюдное горе гнетет,
Кому же Нарбонн с Каркассоном поверят?
Когда же смиренность в два сердца войдет?*

За что будет выклеван глаз у Равенны
И вырастут крылья у яростных ног
Пусть двое возводят Туринские стены:
Свобода для Галлии выше тревог.

Вознесся глава фанатической секты,
Чьи волосы огненным вспыхнут костром,
Четырнадцать мудрому верят проекту,
Крестом, как мечом, сокрушая добро.**

Быть часто во мгле и свободе и солнцу.
Попал Гелиополис в тягостный плен.
Он данью и злом будет дико раскромсан,
И высосет Адрия*** кровь его вен.

Ну как, Ромулоиды,**** тяжко на свете
На вас африканская буря идет,
И лвиным прыжком наказующий ветер
Мальтийские земли за глотку возьмет.

Сержанты в строю возле клетки железной,
Где мучатся семеро царских детей,
Под ними разверзлись все адские бездны.
Старик и ребенок во власти смертей.*****

* Катрен, навеянный опасением того, что словесные стычки между католиками и гугенотами могут перерасти в религиозную войну.

** Катрен, ставший объектом многих и долгих споров. Одни связывают его с французской революцией, другие — с кальвинизмом. Последнее, кажется, ближе к истине: катрен этот должно быть направлен не столько против кальвинизма, сколько против его крайностей.

*** Венеция.

**** Потомки Ромула.

***** Катрен, продолжающий вызывать большие споры. В нем видят то французскую революцию, то символическое изображение еврейских гонений при Гитлере. Семеро царских детей — семь колен Соколомова племени.

С Сицилией вместе в единой орбите,
Неаполь крепит королевство Леон.*
К союзу пожары и меч подключите:
Мозг Рима потерпит ущерб и урон.

Он лестно дорвется до власти порочной,
Позер и скотина, воспрявший с низов.
Он звезды сорвет политической ночью.
Вероною правит хвастливая кровь.

Не зря поспешили изгнанники клясться
Властителя силой с поста устранить,
Пусть в шахтах секреты врагов сохраняются,
И заговор старец сумеет разбить.

Славянский народ под ненастливым знаком,
Их тюрьмы и песни царям их не впрок,
На смену придет, как священный оракул,
Схоласт и догматик и ложный пророк.

Нам Марс угрожает военной силой,
Сквозь семьдесят битв предстоит нам пройти,
Должно быть и церковь сорвется в могилу,
От зла никого не удастся спасти.

Чума и война, человечество вздыбив,
Столетия ведут к моровому концу,
И выплеснет пруд пресноводную рыбу,
Чтоб звезды летели навстречу стрельцу.**

Лет сорок быть радуге с новым потопом,
Огромною аркой блеснув над водой,
И сорок лет засуха пыль будет сыпать на тропы
И сеять пустыни под гиблой звездой.

Зачем не едины беспечные галлы?
На Францию новый идет Магомет!
Италия! Море качать корабли не устало!
Марсель! В парусах неприкаянный свет.

* Испания.

** Катрен, высоко оцененный астрологами Востока, возможно, за его образно-поэтический характер.

Все небо в огне из-за змиев бездушных.
Прольется испанцем троянская кровь,
И вождь побежденных, врагам непослушный,
В болотной глуши стал разыскивать кров.

Во Франции ставят чужие палатки,
И грохот орудий раздался уже
Тур, Нант и Блуа на позиции шаткой,
Шатаются Реймс, Орлеан и Ажан.

Не бойтес пока что загадочной глины,
Насквозь пропитавшей сырую скалу,
Оттуда, из бездны, и вырвут актиний,
Как зверя, врученного новому злу.*

Разруха и смерть оседлают науку.
Вся жизнь потеряет и ценность и смысл,
А Лангр и Оттон ждуг и стужа и муки,
От войн и Шелон не поднимется ввысь.

Кабан с леопардом в неистовых схватках
На Марсовом поле встречают восход,
Орлиные крылья близ солнца так ярки,
Орла леопард, как спасителя, ждет.

Пусть небо осудит поверженный город.
Орел позабыл уцелевших врагов,
Хотя Мантуя и Кремона нескоро
Забудут про боль от былых батогов.

* Исследователи словаря Нострадамуса находят, что он наводнен трудноразгадываемыми ребусами. Таково слово «lacticin» в оригинальном тексте этого катрена. Существует множество подчас взаимно исключающих друг друга толкований что значит это слово. Мне кажется, что ближе к истине те, которые думают, что это слово имеет прямое отношение к занятиям Нострадамуса алхимией. А алхимики тогда чувствовали в некоторых телах потенциальный заряд чудовищной взрывчатой силы. Ведь изобретатель пороха Бертольд Шварц (Константин Аклитцен) не был одинок; он имел предтеч и преемников. Только они не знали, как вызвать взрыв. Именно сейчас современной науке приходится реабилитировать алхимию; то, о чем тогда только мечтали, теперь, несколько столетий спустя, осуществляется на практике. Я согласен с теми, которые думают, что lacticin это актиний, спутник урана, без которого невозможна атомная бомба.

Мне дорог поборник отверженных знаний,
Вчерашний еретик, сегодня — герой,
Честь пастору,* что обновит мирозданье,
Хоть древнее стало седою золой.

Большой человек погибает от молний.
Паденье другого предчувствует ночь.
Конфликт Реймс и Лондон надолго запомнят.
Тосканья холеру осилить невмочь.

Страшитесь паденья Кайенского дуба,
Зарыто сокровище где-то вблизи,
Но глаз смельчака, что его раздобудет,
С разбега копье боевое сразит.

Пусть башня у Роны трепещет от страха:
С Испании двинулись стаи фусте.**
О, Либра и Таурус! Все станет прахом,
Скот, люди, довольство не выживут здесь.

Моим современникам трудно поверить
В железных амфибий морей и земли,
Но эти чудовища выйдут на берег,
Крутая волна закипает вдали.

Потрепано бурями странное судно,
И видят неведомый порт паруса.
Но ветку от пальмы*** всем выловить трудно,
И смерть с грабежами клеймят небеса.

Знак солнца троих награждает победой
Нежданною: льва с петухом да орла.
Вся Франция вытерпит войны и беды,
Монарх Кастильянский войны не узнал.

* Есть знатоки Нострадамуса, которые хотят совместить Пастора с Луи Пастером. Согласно другой точке зрения — согласиться с этим, значит скомпрометировать Нострадамуса.

** Фусте — род военных судов.

*** В искусстве эпохи Нострадамуса пальмовая ветвь была символом мира.

Величье империи все-таки сгинет,
И скипетр положит такая страна,
Земель завоеванных нет и в помине,
Остался без зерен кровавый гранат.

Шатается мост у огромной равнины.
Лев цезаря сильное войско ведет,
Он лапой весь град норовит опрокинуть,
Но только запоры с ворот не собьет.

Парит над окном эта хищная птица,
Предчувствуя в Галлии рокоты битв.
Боль слабых, поверь, в торжество превратится,
И добрые знаки растут из молитв.

Глаз в шлеме золотом, как в тюрьме или клетке,
Он выбит, падучею ставши звездой,
В турнире лев старый был менее крепким,
Чем хитрый, отчаянный лев молодой.*

Я знаю: монарх, наконец, пожалеет,
Что прежде щадил он врага своего.
Врага устраняют жестокой идеей,
Казнив всю родню и всех близких его.

Волною вечерней тот порт не шатает,
Затоплено солнце под гладью морской.
Мосты и гробницы вражда разметает
Великий народ воевал сам с собой.

Здесь солнце с орлом достигают победы
И милость поверженным громко сулят.
Но кто остановит грядущие беды?
Мечте об отмщеньи поверженный рад.

Вождя задушили в его же кровати
За то, что обычай и честь предавал.
Теперь трех империй никчемны печати,
Раз писем с пакетами труп не читал.

* Знаменитый катрен, предрекший ранение и смерть Генриха Второго.

И Константинополь закон свой изменит,
Пришедший с Египта составит эдикт,
Так тягостен звон отуреченных денег,
И дух безрассудства в реформы проник.

Немногих бежавших печаль да покинет
(Осада сжимала весь город в руке),
Пусть мать обнимает спасенного сына,
Принесшего письма и яд в узелке.

Где спрятаны кости влюбленных и Пселла?*

Их дьяволы ищут в погасшей золе.
И десять апрельских календ преуспели
Воспрянуть из сумерек в Готтском числе.

Пусть смены империй командуют миром,
И пусть потрясения страшат королей,
Нам мысль, как колонну, оставил Порфирий.
Приветствуя высь на щербатой скале.**

* Пселл (правильнее — Михаил Пселлос). Родился в 1018 году, умер не то в 1077, не то в 1078 году. Нострадамуса, видимо интересовала его книга о дьявольских силах а также труды «Арифметика», «Геометрия», «Музыка», «Астрономия».

** Это опять одна из лингвистических загадок, которыми пестрят «Центурии». Что правильно; Порфирий или колонна — Порфира, порфировая колонна? Одни убеждены, что это именно колонна, и предостерегают других комментаторов Нострадамуса от напрасных мудрствований. Другие находят, что Нострадамус подразумевал не колонну — порфиру, а философа ранней христианской эры Порфирия (псевдоним Малха. Род. в 223 году, умер в 305 году). Эти последние, думается, ближе к истине. Если в предыдущем катрене упомянут Пселл (Пселлос), то весьма вероятно, что Нострадамус упоминает вслед за ним и Порфирия, тем более, что оба катрена логически связаны друг с другом.

(Напомним, что большинство катренов «Центурий» обособлено друг от друга. Реже встречаются пары или тройки катренов, объединенных взаимосвязью, и еще реже попадают гроздь катренов, объединенных единым смыслом). Трудно усомниться в том, что Нострадамусу были хорошо известны написанные Порфирием биографии Пифагора и Плотина. Допустимо также, что в числе сожженных Нострадамусом книг были и не дошедшие до нас труды Порфирия.

Дело в том, что Нострадамусу, безусловно, было близко пифагорейское учение о том, что история повторяется, подчиняясь опреде-

Наступят жестокие годы лишений,
И воск будет стоить дешевле, чем мед.
Монахи и пастыри — жертвы гонений,
И ветер безбожные песни поет.

Догматиком создана новая вера.
Все зрелища славят великий обман.
Зверей благородною меркою мерят,
И зло как добро преподносится нам.

Великий огонь падал с гневного неба.
Три ночи стонала от взрывов земля.
Верь в чудо, напуганный, где бы ты не был,
Нам Экс и Миранд горевать не велят.

Женевское озеро вытерпит скуку
Надменных, пустых и коварных речей.
Чинушам и всем дипломатам наука:
Не верьте в политику мертвых лучей.

Все гаснет, все гибнет и рушится в Лету.
Я слышу биенье последних сердец.
Пять тысяч годов да еще пять веков жить
осталось свету,
И наша история встретит конец.*

Проснется Восток в восемнадцатом веке.
Там даже снега оживут под луной.
Весь Север великого ждет человека:
Он правит наукой, трудом и войной.**

ленным ритмическим закономерностям и развиваясь по спирали или подобно кругам, которые расходятся от камня, брошенного в воду. И не Порфирий ли навел Нострадамуса на идею повторяемости исторических процессов?

* Светопреставление, по Нострадамусу, начнется на исходе седьмого тысячелетия христианской эры. Напомним, что сам Нострадамус родился и жил в XVI веке.

** Катрен, породивший множество толкований, иногда взаимно исключающих друг друга. Я склонен думать, что это намек на деяния реформатора России Петра Первого.

Какая страна родилась в океане,
Где праздник справляют однажды в четверг?
К ее берегам мысль с энергией тянет,
И тянет ковчеги для наций и вер.

Когда три созвездья* приходят в смятенье,
Реформы повенчаны с мраком и злом,
Спаси, Бог, Италию с Францией от столкновений;
Ведь смутное время в их земли пришло.

Два зла Скорпион совместил воедино:
Великий подвижник так зверски убит.
Европа утратила лучшего сына,
И церковь и трон там чума навестит.**

Пусть новое золото люди добудут
И много найдут серебра в рудниках,
Но миру от этого счастья не будет:
Законы и совесть рассыпятся впрах.

Злой людям придется дышать атмосферой
Раз деспот возглавит кровавый совет,
Когда переменит законы и эры
Двух яростных бунтов мятущийся свет.

Растут в городах вавилонские башни.***
На стены их брызжет народная кровь,
И весь небосвод будет гневом окрашен,
Чума с грабежами появится вновь.

Позднее иль раньше придут перемены.
Гоненья и ужасникто не смягчит.

* Сатурн и Юпитер будут у головы Ариев.

** Станный и загадочный катрен, породивший множество толкований. Я склоняюсь в пользу тех, которые думают, что в этом катрене Нострадамус выразил свое отношение к казни Томаса Мора. Тот факт, что в «Центуриях» есть элементы «антиутопии», этого не опровергает. Нострадамус был способен объективно оценивать положительные качества своих противников и врагов.

*** Х. Аллен находит, что Вавилон у Нострадамуса в ряде случаев не библейский Вавилон, а метафорический образ великих городов будущего.

Луной правит ангел, вскрывающий вены,
И небо дымящейся кровью чадит.

Итак, договор разрывается в клочья,
И кровь потечет из словесной борьбы,
Раз солнце и меда и сливок захочет,
То гневом пронизаны зовы трубы.

Вам странен уродец с двумя головами?
И будут четыре руки у него,
Но, если уж праздник Аквилла* прославит,
Фоссан и Турин убегут от врагов.

Осыпан был пеплом изгнанников остров,
На смерть их ведет хромоногий маньяк,
Их жгут на кострах подлецы и прохвосты,
Но слово погибших пробьется сквозь мрак.

Рожден близ Италии дерзкий воитель,
Империя будет в мятежной стране!
Но сколько солдат за тебя перебито,
Чудесный мясник, в безуспешной войне!***

Республика дышит несчастьем и грязью,
Зато разрастется ее аппарат,
С ней Швеция рвет ослабевшие связи,
И беженцам трудно спастись от утрат.***

* О каком Аквилле (или Аквилларе) идет речь в этом катрене? У комментаторов Нострадамуса есть несколько Аквилл, претендующих на звание героя катрена.

Есть мнение, что это — еврейский прозелит, живший при Ариане, около 130 года и переведший Ветхий Завет на греческий язык.

Другие считают, что это — сподвижник Мартина Лютера, Иоганн Аквилла, помогавший патрону переводить Библию. Пожалуй, ближе к истине те, которые подозревают, что это — все-таки лютеровский Аквилла. Кто, как не он, мог в те годы вызвать неприязнь католической церкви?

** Большинство комментаторов считает, что в этом катрене Нострадамус, как в телескопе, который наведен на время, а не на пространство, увидел звезду будущей славы Наполеона.

*** Катрен, вызвавший большие споры и множество толкований. Русские комментаторы связывают этот катрен Нострадамуса с гражданской войной в России. Но есть точка зрения, что Нострадамус писал о Швейцарии, а вовсе не о Швеции, предсказав беженскую трагедию в период французской революции.

Огонь, наводнения, бессильные скиптры —
Источник страданий и тяжких потерь,
Латонский цикл* в бедствия будет зарытым,
Не скоро добро приоткроет нам дверь.

Нас прошлое хлещет ударами плети,
Весь в ранах был долгий, но мертвый покой,
А взрослыми станут спасенные дети,
И жизнь будет взорвана новой войной.

Все небо звенело от воя драконов.
Свет солнца был виден и ночью и днем.
Кабан с человеческим лицом рвет законы.
И речи зверей полыхают огнем.

От молний страдает невинный ребенок.
Дофин без руки в королевском дворце.
Вся жизнь будет взорвана бунтом и стоном,
И трое знатнейших — в терновом венце.

Поля и сады этой вести не рады,
И крыши домов побелели как мел.
Избиты отчаянным штормом и градом
Виверс и Торнон, Монсерра и Праделл.

Везде распростерлись разбой и голод,
И жизнь обезрадит земные пути,
Травой зарастут опустевшие села,
И нет молока в материнской груди.

Жестоки муки ждут трех невинных.
Какой же род пыток для них изберут?
Отраву иль шпаги гвардейцев злословных?
Нет, рот им большой воронкой заткнут.**

* Цикл Латоны, матери Аполлона и Дианы, т.е. цикл месяца.

** Водяная пытка или экзекуция воронками еще практиковалась во времена Нострадамуса. Экзекуторы раздвигали рот своих жертв, чтобы воткнуть туда воронку, куда наливалась вода. Водяные пытки были очень мучительны.

Мир губят война, грабежи, наводнения...
И знайте, достигшие горных вершин:
Из хаоса трудно создать возрождение,
Руины на дне неспособны ожить.*

Приходят из Персии вести дурные,
Там все под дождями, разбоем, войной,
И жребий такой же вся Франция вынет,
Готовясь стать новой, бесстрашной страной.

Враг трижды захватывал город у моря,
И трижды его отбивали назад,
С испанцем, с Италией, с варваром Франция спорит
Пожар, блеск кинжалов идут на парад.

Да, жителей прежних не станет в Марселе,
Спасались повсюду, включая Лион,
Убитых и пленных смогли сосчитать еле-еле,
Число их составит почти миллион.

Тунис и Алжир расшевелены персом,
Пять штурмов французам легко ли сдержать?
Леон с Барселоной пока что не тронуты бесом,
И горько Венеции бурь поджидать.

Их парус летит на свиданье с Эпиром,
Стремясь Антиохии помощь подать,
И черные волосы вьются над миром,
Чтоб рыжебородым пришлось бедовать.

Сийенский тиран овладеет Савоной,
И Форт не подпустит рои парусов.
Две армии рвутся к дорогам Анконы.
Вождь! Страхи похуже взбесившихся псов!

В столетях останется жесткое имя.
Рок дарит трем судьбам наследье свое.
Не злоба веселье народа поднимет,
А дело, которое совесть найдет.

* Катрен, где Нострадамус, на творчество которого оказала воздействие философия неоплатоников, оправдывается от обвинений в косности и консерватизме.

Сам Гордый Нептун черный парус заметил
В Калькре,* когда флот огибал Рошеваль.
Кто ж умер, коня избивая злой плетью?
И меж двух морей воцарится печаль.

Народ домогается новых жакерий,
Разделится поле гражданской войной.
Ослабнет железная воля империй,
Былое растоптано гневной сестрой.**

Предвижу борьбу городов меж собою,
Борьбу без оружия за право на жизнь.
В Ажане и Эксе оплот монополий,
Бордо и Тулузу им надо загрызть.

Расколото молнией небо Бургондцев
К худому шестая планета блеснит.
Чудовищный зверь стал бродить у колодцев,
И бунт всю весну на дорогах свистит.

Смерть правит и Каппой, и Тетой, и Ламбдой.
Сойдет справедливость с распутья дорог.
Когда же законность подружится с правдой,
И судьи — их девять — уйдут от тревог?

Боятся за будущность Австрия с Веной,
Решение вынес Великий Совет.
Здесь ветер трясет деревянные стены
И красит колонны в рубиновый цвет.

Шилон — чужестранец поделит добычу,
И гневом окрашены Марс и Сатурн,
Латинцев с Тосканцами страхи разыщут
И Греция ждет пробуждения бурь.

Великого тенью, огромной накрыло,
Кровавый фонтан бьет с отчаянных драк.
От копоти с солнца все небо дымилось,
И диск всей луны провалился во мрак.

* Старинное название Гибралтара.

** Следует, думается, согласиться с теми комментаторами Нострадамуса, которые видят в образе гневной сестры французскую революцию, ломающую и рушающую былые устои.

Король опечален ответами леди,
Послы опасаются жизнь потерять,
Гнев, злоба и зависть стремятся к победе,
Великий не в силах на братьев напасть.

Высокие подвиги ждут королеву,
Она на коне поскакала нагой,
Над речкою грива пылает от гнева,
К чему приведет этот яростный бой?

Столкнулись великие скалы друг с другом,
И рушится город в провалы земли,
Из кратера лава расплескана к Югу,
И брег Аретузы* был кровью залит.

Любовь может стать божеством и болезнью...
Но есть ли согласие церкви на брак?
Венец для великого держат над бездной.
Для бритых голов он гонитель и враг.

Быть в Мозеле яростным островитянам,
И люди Луары во власти смертей.
Вот город морскую погоню притянет,
И с башен видны паруса кораблей.

Неистовый монстр будет родом с Оргона.
Пусть колокол бьет в Пуатье и Бордо.
Рои парусов подплывает к Лангдону,
И Францию ждет Трансмонтановский гром.

Мы сами затеяли адские войны,
А Бог создал нас, чтоб мы были людьми.
Копье и мечи вижу в небе спокойном.
Быть бедствиям, многие лягут костями.

Недолго царили покой с милосердьем,
Хотят взять реванш грабежи и разбой.
Ведь треть миллиона осудят созвездья.
Что ж! Смерть или плен обещает нам бой?

* Аретуза — мифологическая страна вечной весны.

Италию будет знобить от волнения:
Не верят друг другу орел и петух.
Никто не избавит их от опасений.
В испанцах и кельтах дух злобы потух.

Война впереди, а не сон о свободе,
Хотя и убит был Селимский тиран.
В ком вспыхнула совесть, тот к мести негоден,
И страхом почёт этой женщине дан.

Одним близнецом монастырь был построен
На крови героев с крестом на груди.
Здесь слава Вописка не знает покоя,
И орден могуществом мир удивит.

Падет фанатичная страсть к разрушеньям,
Раз вера тверда точно лучший гранит,
Безбожное слово подвержено тленью,
И злой фанатизм наш храм не сразит.

Ни меч, ни пожары того не достигнут,
Что может взять дьявольски хитрая речь.
Пойми же, король, что иллюзии гибнут,
Что крови напрасно ненадобно течь.

В Фессалии, в Кандии тысяч пять пало,
Конец авантюрной затеи вождя..
Он скрылся, и бурей корабль не свалит,
А мертвые в небо чужое глядят.

Союз трех правителей помнят столетья.
Весь мир обагрён небывалой войной.
Потомки! Нарбонн наш исхлестан был плетью,
И трупы на улицах помнили бой.

Весь воздух рад серой и ласковой птице,
Что ветку от пальмы держала в когтях...*
Большая война, наконец, прекратится,
Хоть умер ведущий народы сквозь страх.

* Символ мира.

ЦЕНТУРИЯ II

Гасконь под угрозой английского штурма,
Но дождь и мороз обесправят набег,
В Селине готовятся к действиям бурным,
Из холода в жар бросит яростный век.

Большой человек был повешен на рее.
За сколько же смерть покупает король?
Став белым, закон голубой не краснеет,
И Франция чувствует горечь и боль.

Огонь небывалый на море прольется,
Из плещущих рыб закипает уха,
Часть жителей больше домой не вернется,
Когда весь Родос стал похож на сухарь.

Становится кладбищем все побережье.
Повсюду разруха, и жителей нет в городах,
Ведь варвар в Монако, в Сицилии грабит и режет,
От лодок рыбацких остался лишь прах.

Гонец был подхвачен железною рыбой,
Способной нырять до Романской земли.
Война управляет сиреновой зыбью
И к смерти большие ведет корабли.

Они разбивают ворота двух градусов,
Насилия, голод, разбои, чума,
Живые здесь мертвыми сделаться рады,
Молитесь, чтоб Бог вам спасение дал!

Ждет голод людей, привезенных на остров,
Их мутит и рвет от древесной коры,
Но сходят дурные приметы с погоста,
Раз новый король лучший путь всем открыл.

Нет святости больше в соборах и храмах,
И пограны будут заветы Христа,
И с грудю старого, ржавого хлама
Смешается правды былой чистота.

Страна девять лет наслаждалась миром,
Но жаждущий крови убрал короля,
Народ погибает от гневного пира,
И новой свободы не видит земля.

Мне горько сказать, что жестокие эры
Опять завладеют мятежной землей,
И рабская будет царить атмосфера
Под маской любви и свободы большой.

Пусть знатные знают, что старший в их роде
Достигнет величья и к славе придет.
Но мощь эта страх поселяет в народе
Потомкам предъявят мучительный счет.*

Суд правый воскрес из античных фантазий,
Фанатиков злобных накажет монарх,
Сокровища в храмах их больше не дразнят,
Спокойный народ забывает про страх.

Пред смертью мы слушаем голос оттуда.
Пусть тело покинуто солнцем души.
День смерти духовным становится чудом,
И днем возрождения стать порешит.

Со свитою в порт будут ждать королеву.**
Отмстят ли за тех, кому выколот глаз?
Борьба направляется властью и гневом,
И берег был в брызгах от волн, как в слезах.

* Де Гарансьер, переведший «Центурии» на английский еще в XVII веке, писал, что этот катрен имеет отношение к роду лорда Айзнера, к его старшему сыну и потомкам старшего сына. По другой версии, Нострадамус имел в виду польского короля Сигизмунда Второго. Наконец, третья версия видит в этом катрене обобщение, судьбу многих аристократических родов.

** Видимо, этот катрен имеет отношение к Екатерине Медичи, не забывшей, что лорд Монтгомери оказался виновником смерти ее мужа.

В Турин, в Пизу, в Асти нет доступа людям.
Правитель убит и в руинах земля.
Кастор и Поллукс безрассудных осудят,
С воздушного судна за морем и сушей следя.*

В тиранах узрят повелителей молний,
И падает с неба жестокий огонь.
Английская армия деспотов гонит,
Швейцарцы не будут под сильной грозой.

Грустит Богомать вблизи от вулкана,
И Этну увидел белеющий храм.
Здесь все виноградники в горе и ранах,
Все губит разливом рек северных стран.

Дожди помешали движенью двух армий,
И небо и море — сплошной водопад,
Не могут забыть даже спящие камни
Смерть этих семи, презирающих ад.

Пришельцам фортов для защиты не нужно,
Свободна от жителей эта земля.
Дороги, поля, города вырастают здесь дружно,
Но войны грядущему беды сулят.

Жестокое рабство ждет многие страны,
И взгляд василиска страшит короля.
Пусть братьям и сестрам напомнит о ранах
Покрытая кровью и горем земля.

Посол с неизвестным столкнулся в просторах.
Кораблик настигнут большие суда,
И к черному мосту притянут с позором,
Канаты и цепь отражает вода.

* Катрен, вызвавший шумные споры. Одни считают, что тут речь идет о созвездии Кастора и Поллукса и комете, появившейся в небе. Для других это не звезды, названные в честь героев античной мифологии, а космонавты. Странники третьей точки зрения считают, что в этом катрене изображена Италия второй мировой войны, после убийства Муссолини.

Солдаты не видят затопленный остров.
Земные деревья в воде не живут.
Клокочет волна исполинского роста,
И Ангелы смерти хоралы поют.

Но как умудрились разумные птицы
Орлиный дворец на крыле перенести?
Пусть враг за рекой не устанет дивиться —
Военные хитрости трудно учесть.

Над зверем теперь уж не будет опеки.
Голодные звери плывут через Истр.
Решетки тюрьмы новым выбиты веком,
Дух бури немецкой над бездной повис.

Игра в благородный Союз провалилась,
И взят был обманом достойный наш форт,
Луару безвинною кровью залили,
Над Роной с Гаронной занесен топор.

Пожары и кровь станут знаком эпохи,
И бой проиграет большой человек,
А город израненный смотрит со вздохом
На По и Тезину, на трупы у рек.

Доносится с неба глас вещей и трубный,
И будущих бедствий нельзя избежать.
Замки с откровений сбивать очень трудно,
И трудно народам богов постигать.

Напрасно его признают за пророка
И будут дивиться заветам его.
Восставший народ чуда ждет раньше срока,
Потомкам своим не добыв ничего.

Восток сорван с мест ради власти над светом.
Снега, горы, воды — в лавине людской
Летают по воздуху, точно кометы,
Снаряды, разбившие прежний покой.

Он станет живым воплощением террора
И более дерзким, чем сам Ганнибал.
Ничто не сравнится с кровавым позором
Деяний, каких еще мир не встречал.

В Кампаньи, в Кастилии засуху знают,
Но только такой не случилось вовек:
Трава и листва без дождей пропадают,
И высохли русла у жаждущих рек.

В Далмации — кровь, молоко и туманы!
В Словакии — слезы, стенанья и плач,
Чума и война станут Базельской раной,
И зверь из Равенны страшней, чем палач.

Могучий поток был низринут с Вероны,
Близ устья распухшей, мятущейся По,
Корабль затонул, видя берег Гаронны.
Когда ж генуэзцы вернутся в свой дом?

Безумная злость освятит поединок,
И шпаги всех братьев сверкнут у стола.
Готовности к сговору нет и в помине,
Вся Франция адской дуэлью больна.*

Две речки о бедствии том не забудут,
Два дома во тьме полыхают огнем,
Два знака и солнце** печальными будут,
Сгоревших же станут опазнывать днем.

Тиран перехватывал письма пророка,
Чтоб вскрыть их коварной и жесткой рукой,
Но знай: безнаказанность проклята роком,
И смелая мысль не уйдет на покой.

На выручку посланы лучшие части,
Удастся ль отбить нам захваченный форт?

* Есть точка зрения, что в этом катрене Нострадамус расценивал грядущую французскую революцию XVIII века как братоубийственную бойню.

** То есть солнце будет под знаками Сагилитариуса и Козерога.

Разбой и чума обе стороны держат во власти,
Десятки убитых для них не укор.

Звезда восходящего скоро погаснет,
И был не у власти безвольный монарх.
Взял верх созидатель несбыточных басен:
Парадом командуют хитрость и страх.*

Разрушены школы республик свободных,
Тиран отменяет нежесткую власть.
Германцу, испанцу, Италии грозы пригодны,
От дерзких оружий все может пропасть.

Горят корабли горевыми кострами,
И звери обиды несут парусам,
На сушу и море тревогу направят.
Когда же покой нам дадут небеса?

Великий бульдог воем тягостным воем.
Из траура вспыхнет свет новой звезды.
Двух солнц за семь дней даже тучи не скроют.
Святой после смерти на землю глядит.

Всесильный тиран погибает в постели.
Вся в ранах нога, перебито плечо.
Собаки, петух и коты свежей крови хотели,
И храбрость согрета надгробной свечой.

Три принца усердно врагов своих множат,
Комета** с раздорами дружит всегда,
Змей в Тибре совсем не легко уничтожить,
Гнев неба познают земля и вода.

Пришли музыканты к блистательной леди.
Звучали цымбалы, звенела труба,
И колокол пел баритоновой медью,
Орла улететь заставляет борьба.

* Русские комментаторы Нострадамуса видят в этом катрене Керенского, Николая Второго в период февральской революции, а также Ленина.

** Имеется в виду комета Галлея, которая в глазах многих астрологов является вестником бедствий, коварства и перемен к худшему.

Несчастлива та мать, что родит Андрогена!
Воздушная битва мир кровью зальет!
Но судьбы безвинно погибших нетленны,
И помощь комета земле принесет.

Мотор разовьет сумасшедшую скорость,
Тараном пробив неприкаянный век.
Война будит мысль человека, который
Науке дает Прометеев разбег.

Дряхлейший противник отравлен был ядом,
И ожили прежде душимые им,
Спасаясь в пещерах, гонимые каменным градом,
Сумели они от невзгоды спастись.

Солдаты вершины штурмуют так скоро,
Раз к рыбам вернулись Сатурн, Арий, Марс.
Сайгонцы! Ведь мозг ваш отравлен позором:
Никто из петли капитана не спас.

Созвездья не скроют мелитцам всей правды:
Не всех покоритель сумел обольстить,
Бежавшие в Родос, в Бизанс будут рады,
Так мало желающих с бурей идти.

Бывает, что старая рана солдата
Опасней, чем вред, нанесенный врагом.
Осада с Брюсселя и Ганда не снята,
И ветер войны завывает кругом.

Число жертв, как видимо, семьдесят восемь.
Пожар и весь Лондон в огне, как в крови.
Мадонну на паперть горячую сбросит,
И вера в ожогах, раз мало любви.*

Там жить под ударом двух землетрясений.
Два моря затопят Коринф и Эфес.

* Генри Робертс считает, что в этом катрене Нострадамус предсказал лондонские пожары 1666 года, когда в соборе Св. Павла была повержена наземь со следами ожогов и копоти статуя Богоматери.

Война двух врагов! Слышны шумы сражений,
И бурей срываются звезды с небес.

За что нас преследуют горе и беды?
Быть дикому бедствию в этом порту,
Здесь губят невинных, безмолвствует небо,
Но честь знатной дамы хулы не сотрут.

Весь город у моря — в тоске и испуге,
И вождь опасался внезапных атак,
Что знатных и бедных пришельцы погубят,
Что девушек схватит неведомый враг.

Его полководец адрийцев прославил,
В речах на пирах он творил чудеса,
Но сам он погиб, не уйдя от расправы,
Страну от руин не умея спасти.*

Корабль разобьется о скалы на море,
Погибнет Аббат, раз почувет беду,
И тот, кто ушел от меча и от мора,
Был молнией яркой сражен на ходу.

Стена обвалилась еще перед боем,
И гибель великого встретят с тоской,
Кровь смешана с глиной и кажется гноем,
Разбитая лодка не сладит с волной.

Нет рук и нет ног, только хищные зубы
У страшного шара, что грозен, как черт.
Кого он с изменником вместе погубит?
Луна осветит покидаемый порт.**

Фронт Франции рвет Провансальские земли,
Нептун, видно, действует с ним заодно,
Нарбонн ж и копьям и дротикам внемлет
И Марс метит город кровавым пятном.

* И этот катрен породил множество толков. Есть мнение, что в нем Нострадамус предсказал судьбу Муссолини.

** Катрен, смысл которого вообще вряд ли возможно разгадать. Вероятно, речь идет об идее какого-то страшного оружия.

В крови будут волны, на дно канут трупы убитых.
Доволен и мул, раз накормят овсом.
Прервались б скорей Пуникийские битвы,
Чтоб дух перемен не полег под косой.*

Над гаванью свищет стрела с арбалетов,
Солдаты по лестнице к форту взнеслись.
Кровавые руки над брешью воздеты,
И пламя и дым за рекою рвались.**

О, люди и звери! Вас ждет катастрофа,
Мабус к вам идет, чтоб средь вас умереть.
Комета с возмездья срывает покровы,
Разбои, кровь, жажду неся на хвосте.

Флот Франции не для угрозы Осону.***
Честь Марны и Сены лежит на весах.
Но новой стены не пробьешь и не сронишь,
И жизнь Властелина возьмут небеса.

Женевцев томить станут жажда и голод,
Но Бог ослабевшему помощь дает.
В Иллирии скорбь будет действовать скоро.
Поверьте, что флот в этот порт не войдет.

Шум парка наполнен бедой небывалой,
Созвездья прольют окровавленный свет.
На палубу мачта, как факел горящий, упала,
Теперь Инсурбия не встретит рассвет.

Он схвачен толпой у дворцовой колонны,
И город в осаде спасется из тьмы.
Позднее судьба не была благосклонной,
К вождю, что когда-то бежал из тюрьмы.

* Перемениться должна была бы вся жизнь на берегах Роны, Луары, Галуса и Большого Джада.

** Это один из эпизодов междуусобных схваток, которые, по предположению Нострадамуса, затронут Ажан, Томан, Жиронду и Рашель.

*** Бордо.

Предвижу раздел океанских просторов.
И новые страны над белым пятном.
Дуэль кораблей разыгралась на море,
И плавают бочки с продавленным дном.*

Взметнувшие Север — в могучем стремленьи
Широко врата распахнуть в океан,
И Англия жаждет расширить владенья,
Тесня паруса неугодных ей стран.**

Величье монархии рвут разногласья,
На время лишь счастлив французский король,
Со знати соседей срываются шляпы ненастьем,
И к нам перейдет безысходная боль.***

С небес рвутся дротики, камни, раздоры,
Людей и деревья свирепо круша,
Но зверь ужаснется былого террора,
Когда искупления жаждет душа.

В Сицилию толпы изгнанников гонит,
Их голод и смерть обойдут стороной,
Их поздно искать и их рок не затронет,
Раз жизни согреты счастливой звездой.

* Это — один из примечательных и, воистину, пророческих катренов «Центурий». Нострадамусу было ясно, что после открытий Колумба начнется борьба за главенство над океанами, которая будет борьбой за великий передел земного шара. Дуэль, о которой идет речь, это дуэль между Испанией и Англией.

** В первых двух строках этого катрена дан намек на стремление Ивана Грозного не оставлять Россию только сухопутной державой, но и создать свой сильный флот. В третьей и четвертой строках говорится о соперничестве Англии и Португалии за главенство на морях.

*** Катрен, вызвавший особенно много толков. Я склонен думать, что и в нем отразилась мысль Нострадамуса о роковой неизбежности крушения монархического строя в будущих временах. Начатое в Англии (Кромвелем) перейдет во Францию (продолженное Маратом, Дантоном и Робеспьером).

В Италию вторгнется армия галлов,
И римляне, изнемогая в борьбе,
Опять близ Тицина от страха воспряли,
Но под Рубиконом им не до побед.

Урод троерукий иль демон сражений
Три трона для Эндимиона несет.
Бенекльский берег фуцинские волны оценит,
И порт Лориньона война захлестнет.

Их видят и Сена с Осоном и Роной,
Привал их вблизи Пиренейских вершин,
Недолго пришедшим под знаком Анконы
Все судьбы и моря и суши вершить.

Чей труп возле дома злых птиц беспокоит?
На золото можно сухарь променять.
Ведь бушель пшеницы так дорого стоит,
Что люди друг друга готовы пожрать.

Свет молний в Бургундии будет зловещим,*
Точь в точь раскаленные копья в аду,
Сакристы в сенате коварством заблещут,
Раз тайные цели врагу отдадут.

Пожар озаряет свистящие стрелы
И черные чаны с кипящей смолой,
Противники стены разрушить успели,
Предателей скрыл тайный ход под землей.

Нептун выпьет кровью наполненный кубок,
И Галл с пуникийцем уходят ко дну.
Меч в ножнах, но мир острова не полюбят,
Мечта о пространстве не может уснуть.

Муж чернородый умеет сражаться,
Презрев величайшую ярость и гнев,

* Существует легенда, что на этот катрен повлияла одна увиденная Нострадамусом работа Иеронимуса Босха.

И Генрих Великий способен сражаться,
Спасенных из плена в Селине приграв.*

Большой человек оказался плененным.
Покой лечит раны и тел и души,
Но он не из тех, кто навек побежденный,
Спасти от врагов он серьезно решит.**

Волной бьет преемника Девкалиона
И город с небес поливало огнем,
А Либру не тянет к ее Фазтону,
И флот африканцев сардинец клянет.

Голодные рыщут у логова волка
И думают зверя живьем захватить.
Здесь старший пред крайним проявит сноровку
И властных в толпе бесполезно учить.

Юра и Суабия — в сильных туманах.
Посеявший битвы увечья пожнет.
Руинное время из мглы не воспрянет,
И рана солдата, поверь, заживет.

Но целых полгода и девять дней горших
Дожди позабыли об этих полях.
В Кампаньи, в Сиене и в Остии ропщут,
В Далмации чуждый язык не зачах.

Живой арбалет мечет молнии с неба,
И кровь с лигурийской смешалась водой,
Цени независимость, где бы ты не был,
Лион над орлом вознесен был судьбой.

* Катрен, выявляющий в Нострадамусе проницательного и дальновидного человека. Этот катрен как бы подводит итог битве при Лепанто, которая, как известно, произошла пять лет спустя после смерти Нострадамуса. Муж чернобородый — это Иоганн Австрийский.

** Существует точка зрения, что именно этот катрен «Центурий» вдохновил Ронсара на стихотворение «После бедствия под Сент-Квентином». Большой человек, о котором идет речь, знаменитый Энн Монморанси, в свое время представивший Нострадамуса Генриху Второму и Екатерине Медичи.

Давно Адриатику штормом шатает,
Здесь в щепы разбиты большие суда,
Египет горячка земли ожидает,
И горем пропахла морская вода.

Честь викингов смешана с кровью немецкой,
И он занимал позолоченный трон,
И рабство и воды знакомятся с дерзким,
Он знатною женщиной не укрощен.*

Весь округ в плену у золы и развалин.
Седьмому и пятому горестно жить,
А третий надежды в мечи переплавит,
И армиям ближе не Экс, а Париж.

Богатства и земли своим обещая,
Увяз этот демон по горло в крови,
Два сильных великий союз заключают,
Желая вампира совсем затравить.

Разбитая Венгрия жизнь переменит,
Законы Востока разлуку сулят.
Кастор и Поллукс! Во вражде ваши тени!
И выпьет столица страдальческий яд.

Под утро быть солнцу бледнее пожаров
И к северу тянутся грохот и дым,
Что голоду меч, наносящий удары,
И плач материнский столетьям не смыть.

Расплавленным золотом светитстя небо,
Чудесный огонь стал убийцей людей,
В открытиях есть зло без духовного хлеба,
Изгнанье и смерть появились везде.

От Тибра до Либии веет грозую,
Бьет пламя из замка и окон дворца,

* Трудно точно указать, кого именно подразумевал Нострадамус в этом катрене. Не исключена возможность, что это — король Густав Адольф.

ЦЕНТУРИЯ III

Уже не бушуют морские сраженья,
Великий Нептун отдыхает вглуби,
И красный бледнет, боясь пораженья,
Но сам угрожает врага погубить.

Философ! Ищи золотой самородок
В мистических соках души и небес!
Дух — воздух материи всякого рода,
И Бог в частых звездах для знаний воскрес.*

Шатает дно Азии землетрясеньем,
Люб Марсу с Меркурием блеск серебра.
В Коринфе, в Эфесе заметны волненья,
И засуха Югу не хочет добра.

Оракул далек от иллюзий и страха,
Погоня за золотом не знает границ,
Созвездья грозят нам руинами, засухой, прахом,
И колокол слова так скорбно звенит.

Быть бедствию между апрелем и мартом,
Затмению солнца и рыжей луны.
Двум слабым и щедрому голод смешает все карты.
Земля слышит звук милосердной струны.

Расколоты молнией старые храмы,
Страдалец-народ устремился туда.
Ослы, кони, люди и древняя память
Защиты от голода ищут всегда.

* Это — катрен, излагающий воззрения Нострадамуса на взаимодействие Веры и Науки. Вера без знания неполноценна, а знание без веры односторонне.

Садится звезда на копьё боевое,
Грай воронов слился со звоном мечей,
К стене бунтари понеслись волною,
И плачем погашен свет новых лучей.

Уэльс звал соседей к большому союзу,
Чтоб вместе Испанию силы лишить,
Французская Лига да будет ей грузом,
Который мешает свободу души.

Чужие хотят завладеть океаном,
Поддержат Бордо и Рашель и Руан.
Британцы, бретонцы, бельгийцы наносят им раны,
Их флот у враждебных им градов и стран.

Грабеж и разбой кровавою бурей
Семь раз по всему побережью пройдут.
Монако живет под невольницей хмурию,
Вождь самоубийством закончил маршрут.

Над городом будут воздушные битвы,
И в центре деревья срывает с корней.
В Венеции ждут короля для молитвы,
Нужни ли гондолы для царства теней?

Затоптаны земли у озера Леман,
И сильно разлились По, Тибр, Хебрус,
Плоты и погибших считал водяной ли демон?
Двух взятых правителей встретила грусть.

В темнице один пожирает другого.
Бьет молния в город, дворцы на куски разорвав,
Суда под водою грозят осьминогам,
В ковчеге золотой и серебряный сплав.*

* Многочисленных критиков Нострадамуса, с XVI века и по наши дни, можно разделить на три группы: на апологетов, скептиков и нейтралистов. Но и для тех и других и третьих данный катрен — один из наиболее «безумных» катренов всех «Центурий».

Критики XVI-XVIII веков считали, что это необыкновенно смелое,

О, Франция! Где твоя прежняя слава?
Слабеют потомки великих отцов.
Честь, труд и богатство нам дети отравят,
Но верьте в того, кто спасет им лицо!

Я знаю, как встретит военную славу
Неистовый регент на белом коне,
Но только не он будет Францией править,
А души погибших в мятежной войне.

Зов сердца сильнее удачи и власти,
Принц Англии в двух поединках бывал.
Один для него обернулся несчастьем,
Любимый сын матери сам горевал.

Ночь любит костер на хребте Авентайна.
Фламандцам досада клубящийся дым.
Монарх изгоняет племянника тайно,
Но церковь не хочет об этом забыть.

Сперва заструятся молочные ливни,
Потом вспышки молний весь Реймс огрустят.
Кровавые схватки отцов и детей мне противны,
Король короля будет видеть не рад.

В Люкке умирает и принц и правитель,
Так ждите, что будет иной магистрат.
Молочных, но с кровью, дождей берегитесь!
Люкка! Бойся голода, войн и утрат.

может быть, легендарное изображение урагана. Он был настолько могущественным, что вывырнул с морского дна на берег корабли затопленного флота, которые были потом капитально отремонтированы, снова спущены на воду и введены в строй (в такого рода легендах, кстати, может быть фантастическим образом замечательное отражение действительности).

Критики XIX-XX столетий находят, что в этом катрене еще раз идет речь о подводных лодках наших времен (подводные лодки упоминались Нострадамусом ранее).

Наконец, скептики находят, что один Бог знает (да и знает ли?), что подразумевал Нострадамус в данном катрене.

Бьет Восток королевство Гренаду.
Не струится, а кровью исходит Бетиз.*
Магометовым людям воспрячь духом надо.
Ну, предатель с Кордовы, хватай же свой приз!

Была в Адриатике найдена рыба.
Ее голова, как у многих людей.
У всех корабельщиков волосы дыбом,
И нет петуха на просторах морей.

Шесть дней этот город выдерживал штурмы.
Война беспощадна с обеих сторон.
Здесь три заключенных, усталых и хмурых,
Бросают мечи и сдаются в полон.

Зайдет ли Француз в Лигурийское море?
Увидит ли пальмы его островов?
Народ Магомета ждут голод и горе:
Араб гложет кости коней и ослов.

Настанут эпохи великих волнений,
Народ и довольство сгорят в мятежах.
Не сбился ль с пути возродивший нас гений?
Я — друг твой, о, Франция! Мне ли тебе угрожать?

Он будет владеть королевством Наварра.
Неаполь с Сицилией вместе пойдет.
Фойкс сдержит Бигорру и Ландес недаром,
Один слишком сильно к Испании льнет.

Не думайте про короля или принца,
Что он одновременно идол и Бог,
Пусть рок воскрешает гонимых провидцев,
Что трубят в украшенный жемчугом рог.*

На эти сокровища не наглядеться,
Но принц Либианы к богатству привык.

* Гвадалквивир.

* Катрен, в котором еще раз сказалась убежденность Нострадамуса в неизбежности крушения монархических режимов.

Французу не ясно арабское сердце,
Но будет понятен арабский язык.

Красивая женщина станет у власти,
На долгие годы пленив короля,
Народное благо не жертвуют страсти,
И худших времен не видала земля.*

Быть дерзостным битвам на море и суше!
Погибнет в боях поколение отцов,
В открытиях науки погибшие души,
Куют для реванша оружие сынов.

Дерзкий гений боев и турниров
Тот, который и хитростью брал,
Сдал судьбу шестерым командирам,
Взят в постели среди одеял.**

Две армии трижды сшибутся в сраженьи:
В Мединской, в Арабской, в Армянской земле.
Народ Сулеймана стал гибнуть в мученьях,
И берег Аракса о славе скорбел.

Могилы найдут Аквитанские люди
В сожженных раздольях Тосканских земель,
Марс в угол немецкий заглядывать будет,
И скорбно звенит мантуанская трель.

Как чудо, такой переход через Альпы.
Большой полководец обставил врага,
Замолкли вдали орудийные залпы.
Солдат не страшат голубые снега.

Не полдень ли время явления зверя?
Затмение солнца пророк предсказал.

* Многие комментаторы Нострадамуса связывают этот катрен с именами Людовика XV и мадам Дю Барри. И он и она подготовили благоприятную почву для французской революции.

** Намек на арест и судьбу графа Монтгомери, смертельно ранившего Генриха Второго на турнире.

А ранее в голод никто не поверил,
Надежных запасов никто не создал.

Покинули многие Запад Европы,
Где вождь будет родом из низких людей.
Одним — все соблазны, другим — плеть и ропот,
Так учит он жизнью и миром владеть.

Будь проклят, жестокий и злобный еретик,
Хотевший народ и закон изменить.
Сгорит его власть. Кто за злобу в ответе?
Людей, им убитых, нельзя воскресить.*

Снаряды разрушат старинные стены,
И кровь будет смешана с ярим огнем,
Молись, осажденный, боящийся плена,
Был коршун заклеван свирепым орлом.

Мечом разрубается сбор винограда.
Француз и союзник — у горных вершин,
Победы иль смерти добиться им надо...
Что сговор правителей нам предрешит?

В три месяца думали семеро дерзких
Совсем Аппенинские Альпы занять,
Но бури и трусость того генуэзца
Ослабили злую и хмурую рать.

Война, точно бой гладиаторов в цирке,
Кровь смочит песок и теперь, как тогда.
Кого тянет в сети кровавый и прыткий?
Чья гибель коварством и злобой горда?

Сверхметким снарядом летящему змею
Был в воздухе вышиблен огненный глаз.
Измена в совете правителя зреет,
И будет невыполнен строгий приказ.**

* В этом, как и в предыдущем, катрене апологеты Нострадамуса усматривают предвидение автором «Центурий» судьбы Гитлера.

** Очевидно, это предвидение зенитных орудий.

Двузубый младенец родится к несчастью.
В Тоскании каменный падает дождь,
Ячмень и пшеницу повалит ненастьем,
В бесхлебные годы жизнь станет невмочь.

Они — родом с Тара, Гаронны и Лота —
Пробьются к врагу с Аппенинских хребтов.
Могилам близ Рима с Анконой нет счета,
И черный в трофей обернуться готов.

Ей больно за нас, а совсем не от молний.
Грозе ненавистен страдальческий лик.
Глядит Богоматерь на нас, будто мы в преисподней,
Паря над землею, похожей на стон и на крик.

В храм божий прокралися пять святотатцев
И кровь пролилась на церковном полу,
Кому над законом пришлось измываться?
И право в Тулузе бесчестьем зальют.

Спроси у покрытого звездами неба
Про город, который построил Планкус.*
Ни злого, ни доброго больше не требуй,
У судеб порою меняется вкус.

И бури эпохи срывают знамена,
Но ждет возрождения бывший монарх.
Надежды его на Восток несогбенный,
И вот в Митилены погнал его страх.

Убить половину! Другие зачахнут.
Семь тысяч несчастных томятся в плену.
Крепитесь, огарки! Надеждой запахло.
Как жаль, что пятнадцать в могилу сойдут.

Всю Францию ждут перемены крутые,
Событья летят на бунтарских конях.
Мятеж учреждает законы иные,
В Париже, в Руане господствует страх.

* Это Лион.

Республика держит кровавое знамя,
Как праздник встречая уход короля,
Но только погаснет мятежное пламя,
И смерть эшафотов увидит земля.

Блуа не желает кровавой дороги,
Париж станет центром великих убийств,
В Ажане, Труа и Лангезах угрюмо жить многим,
Зато Орлеан ценит прежнюю жизнь.

Есть страны, где рожь от дождей пропадает,
В Апулии ж засуха губит хлеба,
Орлиную слабость петух замечает,
И льва изнуряет больная борьба.

Так! Аугсбург, Нюрнберг взяты врагами,
А их подчинит себе вождь Агриппин,
Во Фландрии реет военное знамя,
Во Францию сильный противник спешит.

Испания!... Годы великой разрухи,
А после — порядок и твердая власть...
Две армии бьются и служат враждующим духам,
И беженцы в пропасть бояться упасть.*

Король одноглазый теперь опечален:
Великий с Блуа его друга убил.
Законы страны и двора горевали:
Всю Францию надвое гнев разделил.

Я вижу, как рушатся стены в Лионе,
Как бурей сносит в Париже мосты...
Ведь большую часть шестисот семи дюжин хоронят,
Дождь с градом сечет на дорогах кусты.

Семь раз изменяла вся Англия облик.
Почти триста лет кровь струилась рекой.

* Испанские комментаторы Нострадамуса усматривают в этом катрене предвидение гражданской войны в Испании и предвидение победы генерала Франко.

Германия с Францией ждали здесь долго,
Страна над раздвоенной звездной судьбой.*

В Норильских горах был родной ему воздух.
Величие дел его смели забыть.
Большой человек в мир пришел слишком поздно,
Но Венгрию с Польшей успел защитить.

Мне страшен неведомый третий правитель
Загадочной, варварской, снежной страны,
Его же соратники им же убиты,
И старость его только ад охранит.**

Из Азии вырвутся демоны злобы,
Памфилию с Лидией ждет крутоверть.
Здесь темный конец может многих угробить
И кровь пропитает и небо и твердь.

Великое братство с крестом христианским
Близ бурной реки тихий свет разнесет,
Из Мессопотамии шло постоянство,
Которое враг и предатель взорвет.

Рука коротка, но язык его остер и длинен,
И он в Каркассоне опору найдет.
С бурливой Дуро, с Киринейского моря он виден,
И он до вершин Пиренейских дойдет.

Могущество Рима в куски разлетится.
Великий сосед разделяет судьбу.
Сомнительный гений в шута обратится.
Вчерашних союзников гонят и бьют.***

Шах Персии будет с коммерческим флотом.
Судам боевым — оттеснять мусульман!

* Когда Арни раздвигаются в Бастароманском небесном поле.

** Многие комментаторы Нострадамуса склонны думать, что в этом катрене изображен Сталин.

*** Некоторые апологеты Нострадамуса уверены, что это крушение и Гитлера и Муссолини.

В Цикладах грабеж, будут в Лидии их аванпосты,
Им отдых в порту ионическом дан.

Дождались выборов нового папы,
Но рано достойный погиб кандидат,
Из древней гробницы вампинова лапы
Послали внезапно подсыпанный яд.

Погибнет великий Бейлиф Орлеана,
Замучен он мстящей, коварной рукой,
Ему ноги, руки связали обманом
И пыткой отправили в вечный покой.

Взойдет деспотизм философии новой,
Предтеча германской атаки на мир,
Крамольные мысли и смелое слово
Фанатики гнева хотят усмирить.*

Заброшены в Крым италийские части,
Испанцы зачем-то пробрались туда,
Кто глупо растравит чужое несчастье,
Сам гибнет во вражеских гневных водах.

Пойдет далеко молодой полководец,
Но пленом закончится слава его,
А полукабан старика в миротворцы проводит:
Шалон и Мансон слепо дружат с врагом.

Великобритания (значит и Англия) будут
Страдать от разлива взъярившихся вод,
Ее Итальянская лига осудит
И снова поднимет народ на народ.

Те островитяне спаслись от осады,
Дав резкий отпор удалому врагу.
Те, кто голодал, будут искренне рады
Ограбить врагов, что в смятении бегут.

* Русские комментаторы Нострадамуса убеждены, что в этом катрене автор «Центурий» предвидел Маркса и марксизм.

Лежит в одинокой могиле правитель
И берег реки стережет его прах...
За золото титул другому купите:
Плебей держит знать в драгоценных тисках.

На горе всем тем, кто не с ним и не сними,
Хромец дотянулся до важных постов,
Позор для страны это громкое имя,
Зверей не смягчить христианским крестом.*

Неаполь, Флоренция, Фаенца с Имолой
Натерпятся горя от их неудач.
И был недоволен несчастный из Мола,
Дразнивший начальство, терпи и не плачь!

Верона, Винченца и вся Сарагосса —
В крови, что стекает с преступных мечей.
Злодеев, бандитов к ответу не просят...
Как долго нам ждать благодатных лучей

Откажется немец от веры христовой,
К языческим жизнь повернет временам,
Душа его будет в темнице суровой,
И он за жестокость поплатится сам.

Конец октября двадцать пятого года,
И век двадцать первый с тягчайшей войной,
Крушители веры своих устыдятся народов,
Шах Персии смят египтянской враждой.**

* Есть мнение, что хромец — это Геббельс, появление которого на исторической сцене Нострадамус предвидел. Скептики такое предположение высмеивают.

** Русские апологеты Нострадамуса находят, что это — самый важный для исторических судеб России катрен всех «Центурий». Исходя из данных астрологической математики, эти апологеты утверждают что 2025 год — последний год, когда в Советском Союзе будут праздновать годовщину октябрьской революции. Статуи Ленина будут сбрасываться с пьедесталов разъяренной и отчаявшейся толпой. Толпа остается толпой, и никакими космическими достижениями и уровнем образования ее не усмирить. Дело в том, что

В темнице томятся матросы с Востока,
Их взяли шесть немцев с шотландским вождем,
С Калькре до Испании топчет их роком
Рабов, как подарка, шах Персии ждет.

Весь город охвачен тревогой и страхом,
Жалея напрасно разрушенный мост,
Маньяк, политическим поднятый крахом,
Занял генеральский, ответственный пост.

Стрекозы командуют бурей и ветром,
Железная буря — в груди у стрекоз,
Эрвин и Антибы войною отпеты,
Кто жизнь защитит от смертей и угроз?

Фатальны и тягостны судьбы Фоцена,
И выполнен будет суровый приказ,
Весь порт, точно волнами с гневною пеной
Был залит врагом, что всем спуску не даст.

тогда, по мнению русских апологетов Нострадамуса, Советский Союз будет втянут в постоянную войну, — постоянную потому, что компартия поддерживала и укрепляла врагов России, а в войне 2025 года Китай объединится с арабским миром для войны против нее, причем Персия примкнет к Советскому Союзу, а не к его противникам.

Далее, русские апологеты Нострадамуса находят, что период времени с 1990 по 2025 годы будет периодом массового подрыва революционного престижа. Разбитая войной 2025 года Россия станет родиной религиозного возрождения христианского мира.

Можно ли этому верить? Абсолютно точный ответ на это могут дать только будущие судьбы русской истории. Если кто-либо из русских обратится к данному комментарию в этой книге в 2025 году, он сможет проверить, насколько правы апологеты Нострадамуса.

Что же касается скептиков, то они называют такие предположения бредом, гнилой фантазией, недостойной образованного человека.

Нейтраллисты доказывают, что речь в этом катрене идет не о мировой войне в 2025 году, а лишь о войне между Персией и Египтом, а также о пилатовском отношении Советского Союза к этой войне.

Нельзя забывать, что исторические процессы определяются и направляются борьбой случайностей и закономерностей. И в данном случае не исключен неожиданный крутой поворот событий от традиционного к благоденственному.

Его англичане отвергли с позором,
Гнев сжег бредовые советы его,
Партнеры непрочно стали опорой,
И выродок так и остался врагом.

Агент с Аквитании брошен в темницу,
Кельт длинноволосый его разглядел,
Какие же силы теперь под запретом?
И кто напряженность создать захотел?

Я вижу руинный, заброшенный город,
Он вымер, и жителей нет у него,
Бежали блудницы, убийцы и воры,
И мертвые пушки не ждут никого.

Был город захвачен коварством, обманом...
Разгул Раубинов вблизи от Ланде.
Предатель — юнец не пирует в их стане —
Убит он; друзья его гибнут везде.

Вожак, из Осона, в Испанию хочет,
Но путь его прерван в Марсельском порту,
Тоска перед смертью смежит его очи,
Предвидя грядущее чудо в цвету.

С Сардинии в Корсику флот не прибудет,
Обидно за Францию в этой стране,
Ведь, веря ей, гибнут и мучатся люди,
А берег так ревностно ждал кораблей.

Огромную армию жди с Барселоны,
И вот уже страхом ореян Марсель,
И страх острова очень сильно затронет,
Предатель плывет, чтобы скрыть свою цель.

Отрезана помощь с Эгейского моря,
Убит был старик, что хотел воевать.
Король с королевой в соблазне и горе:
И Кипр не может с врагом совладать.

Был пойман Сатир или Тигр Хиркании,
Везет адмирал драгоценный трофей.
Карманья уже за кормой; флот был в синей стихии,
К Фоцену неслись паруса кораблей.

Засохшее черное голое древо
За ночь возродилось, листвою шелестя.
Пусть честную мысль гонят местью и гневом!...
Ведь ею, как солнцем, всю жизнь осветят.

Последний период всю землю задушит,
Сатурну нас поздно спасать от обид.
В империи множатся черные души,
И вырвет Нарбонн ее глаз из орбит.

Правителю надобно быть в Авиньоне,
Когда опустеет от распрей Париж,
И гнев каннибальский Триканцев не тронет,
На смуты Лион променял гладь и тишь.

Да, скоро появится гений на свете,
Что станет орнаментом новых времен,
Искусство и мысль всех последних столетий
Еще не видали столь мощных знамен.*

Есть сила в учении и вымыслах Мора,
Ее сквозь века понесет Борисфен.**
Здесь бурей ломает гнилые опоры,
И шторм стал стихией иных атмосфер.***

* Когда Нострадамус умер, Шекспиру было всего навсего три года. Сомнительно, однако, чтобы Нострадамус в отношении к Шекспиру как конкретной личности сыграл роль, равноценную роли волхвов, поклонившихся младенцу — Христу. Во всяком случае, такое толкование этого катрена представляется мне необидительным и наивным. Но бесспорно, что тонкий ценитель театра Нострадамус предвидел, что конец XVI — начало XVII веков станут периодом возрождения драматического искусства. Предвидел он и появление нового гения сцены, каким — видимо, без ведома Нострадамуса — и оказался Шекспир. Тем не менее, пророческое значение этого катрена оспариванию, как мне кажется, не подлежит.

** Борисфен — древнее название Днепра.

*** Эдгар Леони прав, когда находит, что это едва ли не самый значительный из всех катренов «Центурий». Утопический социализм

Фосанца нашли с перерезанным горлом,
И гончие псы верят в черный успех,
У скал Тартианских дыхание сперло
Февраль! День тринадцатый знал этот грех.

Империя варваров встретит крушенье
Скорее, чем Феб совершит оборот,
И Сирия встретится с преображеньем,
Раз новый расцвет в Палестину придет.*

Один на другого поднялись два брата,
И вспыхнет война не на жизнь, а на смерть,
Любая победа умножит утраты,
И пролитой крови векам не стереть.

Две армии сшиблись в свирепом сраженьи
И топчут медовое поле бои.
Вершины Дюранса всей Месопотамии внемлют,
Раз Франция ведает цели свои.

Во Франции будут террор и насилие,
Завистник падет, пораженный стрелой.
Не казнь ль короля дает нам новые крылья?
Кто ж — друг или враг — нас прославит войной?

Томаса Мора, породив многих последователей, до Маркса включительно, в будущих столетиях проникнет в славянский мир, точнее в Россию, откуда он захочет командовать миром и перестраивать всю жизнь на земле. Предсказывая утопическому социализму великое будущее, Нострадамус оказался провидцем и в геополитическом смысле.

* Некоторые видят в этом катрене предсказание основания Израиля. Но это совпадает и с возрождением арабских государств, окружающих Израиль.

ЦЕНТУРИЯ IV

Здесь жалкий остаток непролитой крови,
Венеция слабнет теперь для борьбы,
Но к битвам, союзники, будьте готовы
И слушайте первые зовы трубы.

Флот двинулся к морю, войска — к Пиринеям,
И Франция яростно ринется в бой,
Став беженкой, знатная дама мрачнеет
Испания борется с горькой судьбой.

Гасконцы готовят мечи для отпора,
Льют бронзу людскую Аррас и Буржес.
Испанская кровь брызнет в Рону с позором,
И Горный Сагунтис не виден с небес.

Принц немощный был возмущен и рассержен:
Петух с Либикией разграбят страну,
Рои парусов устроят побережье,
Но им итальянцы свой брег не сдадут.

В церквах славят мир под Божественным словом,
Испания с Францией дружно живут,
Но крест истекает солдатскою кровью,
Сердца новых битв с замиранием ждут.

Эпоха наденет нам новое платье:
Стал век революции веком машин!
В тени эшафота все люди есть братья,
Обман на процессах нас будет страшить.

Да, трон недоступен стал юному принцу:
Проказой изъедено тело его.
Мать чахнет от горя, совсем не боясь заразиться,
И властвовать будет здоровый, другой.

Град был опрокинут внезапной атакой,
Противник успел часовых перебить,
Разбиты врата Сент-Квентина во мраке...
Когда же убитых начнут хоронить?

Так! Лук и в толпе отыскал воеводу,
Стрела между ребер коварно впилась,
Льет слезы Женева, почуяв невзгоду,
Лозанна с ней подло и зло обошлась.

Страдать без вины горько юному принцу,
Он жертва интриги и яростных ссор,
Вождь гибнет, восстание может продлиться,
Раз троны сжигает мятежный костер.

У них вместо почвы парчевая скатерть.
Двенадцать, все в красном, сидят у стола.
Знай, грязью и кровью покроется паперть;
Преступны творимые ими дела!

Весь лагерь сперва разнесли по приказу,
Погнались потом за бежавшим врагом,
Недолго удержится взявший нас сразу:
Французу не быть под чужим сапогом!*

Правитель уйдет из совей же фаланги,
И все поразятся, услышав приказ,
Мятеж поднимается с левого фланга
И снова утраты обрушит на нас.

Внезапно скончается крупный правитель,
Весь мир поразивший размахом реформ,
Но будет преступным его заменитель,
Неистовый враг всех традиций и норм.

* Катрен, имевший исключительный успех среди участников французского резистанса во вторую мировую войну. Участники движения, ссылаясь на Нострадамуса, утверждали, что крушение нацистской оккупации неизбежно: оно станет исторической закономерностью.

Таких не погубишь голодным измором,
Глупец, кто хотел затопить их в воде,
Страной отвоевана суша у моря,
Пшеница и масло красуются здесь.*

Быть вольному городу в рабстве и горе!
Мечтатель чужбинных поймет беглецов.**
Пусть царь с ремеслом не желает быть в ссоре,
Так трудно потомкам забыть про отцов!

Салон, Бин и Нус омрачат перемены,
А герцог налоги жестоко взвинтил,
Хвост рыбы железной был в злости и пене,
И дверь внутрь рыбы купец смастерил.***

Наука и мысль нам дарованы Богом,
Но будут объявлены тяжким грехом,
Фанатик и деспот духовно убоги,
Раз гении заживо вспыхнут костром.

Руан под осадой Италии будет,
От гула дрожат и земля и вода,
Грабителей с Кента и Льежа не судят,
Рыбак с побережья вторженцам не рад.

Так вышло, что очень недолго гордился
Покоем и миром благой Флэр де Лиз,****
Надежды за плот не могли ухватиться,
И трупы на вязкое дно улеглись.

* Это апология Голландии. Нострадамус отдает должное не только их трудолюбию, но и их мужеству.

** «Чужбинный беглец» в древней Руси — то же, что политический эмигрант в наши дни. Мне кажется, что следует согласиться с теми русскими комментаторами Нострадамуса, которые полагают, что в этом катрене отражена судьба древнего Новгорода. Как известно, вольный город Новгород был покорен московским царем Иваном Третьим. Иван Грозный подавил попытки новгородцев воскресить дух вольности, который воспламенил и продолжает воспламенять воображение поэтов.

*** В этом странном катрене Нострадамус предвидел подводные лодки будущего.

**** Королевские лилии, символ монархии.

Предвижу во всем перемены крутые,
Деревня и град вместо воли — в цепях.
В изгнании ценивший иные святыни,
Народы и страны низринуты в страх.

Пресечь собираясь гражданскую битву,
Монарх сбросил с плеч свой оборванный плащ,
Был жалок сменивший мечи на молитву,
Смещен мятежами был раб неудач.

Во флоте появится страшная сила:
В гремучую смесь входят сера, смола...
Селинцев огнем и удушьем косило,
И враг станет жертвою грозного зла.

Бунтарь раскидает сокровища в храме,
Глаголом Мадонн говорят подлецы,
Святых убивает бесовское пламя,
Но их человечность не сгубят льстецы.

Мы звезды откроем оптическим глазом,
Невидимый мир воссияет во мгле,
Нас Бог вдохновит сокровенным указом,
Космический путь приближая к земле.

Никто не узнает, откуда опасность,
Нас жалят рои разъярившихся пчел,
Измена пяти языков не напрасна,
И преданный город к паденью пришел.

Античному храму сродни пирамиды,
Руина* даст датскому принцу совет:
«Меняйте, как выкуп за храм Артемиды,
Названье богов на названья планет».

Мне нравится звездная статуя Венус,
Сквозь мрамор классический солнце течет,

* Нострадамус вспоминает виденные им развалины древнеримских храмов и шести триумфальных арок в Салоне, Мансоне и Тарасконе.

Меркурий огонь в ней откроет наверно,
А слух о войне все растет и растет.

Пусть Солнце затмить пожелает Меркурий,
Свой горн водружая на небе втором,
Вулкану Гермес фимиамы воскурит,
Чтоб вспыхнуло солнце златистым огнем.

Одиннадцать раз был без солнца наш месяц,
Алхимик секреты не всем раздает,
Искомое золото так мало весит,
Раз жизнь на чаши лишь скорби кладет.

Высокие горы ждут новой Софии:
Прекрасен ее пронизательный мозг!
Она — вся в огне, укрощая стихии,
Ей больно, что мир до любви недорос.

Звериное славит вождей и народы,
С ним станет сражаться церковный закон,
Столетия пройдут сквозь террор и невзгоды,
Раз был утопизмом закон искажен.*

Юпитер был ближе к сияющей Венус,
Чем к мертвенно-бледному шару Луны,
Нептун гонит Венус к подводному плену,
Марс ценит знамена внезапной войны.

* Катрен, вызвавший самые ожесточенные споры. Видимо, и здесь проявились антиутопические мотивы в творчестве Нострадамуса. Нострадамус предвидел, что из «Утопии» Томаса Мора вырастут те иллюзионистские учения об общественном идеале, которые, создав миф о грядущем рае на земле, будут теснить веру и церковь. Нострадамус, с его острым, пронизательным и смелым умом, чувствовал и слабые и сильные стороны «Утопии» Томаса Мора. И Нострадамус предвидел, к каким катастрофическим и трагедийным последствиям могут привести учения об общественном идеале, если они будут применяться на практике в грядущих столетиях. Социализм, развивающийся в направлении от утопии к деспотии, а не от утопии к науке — как утверждали Маркс и Энгельс превратит двадцатый век в новое средневековье.

Стал пленным и в цепи златые закован
Большой человек из далекой страны,
Правителю Генриху был он дарован,
Милан под ярмом безуспешной войны.

В Этрурии, в Корсике — ночь с перерезанным горлом.
Огонь прекратился, но в копоти лики мадонн.
Всему королевству дыхание сперло,
И грозен был шелест враждебных знамен.

Французы! Игра начинается снова!
Победа в Пьемонте, и к новым боям!
Романья с Испанией к страху готовы.
Правитель, молись грозным облакам!

Не страшны французам высокие горы,
С вершин Савоярда солдатская лава течет,
У армии высшая точка опоры,
И флот генуэзцев назад уплывет.

Томится в темнице великий царьградец,
Король с королевой забыли о нем,
Несмытая кровь на доспехах, не глянец,
Один умирят другого мечом.

Арабские силы, я знаю, ослабнут,
И это в Испанию волю вдохнет.
К кому же родосцев события притянут?
Брезгливый преемник ведь к ним не идет.

Орудия с грохотом рушатся в яму,
Осаду не снять в укрепленных местах,
Сакристы оставили жалкую память
И ценность их мессы рассыпется в прах.

Блудница по лагерю рыскает зорко.
Начальник желает от пленной утех.
Надуть его будет не так уже горько,
Ей жаль, что из плена не вызволишь всех.

Да, золото фунтов на тридцать потянет,
Суссет и Лозанну за них предадут.
Шартрезцы Женеву пленят в Монтлемаре,
Гренобльцы и Дольцы за ними пойдут.

Где ж воздух оглохнет от гула орудий,
И кровью замараны ризы святых?
За веру убийством наказывать будут,
И войны шатают любовь и кресты*

Во всех городах будет злая неделя:
В Кагор, в Лимож, в Кастрес лишенье придет.
Что ж! Мытарь с Бордо преуспел в своем деле,
Раз звон колокольный обжег Перигорт.

С его пораженьем гибнет эпоха:
Большой полководец себя потерял.
Не павшим, а спасшимся жить станет плохо,
Один непогибший про всех рассказал.**

Скорее и лучше готовьтесь к защите,
Чтоб Тарс не был скопищем жалких руин!
Туманами Лондон и Нант укройте!
Погода — защитник жестких годин.

Он всех устрашал своим яростным видом,
И мраморных статуй касался плечом.
За ноги повешенный вождь на судьбу был в обиде,
Такой не заслужит посмертный почет.***

* Французские комментаторы Нострадамуса усматривают в этом катрене предвидение религиозных войн во Франции. Русские же комментаторы Нострадамуса склонны видеть в этом катрене предчувствие понений на религию и церковь в Советском Союзе.

** Есть комментаторы, которые полагают, что в этом катрене говорится о закате Наполеона. Его поражение не было гибелью его славы.

*** Среди итальянских комментаторов Центурий находятся такие, которые уверены, что в этом четверостишии Нострадамус предсказал судьбу Муссолини.

И вот над Бордо уж все небо затмили
Армады железных шмелей и стрекоз,
И крыши над городом Богу молились:
Так низко летят эти вестники гроз.

Казнен пред толпой человек и провидец,
Распяты кострам могут боль сообщать,
Но мученик Духом Святым был увиден,
Чтоб мысль и любовь всей земле передать.*

Никак азиатские силы не сгинут,
Раз семь иерархов имеют успех,
Владыка земли и небес крест не скинет,
И править Испанией Либре не грех.

В тот день, как баталия будет у Ганга,
Сам Раджа отважно пойдет на врага,
Не дав передышки своей же фаланге,
Которую пленом нельзя испугать.

Стал запах лимона отравой и дымом,
А ветер гнал дым на отряды солдат,
Удушье от яда врагу нестерпимо,
И с города будет осада снята.**

* В «Центуриях» много криптографических четверостиший, расшифровывать которые необыкновенно трудно. Этот катрен в русском поэтическом пересказе и представляет опыт расшифровки одной мысли Нострадамуса: от мучений распятого Христа проложена прямая дорога к мучениям ученых и философов, сжигаемых инквизицией на кострах или казнимых иными способами. Только эта дорога проложена не сквозь пространство, а сквозь время, сквозь пустыни и горные хребты грядущих столетий.

Мученики гибнут, передавая толпе частицы своих нестерпимых страданий, и это очищает, облагораживает человечество, заставляя его устыдиться и испугаться зверя в себе самом. Если христианство — религия страждущего Бога, то и наука будущего воздвигнута на крови страждущих гениев.

** В этом катрене есть предвидение газовой атаки (или, быть может, атаки с помощью какого-либо иного химического оружия, использованной для обороны).

Бежавшие ищут путей к избавленью,
Живым барельефом ползут по стене.
Отец и друзья задыхаются в сильном волнении,
Теряет сознание сын, а спасения нет.

Расколоты молнией души и страсти,
Французы под гнетом тягчайших времен.
В Италии, в Англии против нас власти,
Вождя с этой женщиной гонят в полон.

Недаром здесь статуи кровью исходят.
На башне метался кирпичный петух,
Убийство тирана пророка прославит в народе:
Живет в предсказаньях божественный дух.

Солдат-император не знал поражений,
Победы плодят легионы смертей,
Но речь его к армии терпит крушенье:
Язык гибнет в пламени дерзких идей.*

Прозренье ученых под гнетом запретов,
Раз зависть невежд обольстит короля,
Но правдой наложница и королева согреты,
И обе науке цвести повелят.**

Здесь глотки сжигает горячее солнце,
Сын главного кружит над кадкой с водой,
Этрусская кровь по земле разольется,
Плененной же Турция станет судьбой.

За кружку воды отдаем, что угодно!
Ведь всем осажденным так душно в огне.

* Некоторые из французских толкователей Нострадамуса видят в данном четверостишии крушение веры французской армии конца XVIII — начала XIX века в своего бога — Наполеона. Катрен этот был очень популярен среди наполеоновских солдат и офицеров, попавших в свое время в русский плен.

** И этот катрен, подобно многим другим, вызвал большие споры. Кого именно имел в виду Нострадамус, когда говорил о наложнице и королеве? Во всяком случае, и в этом катрене содержится завуалированный протест против церковной цензуры.

Порт близок к паденью, старик чужеродный,
И к Ницце пора бы пойти Генуе.

Да! Семь с малолетства в заложниках ходят,
И третий родного ребенка убьет,
Два сына в бегах и отчаяньи бродят,
Флоренция и Генуя — вот второму оплот.

За то, что его поддержал чужеземец,
Седого правителя сбили с поста.
Отмстит сыновей непокорное племя
Тому, кто пытался Руан предавать.

Взлетит высоко энергичный полковник.
Часть армии слепо поверит в него.
Нет принца теперь под дворцовою кровлей,
Прибежище будет открыто врагом.*

Вся армия кельтов сражалась с Хайландом,
Военная хитрость сломила врага,
Но с гор катит камни мужицкая банда,
И шпагу дубина могла настигать.

Пятнадцать солдат, что в заложники взяты,
Спасут королю и поместья и жизнь.
Везде демагоги словами богаты,
Дела же их склокой и смутой взвились.

Когда дезертиры готовы на подвиг,
То был император на казнь осужден,
Страна содрогнется от яростной нови,
И в крепости много истлевших знамен.

Фонтаны заманчиво искрятся ядом,
Отраву струит лицемерный привет,
Теперь Генуе милосердья не надо,
Семь бритых голов чтят обманчивый свет.

* Есть мнение, что это четверостишие содержит предвидение не-
бывалого взлета Оливера Кромвеля.

Сатурн, как и Марс, накалились недаром,
Раз войны жгут местность секретным огнем,
Искусственный ветер, заправленный жаром,
Сменяется диском с холодным дождем.

К вам так благосклонна планета Венера,
Великий султан с африканским вождем,
А Истр и Рейн в грозовой атмосфере,
И берег мальтийский пиратов клянет.

Заброшен большой окровавленный город,
Раз здесь побывал человеческий зверь.
Аквилия слово дать Парме готова,
И оцепененье настанет везде.

Увидят вблизи Пиренейские горы
Великую армию в схватке с Орлом,
Войне вскроет вены и армии слабость откроет,
Хоть вождь не повален орлиным крылом.

В колодце покоится жертва ошибки:
Убили служанку замест госпожи,
И брошка на платье резвится как рыбка,
Самой госпоже до венца не дожить.

С Ажана, с Лектора придут Артомиксы,*
В Сен-Феликсе служат иной Отче наш,
Несчастья к базанцам в то время проникли,
Кондон и Марсан на подмогу спешат.

Был силою взбешен великий племянник,
И грек малодушное сердце растлил,
А герцог процессом Феррари и Асти поранит,
Так жизнь пантомиму в слезах воскресит.

Германцы и их боевые наймиты
Пойдут на английский военный союз,

* Артомиксы — группа протестантов в Гасконье. Этой группе угрожали религиозные раздоры.

Нашествие будет, я верю, разбито,
Но многие жизни в боях пропадут.

Эпоха его безнадежна для слабых,
Сильнейший и умный победы стяжал.
С ним гвардия многие земли разграбит,
Но в снежной стране победитель пропал.*

Духовную тьму пронесут перигортцы
До Роны, до темных ее берегов,
И проповедь в церкви у нас передается.
Гасконь и Бибера дают ей врагов.

Крест будет служить единению мира.
В Европе король миротворцев умрет.
Властитель Селин рад Италии милой,
Пиратов к порядку закон призовет.**

Здесь ночью беззвездной мечи обнажатся,
Зря в Парме пришельцы бывали сильны,
Ведь семьдесят девять лихих чужестранцев,
Погибнут на фронте гражданской войны.

В Марсане, в Наварре нет хлеба ни корки,
И голод всему угрожает Бордо,
Тогда даже жолудь и винные пробки
Покажутся жителям вкусной едой.

На улице воды реки натравили,
Плач, кровь, лязг мечей с наводнением слились,
Враг город громил жесточайшею силой,
Народ в Колизее! Терпи и молись.

Мгновенно строй лодок становится мостом,
Солдаты на берег иной перешли.

* Одни комментаторы Центурий полагают, что речь идет о Наполеоне, а другие — о Гитлере.

** Тут, думается, речь идет о Папе как вселенском короле католических церквей, а не о короле в светском смысле этого слова, который объединил бы под властью все христианские государства.

Семь сбиты копьем, что отточено остро,
Брюссель от волненья и страха дрожит.

Замучились кони от быстрого бега.
В Олтении замки и села горят.
Хотя их вожак повторяет Олега,
Ему не отстроить разрушенный град.*

Была им проиграна битва ночная,
От сына родного бежал капитан,
Ушли его люди, восстать не решаясь,
И звезды оплачут покинутый стан.

Большой человек погибает в Оксере,
Он скован, и держат его под замком,
Его ж подчиненный стал яростным зверем,
И рок его звездам давно был знаком.

Фальконец мечтал о свободе народа,
Но пленным на черном верблюде сидит.
Он возит навоз для чужих огородов,
И белого черный унизить велит.

Жестокие звезды сойдутся для встречи,
К величью могучий придет властелин,
Убийца безвинных, он безчеловечен,
Рейн с Эксом под гнетом безумных годин.

Что ж, сын короля стал отличным лингвистом,
Но с старшего брата корону не сбил,
Тесть младшего был возмущен и неистов,
А зять его жизнь и мечту погубил.

* Современная Румыния тогда еще не существовала, а были три самостоятельных государства: Молдавия, Валахия и Олтения. Среди русских комментаторов Нострадамуса есть такие, которые высказывают предположение, что на данный катрен повлияли дошедшие до Нострадамуса слухи о глубоком Олтенском рейде Запорожских казаков. Скептики же считают, что такое толкование этого четверостишия слишком фантастично.

Антоний! Какое эффектное имя,
Но это же, в сущности, жалкий позер,
Зачем порт Эслей разъяренной волной опрокинет,
И волны поглотят бескрайний простор.*

Все тридцать уже собираются в Лондон,
И заговор должен сместить короля.
День выборов новой элитой создан,
В низинах вкус крови почует земля.

Двум армиям трудно и тяжело держаться,
В ознобе теперь и Милан и Тицин,
Здесь нету ни хлеба, ни лука, ни мяса,
Защитник кору обдирает с осин.

Обманом его отвели от дуэли,
Не ведали все, кто томится в тюрьме,
Теперь правит сын, раз отца проглядели,
Корабль вдали от намеченных мест.

Полощется труп его траурным флагом,
В петле капитан, но нетленна душа.
Склонитесь антенны волшебною шпагой!
Пусть ветер завоюет во многих ушах!

Змея подползет к королевской постели,
Ночь видела роды, не лаяли псы,
Тебя, новорожденный, небо хотело,
Достигнешь ты славы, величья, красы.

Два брата придут из Испании старой,
Стал старший грозой Пиринейских вершин,
Германцы польются кровавою лавой
Но все же не им судьбы мира вершить.

* Катрен этот многим кажется туманным и неясным, как, впрочем, и многие другие четверостишия Центурий. Есть точка зрения, что данный катрен нельзя понимать буквально, как некий миниатюрный вариант Атлантиды. Речь идет о царстве, потрясенном социальными потрясениями и катастрофами. Некоторые комментаторы Нострадамуса думают, что Антоний — это отец Генриха Наваррского.

Правление двух будет очень коротким:
Лишь год и семь месяцев длился покой;
Стрела Армоника младым завоевана волком,
Правители слышат разбойничий вой.

Сестра у Великой Британии будет,
Рождения брата ей ждать до пятнадцать лет.
Их путь хоть и славең, но горек и труден,
Реформы в кровавый наряжены цвет.*

Крепит Португалию умный правитель,
Надолго он мир обеспечит стране,
Он прежних традиций упорный хранитель,
Такой не подпустит народ свой к войне.**

Лангез покрывался волной полушлемов.
Албанцы проходят сквозь вянувший Рим,
Кровь, горе, огонь здесь пока что нетленны,
И вдовий маркизу не слышится крик.

Настанет эпоха невиданных молний,
Их сын королевы в сраженьях добыл,
Во Фландрии рвутся последние корни,
И вот у Испании нет больше сил.

Дворец короля — точно треснувший Факел,
Ведь с неба летит смертоносный огонь!
Семь месяцев длятся сраженья и драки,
Руан и Эрекс под судьбой горевой.

* Поразительное совпадение: Соединенные Штаты возникли в 1776 году, а через 15 лет, в 1791 году, стала республикой и Франция, возникновения обеих республик, действительно, в кровавый наряжены цвет.

** Есть комментаторы, которые усматривают в этом катрене предвидение Нострадамусом многолетнего правления Салезара.

ЦЕНТУРИЯ V

Те двое встречались и спорили в церкви
(А кельтское завтра в руинах лежит),
С кинжалом в груди всадник, гибнущий зверски,
Его схоронили без шума, в тиши.

Их семь против трех, покидающих судно
(На пире доспехи злорадно блестят),
А тот, кто два флота водил многолюдных,
Великим стрелою с поста его снят.

У герцогства будет законный наследник,
Тосканские воды он видит вдали,
Ветвь Франции — на флорентийских коленях,
Морские туманы ее принесли.

Великий бульдог, покидая свой город,
Был зол на невиданный дикий союз,
Он шел на охоту с разгневанным взором.
Медведь! Перед волком держись и не трусь.

Он схвачен за чтением фальшивой поэмы,
И падшая девка лишит его сил.
Деревни и город душил этот демон,
И черную тенью свободу накрыл.*

Итак, над главой его длань кардинала,
Который молился, чтоб мир наступил,
Но буря в глазах полководца взыграла:
Он скипетр левой рукою схватил.**

де. * Русские комментаторы Нострадамуса готовы поверить, что
чь идет о Дмитрие Самозванце и Марине Мнишек.

** Есть комментаторы, которые предполагают, что это — предви-
ние коронации Наполеона.

Гордитесь, Октавий, Антоний, Лапидус:
Ваш прах потревожен чрез множество лет,
Металл или мрамор сокровища выдаст,
Направив в грядущее мертвенный свет.

Шары будут сеять и гибель и ужас,
В снарядах скрываются смерть и огонь,
Раз город ночной флот чужих обнаружит,
Из зданий горящих спасайтесь бегом!

Пленили вождя под высокою аркой,
Хоть друг и хотел его предостеречь.
Кто будет рожден борогатою женщиной гадкой?
Казнь герцога люди бессильны пресечь.

Близ погребя бились и падали люди,
И тех и других мучат раны и кровь...
Вождь гибнет, но все же его не забудут:
Четверка дорвалась до вражьих рядов.

Луч солнца окрасит спокойное море,
Но Африка ждет грозových кораблей.
Сатурн с королевством не хочет быть в ссоре,
Ждет порт азиатский иных якорей.

Да, заговор помнят женевские волны.
Предавшую город из мести убьют,
Но всеми, кто с ней, будет Аугсбург полон,
И рейнские звери на приступ идут.

Ветвь варваров выростет в сердце Европы,
Власть будет у диких и страшных людей.
От скал Гибралтара до Венгрии волчьи проложены
тропы,
И Бельгии с Францией время сесть.*

Да, битва близ Мальты — беда для испанцев,
Герой африканский их флот разобьет.

* Во французском Резистансе этот катрен рассматривался как предвидение торжества фашизма, которое будет однако невечным.

Живым взятый в плен принц с трудом им сдавался,
И скипетр Рима Петух заберет.

И римского Папу пленили на море,
Заставив страдать обезглавленный клир,
Преемник посеет скандал и раздоры,
И смерть его друга обрадует мир.

Не будут в цене сабианские слезы,
Раз плоть наша к смерти идет через боль,
Корсарский корабль нес Фаросу угрозы,
Родосский фантом входит в грозную роль.

Его заговорщики предали смерти,
Погиб однорукий и храбрый король.
Так ночь у Андронны вы зверством измерьте,
А Кипр и войско почувствуют боль.

Тираны так часто трагически гибнут,
Напрасно создав гекатомбы из жертв,
Былые законы все с радостью примут,
И принца седьмого ждет верная смерть.

Когда золотой был с подмешанной медью,
Монетный скандал вызвал эту войну.
Отведаят варварской крови созвездья,
Утрата вождя обезрадит страну.

Да, Альпы узрят восхождение зверя,
Чья кожа казалась солдатским сукном,
Тосканцам внезапность внушает доверье,
И чудо в соседний вернет его дом.*

Латинский монарх умер собственной смертью,
Преемник пожарами был освящен.
Грабители! Подлому счастью не верьте!
Палач вам предъявит солиднейший счет.

* Есть мнение, что первая и вторая строки этого катрена — аллегория восхождения Наполеона, а третья и четвертая — аллегория его последних 100 дней.

Вождь молится духам старинного Рима,
Потом чужестранные дрогнут полки,
Когда эскадроны в засаде, то ждать нестерпимо,
Свой красный за красных сражаться привык.*

Большой человек в темной Африке будет,
Испытывать ужас, мученья, террор,
Два спорщика распри свои позабудут,
Пока примиренье не вспыхнет в костер.

Давно астролог сводит звезды на землю,
И судьбам истории нужен фонарь,
Закон и порядок для солнца приемлем,
Сатурн же полюбит руины и гарь.**

Я вижу кресты восстановленных храмов.
Спаситель Востоку почет воздает,
А Персию жгут еще свежие раны —
Почти миллион египтян к ней идет.***

Иная династия будет в России,
Страна за свободу свою восстает,

* Во время Резистанса, во Вторую мировую войну, утверждали, что это — предвидение краха Муссолини и появление поднявших голову коммунистических партизан.

** Есть ученые, которые находят в астрологии эмбрионы интуитивного психоанализа. Есть парапсихологи и специалисты по телепатии, которые полагают, что астрологи былых эпох могли воспринимать и улавливать сверхчувственное вернее и глубже, чем человек, выросший в условиях современной технической цивилизации. Этот и ряд других катренов Центурий показывают, что к таким астрологам принадлежал и Нострадамус.

*** Этот катрен знатоки Нострадамуса относят то к третьей, то к четвертой мировой войне. В первом случае катрен рассматривается как аллегорическое изображение России, которая выступит в защиту Персии, атакованной арабскими странами; во втором случае Китай и арабские страны объединятся для совместного выступления и против России и против Персии. Религиозный подъем будет под-сказан будущей России инстинктом национального самосохранения. Сбудется ли это пророчество? Судить об этом дано не нам, а нашим потомкам.

Народ, став от горя единым Мессией,
К расцвету и славе все царство ведет.*

Военной грозой дышет Черное море,
Персидской стрелой не задет Трапезунд,
Фарос с Мителеном — в тревоге и горе,
И волны восточную кровь понесут.

Кинжал вогнан в грудь, и лицо побелело,
Нога покалечена, рана в плече,
Те трое клянутся, что драться поспеют,
Большой генуэзец боится мечей.

Мне жаль, что свободы они не вернули.
Их всех оккупирует злобный дикарь.
Раз дьяволы мост над Дунаем взметнули,
Италия злится, почуяв удар.

Солдаты Парижа на улицах Рима,
Опять начались грабежи за мостом,
Поля, города и поселки покой не обнимет,
Солдат не разгонишь смиренным крестом.

Всю Аттику держит волна под угрозой,
Разрушенный мост не расправит крыла,
Страна, как живая античная роза,
А прежде классическим мозгом была.

Что ж! Все хорошо под луной и под солнцем,
Руины, как остов гнилых кораблей.
Пусть небо скорее к реформам пробьется,
Седьмую скалу рушит дерзость идей.

Рыданья и слезы на улицах Нанта,
Свободы скрываются в долгую тень,
Вождь счел непокорных толпой арестантов,
И горе сочится из каменных стен.

* Совершенно изумительный катрен! Нострадамус предвидел смутное время в России и возрождение страны, которой будет править новая династия, то есть династия Романовых.

Кто — джин или демон — бушует в боченках?
Чей взрыв разметал облака парусов?
Блуа, видя флота британского гонки,
Мир купит за соль и вино с погребов.

Незримо войну поведут англичане,
В туман и волну зарывается флот,
Им камнем в желудке град вольности станет.
И скорбь Средиземное море зальет.

Да, братец сумел для сестры постараться,
Смешав с минералом ночную росу,
Старухе тот яд мог лекарством сказаться,
Сестра же навеки отходит ко сну.

Конец его судьбы трехсот переменит,
И месяцев двадцать пылает костер,
Низложен король, но король — не изменник,
С обмана начнется кровавый террор.

Наследник престола жжет власть бурной жизнью,
Законы разбиты, и похоть цветет,
Но думал ли он о грядущем отчизны?
Пусть лучше Саллистский закон пропадет.

Из города выйдут старинные корни,
Чтоб новой Этрурии род не зачах.
Так древняя кровь приучается к нови,
И мех флорентийский на женских плечах.

Короны и нации ищут единства,
Смешалась с французской испанская кровь,
Но может ли прошлое с явью мириться
И долго ль продержится мост через ров?

Он сам воскресит дух античной культуры,
И бронзовый век претворит в золотой,
Уйдут в полумрак замки, статуи, урны,
Чтоб стать для людей непогасшей звездой.*

* Александр Бенуа, как мне передавали, считал этот катрен Центурий блистательным просветом в эпоху Людовика Четырнадцатого.

Марс станет надстройкой над каменной башней,
О, Франция! Наш Аллоброкс у врагов,
Ломбардцам ближайшее кажется страшным,
И Либра под гнетом орлиных кругов.

Столетия! Чертите на траурной карте
Германию, Рейн, и Неаполь, и Понс.
Когорты смертей дорвались до старта,
Повсюду руины, мир горем зарос.

Схватил кардинала пиратский корабль,
Чтоб мир, точно парус гнилой, разорвать,
Но помни, главарь, что мечом или саблей
Со всеми, кто с Папой, нельзя совладать.

Империю ждет неизбежность распада,
Который дойдет до Арденских лесов,
Сын старший Двум выродам головы сносит для ада,
И лик ястребиный всем править готов.

Под красною шляпой раздоры и схизмы,
Избранник в Сабине в том не виноват,
Он вытерпел гнет виртуозных софизмов,
И Риму албанцы ущерб причинят.

Великий араб не просторной дороге,
Но турки его, все равно, предадут,
Родосом он встречен с тоской и тревогой,
И трупы из Венгрии зло приведут.

Флот Африки будет встречать парномийцев,
И ужас грозит и воде и земле.
Враги своей лютостью станут гордиться,
И скипетр не любит свистящую плеть.

Нет, он не испанец; из Франции старой
Тот кормчий, что церковь как судно ведет.
Противник разбойникам милости дарит
И все королевство бедой обожжет.

Из братьев с гербом распутившихся лилий
Один даже Римом хотел завладеть.
Латинский позор эти годы не скрыли,
А туркам отраднa армянская смерть.

Богемия, Англия, Польша, дакийцы,
Я знаю, единый союз создатут.
Недолго терпенье столпов Геркулеса продлится,
Барсийцы, тирренцы неволю прорвут.

Изгнанник, прославивший ненависть к трону,
Вернется, чтоб власть захватить над страной,
Пускай колесницы в крови не затонут:
Топтал Ипполитов расцвет роковой.*

Я знаю, что явится новый Спаситель,
Нет силы, способной разрушить любовь,
Так слово погибших пророков цените,
Чтоб вырвалось солнце из древних гробов.

Из Черного моря, с татарского Крыма
Приходит к французам великий главарь.
Армяне, Аланы его с миром примут,
Но Константинополь найдет кровь и гарь.

Он с войском поднимет арабские страны.
Великий крепит Магометов закон.
Гренада совбодною быть перестанет,
Но враг не сожжет италийских знамен.

* Ипполит в греческой мифологии — сын Тезея и королевы амазонок Антигоны. Посейдон встретил его колесницу, окруженный морскими чудовищами. Кони Ипполита так испугались, что обезумели и понеслись. Ипполит выпал из колесницы и был убит.

Некоторые из русских комментаторов Нострадамуса видят в этом катрене аллегорическое изображение гражданской войны в России. Вязнущие в крови колесницы — это знаменитые тачанки начала революции, а Ипполиты — это попавшая под их колеса теряющая почву под ногами аристократия. Изгнанник, вернувшийся, чтобы захватить власть над страной, это Ленин. Катрен этот — еще одно подтверждение неопифагоризма (или воскрешенного пифагоризма) Нострадамуса.

Нет старого пастыря; новый — совсем не подвижник,
И выборы станут крушеньем надежд,
Он гонит добро из церквей и из жизни,
Такой недостойт священных одежд.*

Сойдет он с холмов у Кользье с Авентайном,
Чтоб армии дать долгожданный сигнал,
Стремясь между скал за наградою тайной,
Он славу под солнцем уже потерял.

Крутые вершины щетинятся лесом,
Плывет акведук в Утикан и Гордон,
Теперь не узнать в нем Неманского беса,
Он связан, и мост под защитой мадонн.

Вождь Англии долго стоял у Низмеса,
Муж рыжеволосый испанцам помог,
И топчут солдаты на битвенном месте
Падучие звезды ударами ног.

Что ж! Бритые головы сделали выбор!
Два пола сравниют огнем и мечом.
Им совесть за это не скажет спасибо,
И кровь потечет над горящей свечой.**

Великий навряд ли считал его сыном:
Ребенок ведь был от другого рожден.
От Фера до Джениса дрогнут вершины,
И Либрой неласковый знак утвержден.

Сатурн ближе к западу, Солнце — к востоку,
И скалы мрачны от кровавых дождей;

* Есть точка зрения, что этот катрен имеет прямое отношение к преемнику Папы Сикста Пятого. При этом преемнике статуи Сикста Пятого сбрасывались с пьедестала и усилилась инквизиция.

** Есть мнение, что в этом катрене есть предвидение Варфоломеевской ночи. Резня гугенотов в Париже началась 24 августа 1672 года, то есть через 6 лет после смерти Нострадамуса. Несомненно, что от проницательного Нострадамуса не укрылось, что Франция идет к новой религиозной войне и что эта война может быть очень трагической.

Война близ Оргона; наказан Рим роком,
Не радует берег уход кораблей.

Безхлебье и голод встают с горькой новью.
В галеры ударит война над волной,
У Тибра земля наливается кровью,
И был грабежами нарушен покой.

Сгущаются в небе суровые тучи.
Сеть бросила тень и в Отон и в Генес.
С двух башен поля видят двое могучих,
Как будто на куполе меч, а не крест.

Пришел лишь один, подгоняемый страхом,
И страстная женщина скрылась из глаз.
Пусть знать, под угрозой скорого краха.
Большой человек разозлится на власть.

Кто видел, как светится лампа Трояна?
А рядом разбитый грустит акведук,
Златой и серебряный сон прерывать еще рано,
Клад вскрыт был в давно заколдованный круг.

Да! Не был одетым правитель Перуджи,
Семеркой он схвачен нагим в темноте.
Пусть бунт с неудачами скоро подружит,
И сын и отец смерть несут на кресте.

К водам голубого Дуная и Рейна
Приник и большой и упрямый верблюд.
Вся Рона с Луарой его не приемлют,
И в Альпах Петух собирает свой люд.

Проснулся уж в нем полководец великий,
Он золотом славы все войско покрыл,
Он в Африке гложет древнейшие кости и лики,
Солдат его стдых и сон заслужил.*

* Некоторые из французских комментаторов Нострадамуса находят, что это — предвидение похода Наполеона в Египет.

Ждет Константинополь большее страданье,
Раз в плен византийцев Восток поведет,
Союз христиан может снять поруганье,
Но кто же скомандует: «Смело вперед»?!

Подвластна вся армия воле тирана,
Но злоба разбилась о водную ширь,
Семнадцать судов, не дорвались до брани,
И Рона повергнута в праведный мир.

Эдикт благосклонен к любимым наслажденьям,
В законы вольют обольщающий яд,
Венера мечтает о сладостном зелье,
Где с солнцем был смешан ночной виноград.

Поруганы будут старинные храмы,
И дети ограбят своих матерей,
История ставит еще одну драму:
Арабов и Польшу покинет еврей.*

Германия станет могучей и сильной,
Ее укрепляет троянская кровь,
Народы с Востока смешались бы с глиной,
Но мощь из возмездья рождается вновь.

Они будут справа, а вождь — на кубическом камне.
Вершины сияют бессмертным добром,
Но левой рукою зажженное пламя
Не гасят суровым и замкнутым ртом.

Шалаш его любит обветренный воздух,
Отребе поможет его приютить,
Но Экс, Лилль и Волс не дадут ему отдых,
И след его время не может забыть.

* Вот пророчество, которое исполнилось на наших глазах, на глазах людей, переживших вторую мировую войну. После этого катрена даже самые закоренелые скептики находят, что в Нострадамусе, безусловно, что-то есть.

Когда превратится честь Экклезиаста
Во время идущих по солнцу часов,
То церковь падет вместе с правящей кастой,
И бури приносят нам дикое зло.

Две силы терпели друг друга недолго,
Тринадцать годов выждал варвар-тиран,
Корабль государства разбили пороги,
Хоть вождь был грозой чужих ему стран.

С ним связан восход человеческой эпохи,
Приходит нам давший великий закон.
Война меж своими при нем не заглухнет,
Достойный преемник ему не рожден.

Пуская Огмион* видит Константинополь,
И варваров хочет оттуда изгнать,
Меж ними и Францией вырыта пропасть,
Нам зло за решеткой придется держать.

Орел пролетает над солнечным градом,
Оракул семь месяцев знал про поход,
Стена на Востоке кирпичным взлетит водопадом,
Семь дней злой противник стоит у ворот.

На милость врага осажденный не сдался,
И он не откроет ворота врагу,
Пока Арбуа и Лангез будут с Брешней драться,
То в Доле засаду врага уберут.

То будет ему испытаньем для власти
Вершителю славы и многих побед.
Три ночи терпел этот родственник счастья
и в Библии видит спасенье от бед.

* Огмион — герой кельтской мифологии. Он чем-то напоминает старших богатырей древнерусских былин.

Он, видно, забыл городок у залива,
Где вырос в отверженной темной семье,
Богатство страны в пустыри для крапивы
Уже превращаются в черном уме.

В скелет превратится женеvское поле,
Страдая от раков, орды саранчи, комаров,
Развяжет войну чья-то дикая воля,
И горек был дым от солдатских костров.

Так, трое рук будут с двумя главарями,
И в городе мало воды питьевой,
В изгнанье уходит, кто роком поранен,
Страна примирилась с судьбой горевой.

Сатуры приглашает на грустные танцы
Страну наводнений: повсюду вода разлилась,
Зато нас теперь окружают испанцы,
Раз свадьба троянскую кровь понесла.

Кто помнит его скаловидные формы?
Зверь виден у моря над желчью песков,
Ему корабли станут лакомым кормом,
Савой весь Турин обневолить готов.

И будут обмануты знаменем бунта
Богемцы с Наваррой и Венгрия вся,
Надежны ль теперь фер-де-лисские грунты,
И сможет ль мятеж Орлеан раскромсать?

Грабеж и разбои пройдут по Цикладам,
В беду попадут и Коринф и Эфес,
И в Спарте, и в Пеллопонесе жизнь близится к аду,
Здесь все девять месяцев буйствовал бес.

Во что превратилось афинское поле?
Стал форум мыслителей рынком лжецов,
Но кони албанцев их козни расколят,
И свет, точно чудо, слепит подлецов.

Пяти в тот же срок быть владыками церкви,
Правленье достигло семнадцати лет,
В преемники выйдет иной, уж поверьте,
Кресты не светлеют от дерзких примет.

Меркурий суровой становится силой,
Так ждите великих реформ под луной,
Когда королей революцией в Англии било,
Шотландское пламя взрывалось грозой.

Вождь хочет увидеть германским вассалом
Брабант вместе с Фландрией, Кант и Бруджес,
Но он был враждебным разбит идеалом:
Кавказец взял Вену и замки окрест.*

Так! Шелест ветвей вызывал эти тени,
Могучей державы, забывшей покой.
Эгейское море шумит парусами в движеньи,
И трудно к Тирренам пробиться с волной.

Мне жаль обреченных поборников правды,
Не сбивших замки с воспаленного рта,
Ось мира ждет крови, сгорая от жажды,
Чтоб роза из нови могла расцветать.

Рвут уши раскаты свирепого грома,
Град бьет по Кондону мельчайшим ядром,
Эдиктом был дух всех изгнанников сломлен,
И сильное горе металось кругом.

Когда на термометре плюс сорок восемь,
То варится рыба живую в реке,
В Бигоре и Берне не хватит запасов на осень,
Раз звезды горят в сатанинской руке.

* Некоторые из русских комментаторов Нострадамуса выражают уверенность, что в этом катрене пророчески предвидены последствия соперничества между Гитлером и Сталиным.

Французские власти, я знаю, придут
В Милан и Ферару, в Аквилью, в Кайе,
Вождь Англии Римом командовать будет
Под знаком участливых звезд и планет.

Смертельный огонь падал с гневного неба,
В костры превращая Тартар с Мозаре,
Но всеж не избегнет отомщенья отребье
Тюрингских, саксонских и прочих зверей.

ЦЕНТУРИЯ VI

В воде отражен был собор у Гарроны
И то отражение Римские силы страшит,
Процессии зрят пиринейские горы,
К ним новый король за поддержкой спешит.

В год входит пять сотен и восемь десятков
То эра реформ и неслыханных зверств,
В семь сотен и тройку не вселятся духи упадка,
То год изменивших лицо королевств.

Созвездия будут в тоске и смятенье,
И Рона уйдет от своих берегов
Все станет иным, лишь язык неизменен.
И засуха жаждет солдатских шагов.

Мятели, дожди, мятежи на арктическом поле,
Где люди становятся хуже зверей,
В тюрьму превращается прежняя воля,
Анафеме предан закон «не убей».*

Большой человек умирает под Римом,
И новая вспыхнет близ Рака звезда,
Сиенна и Суза то знаменье примут,
И Север слетит с ледяного гнезда.

Норвегия с Данией льнут к англичанам,
Надеясь на братский военный союз,
Леса не залечат солдатские раны,
Героя же Рима в лесах разобьют.

Не ценятся больше науки и знанья,
Их топчет духовно убогий король,
В изгнаньи, без средств, знатоки мирозданья,
Ученым доверили жалкую роль.

* Русские комментаторы Нострадамуса считают этот катрен пророческим видением пореволюционной России.

Страна, как и Церковь, во власти скандалов,
Высокие цены стоят на счетах,
Золотой и серебряный лик на медалях — в печали
И кровь застывает на острых ножах.*

Изменяют окраску святыни и храмы,
И белое с черным смешает нам черт,
Багрец с желтизной осыпаются с камня,
Кровь, смерть, грабежи новизна призовет.

Старейший сражен неожиданной смертью,
И два своих братьев хотят умертвить.
В убийство во сне заговорщиков, верьте!
Три ветви осталось из прежних семи.

Империя создана армией дерзкой,
Солдат-император возьмет Ватикан,
Испания с Англией будут с ним резки
На Францию будет направлен таран.

Он власть захватил, как поборник свободы,
Народ, обольщенный его поддержал,
Но рухнули им возведенные своды,
И в прах превратился былой идеал.

Король-полководец проигрывал битву
(В живых — только сброд, что удрал от атак).
Ту славу, что заживо в бронзу отлита,
Свергает к свободе стремящийся враг.

Готовьтесь к расчету у вас в Нюренберге:
За всех отомстит похороненный принц!
Испанский престол Козерог не отвергнет,
И духи убитых остались без лиц.

Норманами Франции и Пикардии
Корона срывется с принца Ките,

* Некоторые из французских комментаторов Нострадамуса считают, что этот катрен навеен предчувствием взлета и гибели Генриха Наваррского.

Из храма в лесах черным дымом кадило,
В Ломбардии пламя гудит на кресте.

Костры пожирают ценнейшие книги,
Туз в буром в мундире средь черных знамен,
И мысль и свет жернова сотрут мигом,
Но сыщутся зерна для лучших времен.

Врачами потомки царя Моисея
Могли королей от болезней спасать,
Не вечно ж в грядущих столетьях евреям
Земную Голгофу Христа повторять!

Да! Женщина дышит огнями пожара,
А пламя опять неповинных пожрет.
Чудовищный бык был в Севилье в угаре,
Он армию к штурму и бою зовет.

Фальшивый союз продержался недолго.
Одни изменились, другие — под знаком реформ,
И в Риме молодой леопард не оболган,
Народ с кораблей ищет праведных норм.

В кулак сжаты силы в арктическом поле,
Тревогой и страхом охвачен Восток,
Недавний избранник в боях будет сломлен,
Кровь варваров бьет в византийский песок.

Убиты он на плитах большого собора,
Так Лондон племянника не сохранил
Здесь лодка схизматиков с горем не в ссоре,
Так кто же свободу обманом залил?

Финансовый кризис полюбит Антихрист.
Восставший народ прогонял короля.
Париж еще не был так дик и неистов,
И зыбкому миру не рада земля.

Созвездия Скипетра с Марсом суровым!
И Рак благосклонен к злочастной войне,

Пусть смелый король скажет мирное слово
Под знаком участливых звезд и планет.

Великий рыбак — на поломанном троне,
Руиное время на землю придет.
Предатель во мрак увлекает законность,
Но к свету всех пастырей юный ведет.

Неплох был предтеча на папском престоле,
Но грязный развратник его заменил,
В Равенне и Пизе таким недовольны.
Смещайте: терпеть его нет больше силы!

Она удлинилась великим Чайреном,*
Одна из пяти крупных рек островов.
Морозы и ужас, термометр мерит.
Укрылись во льнах шесть бродяг-беглецов.

Вождь кельтов увидит на улицах Рима
Прибой победивших изгнание людей.
Пастух же считает, что он проходимец,
Кто был с Петухом, будет с маршем смертей.

Надолго ли Церковь осталась вдовою?
Скрипят в замешательстве ветви ее,
Пускай укротитель интриги все сроеет,
И бритых голов к единению зовет.

Укроются в сумрак, кто мыслит свободно,
Нельзя на щиты поднимать лже-святых.
Марш льежцев Брабант наблюдал беспокойно,
Предатель в осаде притворно притих.

Милан омрачают напрасные смерти,
И герцогу пишет об этом король.
Евангелью люди, доверчиво верьте,
Хоть подлость прелатов доставит вам боль.

* Возможно королем Генрихом... Но есть мнение, что в данном случае под Чайреном Нострадамус подразумевает Сингапур, как английскую колонию на границе с Китаем.

Предателей палкой забили до смерти:
Урок для других, изменивших стране.
Фривольность свою, заключенный, умерьте,
Раз Берич* приходит в отчаянный гнев.

Горячая кровь потечет над Алусом,**
И между двух рек страшен битвенный шквал.
Борьбу проигравший не может быть трусом:
Одну рукой не удержишь штурвал.

Летающий огонь появляется в небе,
И град осажденный им был утрашен,
Да, жители вынули тягостный жребий
Ведь бешеный вред был грозой причинен.

Здесь солнце обрушится в пламя пожаров,
Послания скрыты в свече восковой,
Леса, города расплавляются жаром,
Повис над равниною чад углевой.***

* Очень странный катрен. Есть мнение, что Нострадамус имеет в виду Беричевы холмы в Италии, образовавшиеся на месте группы потухших вулканов. По преданию, здесь происходили расправы древних римлян с дезертирами, шпионами, предателями. Если одних забивали до смерти, то других подвергали экзекуции в зависимости от характера преступления и провинности. Но фамилию Берич носили древне-сербские герои и государственные деятели. Может быть, Нострадамус описал какое-то событие в древней Сербии, о котором давно забыли. Этот катрен дал повод скептикам славянского происхождения утверждать, что «Центурии» перенасыщены ребусами, ключи к разгадке которых утрачены и вряд ли когда-либо найдутся.

** Алус (Alus) это то, что в черной и белой магии и у знахарей называется вещим перевертнем. Alus — это Соединенные Штаты (US, UNITED STATES). Для тех, кто верит в вещи перевертни или хотя бы в удачное совпадение в данном перевертне, ясно, что Нострадамус предсказал гражданскую войну в Америке и образование независимых штатов.

Американские скептики говорят, что Алус с одинаковым успехом можно принять и за Соединенные Штаты и за Советский Союз (Alus — USSR) и в таком случае провозгласить этот катрен пророческим предвидением гражданской войны в России 1917-1920 гг.

*** Когда Арии, Рак, Лев, Марс, Юпитер и Солнце соединятся у Риона по направлению к Блатилену.

Во мраке Флоренция, в Пизе разграбленной хуже,
Король сбит с мула и от раны готов закричать,
Врагу не занять побережья Перуджи,
Ни трусу, ни храброму там не бывать!

Деяния предков свой век отслужили,
И череп разбит у старинных дворцов,
Ни в чем неповинных хватали и били,
Виновный скрывается в чаще лесов.

Пусть с миром уйдет из страны победитель.
В Италии хищный взойдет человек,
Пожаров и смерти тут с горечью ждите,
Ведь смешана с кровью вода здешних рек.

Был брошен король беззащитный в темницу,
И сына решили доставить к нему.
Идет Тразименская башню топится
Заложники с горя припали к вину.

Великий с Майенны уж больше не ропщет:
Лишили его и постов и наград.
На Рейне со славы свергается Гроппе,*
Болтливый в Колонье под гнетом утрат.

Второй по значению датский властитель,
С Голландией, Англией был заодно.
Хоть сто тысяч марок за это возьмите:
Но нам путь в Италию нужен давно.

И вот Огмион за чертой королевства.
Селин больше властвовал, чем отдыхал,
Эмблема его над Италией высится дерзко,
Он с гордостью знамя победы держал.**

* В фамилии Гроппе хотели видеть усеченную анаграмму Гитлера, настоящая фамилия которого Шикенгрубер (Гроппе). Но такая трактовка представляется недопустимой натяжкой.

** Есть мнение, что это — аллегория итальянских походов Наполеона.

Там жителей нет возле Марны и Сены,
Где дьявольски сильно вода разлилась.
А смертные с Темзы хотят с непременно,
Внимание стражи обманом сковать.

Теряется радуга в сумерках Нанта —
Поваленной аркой лежат берега,
Потопленный флот не вернется к арабам обратно,
Кабан и медведь случены на лугах.*

Пусть флот не боится противного ветра,
Не слишком ль уверен в себе адмирал?
Теперь на морях его песня пропета,
К чему приведет нас серьезный провал?***

Он кончит как вечно горимый изгнанник,
Хищения берег Нонн-Сигля мрачат,
Раз красный отправит его на закланье,
Орел не устанет его привечать.***

Два встретили третьего в горных вершинах,
И вспыхнул костер небывалой вражды,
Лангезы, Брюссель вместе с долом крушили,
И все Малине пред бедою дрожит.

Нельзя соблазнить настоящую святость
Святоше с пушистым его языком.
Старинному граду Италии радость не в радость,
И ложный хорал флорентийцам знаком.

Железный паук любит берег Дуная,
Где немцы из пленных готовят рабов,

* В оригинале — на Саксонских лугах. Кабан — символ Саксонии, Медведь — символ России.

** Генри Робертс утверждает, что этот катрен есть предвидение Нострадамусом Графальгерского морского сражения, в котором Британский флот одержал победу над французским и испанским.

*** Апологеты Нострадамуса из русской эмиграции связывают этот катрен с судьбой Троцкого. Их противники из лагеря русских скептиков иронизируют над этим как над фантастическим преувеличением.

Их родина груды рублей золотых потеряет,
Возмездье веда из глубоких снегов.*

В колодце найдут эти кости ребенка,
Что мачехой был не от мужа зачат,
Волнение отцов не забудут потомки,
И честь государства идет на закат.

Толпа наслаждается зрелищем новым,
Плебей видит принцев, маркиз, королей,
Но рухнут колонны дворца, обливаясь кровью:
Спасай короля от мятежных людей!

Отверженный смело бежал из темницы,
Его подменил там соратник и друг,
Замерзшие реки покинуты птицей,
Надежду троянцев не взять на испуг.

И ночью прелат отстранен от правления:
Ему не поверил французский король.
В Британии, Кипре, Тунисе он все же в доверье,
Политика вере не скажет пароль.

Запомнят шестнадцать веков и семь лет литургию,
День битых и пение вторых петухов.
Арабы воспрянут и станут другими,
В Марокко султан не полюбит восход.

Что ж герцог — бродяга, откроет внезапно,
Арабскую стаю тугих парусов,
Восток обернется совсем безвозвратным
И для подлецов и для честных крестов.

* Еще в годы второй мировой войны мне показывали вольный перевод «Центурий» на польский язык (перевод не всех «Центурий», а только несколько десятков особенно впечатляющих катренов). Этот катрен был замечен и русскими, которые переняли его от поляков. Этот катрен и позволил им оценить и принять близко к сердцу идею возмездия в творчестве Нострадамуса.

Оружье испанец найдет в Барселоне,
Слепой д'Арбон разорит Паприньян,
Кто в море слезу и победу уронит,
И кто здесь от гнева и ярости пьян?

Он был очень властным в своем королевстве,
Жестокий и грубый стоит под Крестом.
Он будет грозой для знати и плебса,
Став Папой с суровым и жестким лицом.

Кто видел, как солнце затмилось Селеной?
Кто знает, как вздорили два короля?
Свободу дадим островам и Сиенне,
Дух вольности бури в столетья вселят.

У принца богиня любовной горячки
И просит, чтоб он не сказал ничего,
Но стыд и позор от судьбы не упрячешь,
Семнадцать заплатят за страсть головой.

Его обманул и предал переводчик,
Был принц за пределами Кельтской земли,
Монах, как и пастор в Бордо озабочен:
Гасконцев, руанцев они провели.

Ковер, раз он свернут, бесцелен для зрелищ,
В истории свернутых много страниц,
Так судьбы изгнанников мы проглядели,
Хоть правда о прошлом осталась у них.*

Итак, два цветка слишком поздно погибли,
Пред сильным законом безвредна змея.
В Савое, в Монако мученья были,
И всадников злая ведет колея.

* Этот катрен был особенно популярен у тех французских эмигрантов, которые бежали в Россию от революции XVIII века в своей стране. Впрочем апологеты Израиля полагают, что это их имели в виду еще в XVI веке.

Семь лет в ней сидело глубокое горе,
И спала в постели с ней женская честь,
Ей гордость служила на троне опорой.
Как долго ей крест одиночества несть?

Я знаю, свой флот обновит Барселона,
Чтоб выиграть больше земель и морей,
К чему каравеллам бродячим законы,
Раз совесть и сила сорвались с цепей?

До полувойны разрослись несогласья
Меж серою рубахой и важным бюро.*
Правленье под стражей, грабитель — у власти,
И месса в соборе не дышит добром.

Быть сильному землетрясенью в апреле,
И выплюнет мрамор гробницы земля,
Дрожь древних костей люди скрыть не хотели,
Монашеский орден создать здесь велят.

Настанут эпохи великих империй,
В несчастьи и зле там живет человек,
Когда ж у темниц будут выбиты двери
И вольно вздохнет обездоленный век?

Солдатское вердце взрывается в бунте,
Доспехи и ночью, при звездах, блестят,
Противники Альбы — без прочного грунта,
И десять на главного злобно глядят.

Совсем не того ожидали так долго,
Ведь выпрыгнул зверь из народной мечты.
Нагих и голодных мятеж взял в дорогу,
С гор катится буря и в души стучит.

* То есть между ремесленниками и городской нищетой, с одной стороны, и между городской администрацией и купечеством, с другой.

Его нарекут победителем* мира,
Чайрен наречен властелином земли.
Раз небо вдали от суровых кумиров:
Террору и страху наш мир — не молись!

Они, точно праздник, справляли поминки:
Великий правитель скончался вчера,
Но тень его с лестью была в поединке,
Идя под защитой креста, льва, орла.

Она станет жертвой неправого гнева,
На казнь обряжают супругу и мать,
Здесь суд сеет зерна преступного сева,
Там небо сумеет ее оправдать.

Монаху и мастеру люб этот город,
И оба сидели и у стен и у врат.
У женских секретов сломались опоры,
И похоть не сможет бессовестно врать.

Изгнанники, верьте, на родине будут,
Пускай им грозят отовсюду враги,
Триумф возрожденных никто не забудет,
Семидесяти трем казнь не вправит мозги.**

Он был отличен королевским указом
И флот покидал для высоких постов,
Но семь лет спустя был отозван приказом,
И варвар к Венеции будет суров.

* Т.е. Виктором. Если в предыдущем случае Чайрен, возможно, анаграмма Генриха, то в данном случае сомнительно, чтобы и тут Чайрен оказался Генрихом. Восточные астрологи считают, что в этом катрене Чайрен — анаграмма слова китаец Chinese. Нострадамус, по их мнению, предвидел возвышение Китая в грядущих столетиях.

** И этот катрен породил большие споры. Одни находят, что тут Нострадамус предвидел возвращение французских эмигрантов на родину после поражения Наполеона. Для других это предчувствие массового исхода евреев и Израиль и даже их борьбы с арабскими партизанами.

Пусть храм устрашит рукоятка кинжала.
Аntenор!* Твой город тирана убил.
Растоптаны те, что ему угрожали.
Такой деспотизм народ не любил.

У немцев победы ведут к поражениям,
Один из двух флотов Италии верен стране,
Имолу, Флоренцию ждут поражения,
Отца вместе с сыном убили в шатре.

Ну, чтож полумесяц в Селине, с победой!
Рим ищет защиты и прав у Орла,
Тицин и Милан этих бед не изведаль,
Великий король! Знай об этих делах.

Вблизи от Тицина французские силы,
Под синей горой этот мыс возведут.
И распря тут водную роет могилу,
Раз души усопших разлив По клянут.

Фезанская армия хлынет в Европу,
Под отблеск пожаров на взмахах меча,
Всю зелень и синь черным дымом затопит,
И вождь азиатов руины встречал.

Тоска пролилась в колокольные гулы,
И кровь генуэзца Женева и остров прольют,
Стон, вопль, мучения с бурей проснулись,
И бесчеловечность найдет здесь приют.

Племянник у Папы идет в дезертиры,
И семь христолюбцев настигли его,
Ударив в лицо кулаком, точно гирей,
Один из них позже добьется всего.

Он в Бельгии встречен с великим почетом,
Но жизнь триумфальный срывает парад.
Век грубо порвет с позолоченным гнетом,
И он уж теперь своей славе не рад.

* По преданию, основатель города Падуа.

Кто хочет, чтоб Клавдий не правил бы Спартой, —
Берется за козни, интриги, обман,
Правитель охаян с преступным азартом
Хоть все в обвиненьях — ложь и туман.

Захвачен французами город у Тарса,
Тюрбан был пленен победившим Крестом.
За нас португалец, чтоб Павлова* слава не сгасла,
Урбан станет свточем римских мостов.

Бывает, что сны выдают в нас пророков,
И в это поверил великий Прелат,
Гасконский монах говорил с ним до срока,
Что выборам будет он искренне рад.

Провел неудачливо выборы Франкфурт
И этим усилил враждебный Милан.
Разбив Лорелей златокрылые арфы,
Над Рейном солдатский гремит барабан.

Друзья не хотят его видеть скитальцем,
И с ними король был у речки Хебрус,
В горах Пиренейских он мог бы остаться,
Но землетрясение наводит на грусть.

Вся плоть золотистым пропитана медом,
И связанный между двух лодок лежит,
Он сходит с ума от пчелиного сброда,
Сом крохотных жал эту жизнь сократит.**

Столетия взлелеют фальшивых пророков,
Которые тьму принимают за свет.
За что ж ясновидцы в опале у рока?
Нептун из пучины пошлет им привет.

* То есть слава апостола Павла.

** В этом катрене Нострадамусом описана одна из средневековых пыток. Полуголую жертву, связанную по рукам и ногам, с кляпом во рту, обмазывают медом и оставляют на земле там, где обычно бывает множество пчел. Несчастные погибают от укусов.

Он был словно буря в сраженьях на море,
Его называли грозой берегов,
Бежал он из плена, шагнув через горе,
Агриппа* спасен для научных трудов.

Предатель вождя ублажает принцессой,
И стала тоска неземной красотой,
Весь город клянет королевского беса,
Пожаром прославлены меч и разбой.

Прелат пострадает от зависти черной,
Гонец и он сам — в западне у других,
Зачем же на свете деяньем позорным
Расколото дерево статуй святых?

Не зря запретят боевые доспехи,
Не всех угостят у дворцовых дверей,
Яд в блюде с клубникой не горд был успехом,
Раз жертвы кричали убийцам — «Скорей!»

Навет был обрушен на младшего сына,
Чтоб грозное дело в стране затевать,
Но старшему ясно, что брат неповинен,
И оба смогли клевету обуздать.

Мундиры солдат затопили весь город,
Сегодня пощады не ждать никому,
Один лишь не схвачен сверхзорким дозором,
И трупы убитых живых не поймут.

У дикого жара могучий источник,
Когда на термометре сорок и пять,

* Это — Корнелий Агриппа или Агриппа Неттесгеймский (1486-1535) — знаменитый философ и алхимик, которого с полным правом можно считать старшим современником и отчасти интеллектуальным сподвижником Нострадамуса. Легенды о нем послужили темой для романа Валерия Брюсова «Огненный ангел» и одноименной оперы Сергея Прокофьева. Исторический Корнелий Агриппа одно время служил во флоте и участвовал в морских битвах.

ЦЕНТУРИЯ VII

Воззвание против косных критиков

Меня поучать не ханжам и профанам.
Клянут меня варвар, глупец, астролог,
У судеб земли исцеляю я раны,
Меня вдохновляет всезнающий Бог.* ✦

* Видимо, это воззвание было направлено не только против косных критиков, но и против церковной цензуры.

Потомки запомнят квадратную залу.
Был выставлен труп на потеху людей,
Так все королевское действие познали,
И не был Ахиллом спасен казначей.

Пусть ночь удивляет солдат беспримерно.
Цвета — голубой, черный, белый — бегут по земле.
Арлез о войне и не думал, наверно,
Внезапно став жертвой предательских дел.

Флот Франции можно поздравить с победой!
Побиты тунисцы и Селл и Фоценс.
Кто золото в бочке в ядро переделал?
Тулонский хитрец изобрел тот процесс.

Да, в Доле в осаде был герцог Лангезский,
В компании с ним и Отон и Лион,
Женева и Аугсбург прут с Мирандолою дерзкой
Через горы, и это Анконе урон.

Раз третьего нет — не наполнены чарки,
Вино из бутылки прольется на стол,
Тот, в черном, спускается с Пармы нежаркой!
Зачем он в Перуджу и Пизу пошел?

Неаполь, Палермо, Сицилия! Вам угрожает безлюдье,
Вас варвар схватил обнаглевшей рукой,
В Сардинии, в Корсике нет правосудья,
Повсюду война, грабежи и разбой.

На светлом коне порывается всадник
Сорвать полумесяц с высоких небес.
Волк в шкуре овечьей овец истребляет без брани,
И красная бездна опасна нам здесь.

Пьянят фезуланцев вино и раздоры,
Их праздник взорвет тишину и любовь,
И падают возле божественной Флоры
Цветы на недавно пролитую кровь.

Была одинока в отъезд капитана,
И вице-король ей признался в любви,
Год новый, даруя глубокую рану,
Надеждам на счастье обоим грозит.

Принц силы свои собирал у Ла Манша,
Бретонцы, нормандцы усилят пехоту и флот,
Он бьет Барселону в стремительном марше,
Возмездье на мыс и на остров идет.

В отчаянии мать молодого инфанта,
Изранен в боях непокорный сынок,
Печаль подступила к нарядам и бантам:
Пять сотен убитых в недлительный срок!

Война эта кончена младшим из братьев,
Пришлось ему дважды прощения просить.
Сказал он: «Кагор и Массан не могу отобрать я,
И земли в Руссеке пришлось сократить».

Священник-правитель приморского града
Жизнь строил свободной четырнадцать лет.
Сменившему вольностей прежних не надо,
И он еще много наделяет бед.

Вся их топография станет фальшивой,
Соль нового мира есть пепел погибших культур,
Хоть вера и истина загнаны и сиротливы:
Но тьма станет светом и ржавчина — золотом бурь.*

Так! Город в низине семь лет был в осаде,
Но снял ее храбрый великий король,
А жителям скоро порядок наладят,
Чтоб все позабыли про старую боль.

Построив надежную сеть укреплений,
Смогла королева сквитаться с врагом,
Отряды трех львов ждет позор поражения,
И много жестокостей будет кругом.

Был принц образован, отзывчив и мягок,
И ожило все королевство при нем,
Преемник не жаловал прежний порядок,
Решив утвердить и суровость и гнет.

Террор и пожар помогали осаде,
И кровью семи был забрызган топор,
Стремившейся к миру — темница в награду,
У всех миротворцев был траурный взор.

Нисенский форт больше не будет сражаться,
Блеск золота вызвал надежды на мир,
Противники будут теперь торговаться,
Жди бед, горожанин, и в оба смотри.

Чрез Альпы и море в апреле и в мае
Посланцы Тосканьи держали свой путь,

* В «Центуриях» много катренов-сфинксов. Таков и этот катрен, разгадка которого будет скорее условной всегда и везде. В утопических и в социалистических теориях есть элемент нового рабства и принуждения. Только когда тот или иной народ отдаст себе отчет в катастрофических последствиях революции, начнутся поиски истинного, а не мнимого света. Вот а такого рода четверостишиях и содержатся элементы антиутопии.

Клевещен на Францию тот, кто не знает,
В чем сила ее и глубинная суть.*

В Италии будет тиран опозорен.
Не верьте и тем, кто прогонит его,
Торги на мосту Саргуэзском им станут опорой
Для сделок кровавых с хитрейшим врагом.**

Порвали с друзьями все мессопотамцы,
Теперь таррагонцы припомнят им злость,
Забыты банкеты, турниры и танцы,
Бордо гложет старую распрю, как кость.

Собрал демагог хитроумную шайку,
Чтоб скипетр выманить у короля ,
Ягненок обманут коварною лайкой,
И грабить дворец бунтарям повелят.

Пускай, погребенные выйдут из гроба,
У форта выл в цепи закованный мост,
Яд, герцог Лорены, в напиток, не пробуй!
Дюпон отравитель получит расчет.

Война истощит золотые запасы,
Нет денег солдатам за службу платить,
Во Франции медь полумесяцем красят
И кожей хотят серебро заменить.

В Мадриде правителю много заботы,
Победу не надо срывать с якорей,
Акулами рвут галеоны и боты
Досчатое мясо семи кораблей.

* Это — тоже один из катренов, доставивший Нострадамусу исключительную популярность во французском резистансе во вторую мировую войну. В те годы это четверостишие объявлялось предвидением того, что ни Лавали, ни Петэны не вытравят из французского сердца стремление к свободе и независимости.

** Есть мнение, что в этом четверостишии содержится и предвидение трагической судьбы Муссолини и одновременно предостережение против коммунистов, в самой идее которых тоже есть деспотизм, хотя и иного порядка.

Смел рейд кавалерии возле Феррары,
И будет трофеями полон обоз,
А пышный Турин поразграбили с жаром,
И храбрый заложник живет без угроз.

Противник далек от конечной удачи,
Хотя окружен им враждебный отряд,
Увел капитан очень многих от сдачи,
Но тридцать с позором на плен свой глядят.

Я знаю, что Альба поднимет восстание,
Традиции дедов он дерзко взорвет,
Де Гиз победит его воинским знаньем
И в статую сила победы войдет.

Зерно из мешка тонет в озере крови,
И в По злость и ярость чернят берега,
Фоссан и Турин Савиллан уже ловят,
А Ницца останется вольной всегда!

Их тысяч с десятков, а может и больше,
К горам с Лангедока с Кайены их надо вести.
Побит был Аквин, Бресс уж больше не ропщет,
На Брундис пора Аллоброгу идти.

Ушел с Монреаля рожденный в усадьбе,
Тирана напутствуют герцог и Ярл.
Он армии прямо командует: «Грабьте!»
Фовенс и Флоренцию он обобрал.

Их ненависть с гордостью кверху поднимет
И двое тиранов союз заключат,
Обман, шпионаж, вероломство идут в ногу с ними
И буря их флотам устроит парад.*

Ждут Францию годы скорбей и лишений,
Но веру не сгасит обманчивый свет,

* Среди русских комментаторов «Центурий» есть такие, которые усматривают в этом четверостишии предвидение пресловутой дружбы Гитлера и Сталина.

Хлеб, соль и вино здесь декретом заменят,
Тюрьма, голод, холод — герои злых лет.*

Его изберут, но посредством обмана,
И будет без зерен дырявый мешок,
Но к счастью, закат его кончится рано,
Слова его действиям станут не впрок.**

Безбожна судьба Византийского порта,
Затоплено небо в зеленой воде,
Семь бритых голов проклянут в полумесяце черта,
И ужас летит к Вифлеемской звезде.

Те десять казнят своего капитана,
А флот собирался сражаться в войне,
Здесь рейнские волны страдают от раны,
И Северный мыс не одобрит навет.

Конь скачет отчаянным, диким галопом,
И яростно скинут был всадник с седла
И хрипом предсмертным сметен конский топот,
Так гибель наследника с власти свела.

Напрасно мечтал полководец французов
Фаланги врага в пух и прах разнести.
Печаль генуезских болот его замыслы сузит:
С трясинной нашествию не по пути.

Их спрятали в трюме, где масло да сало,
И двадцать один дрался в стане врага,
Их стража мечом и стрелой достигала,
Хотя их у врат не смогли запугать.

* Этот катрен долгое время признавался предвидением Робеспьеровского периода во французской революции XVIII века. Но во времена французского резистанса стали говорить, что это — предвидение того, что было пережито Францией во времена нацистской оккупации.

** И этот катрен вызвал самые противоречивые толкования. Для одних это — осуждение Директории перед приходом Наполеона к власти; для других это — осуждение маршала Петэна во вторую мировую войну:

Покинут был дом с нехорошею славой,
Где громко скелеты стучали костями,
Им крест над могилой надобен, право,
Чтоб дом стал отрадой для честных с детьми.

Почет Низарам сицилиец увидел:
Цени Иннокентий, заветы Святого Петра,
Но злоба и грязь на любовь и на совесть в обиде,
В гражданской войне много будет утрат.

Сенаторы будут в долгах, а лютеция — в Марсе,
Ночь Франции долгие беды сулит,
Богатство Сатурна растратят в авансах,
Что, Крозус, тебе гороскоп говорит?

Две жертвы наметила новая Венус,
Но вот поваренок открыл этот яд,
А спасшийся принц теперь знает ей цену,
Виновную, видно, найдут и казнят.

Со дна поднимается дерзкий правитель,
Тьмы пленных страдают на поле тройном,
В соборы и церкви военных богов заманите!
Осады, награды и битвы кругом.

Да, Запад, надеемся, станет свободен,
Откроет Британия высший закон,
Шотландский пират популярен в народе,
Дождливых ночей не пугается он.

Военных уловок окажется мало,
Страна выбирает разбойничий путь,
Здесь древнее варварство новью считали,
И протестантизм тут может вздохнуть.*

* Это четверостишие было очень популярно во вторую мировую войну в польских католических кругах. Гитлер возродил языческий дух Германии, потому что Мартин Лютер предварительно, за несколько столетий до Гитлера, расшатал христианство, лишив его глубинных корней.

Его без объятий настигли в постели,
И эпиталамы слезой истекут,
Горячие ветры несчастья отпели,
И бедствия снова на землю придут.

ПОСЛАНИЕ ГЕНРИХУ II*

Непобедимому, величайшему и самому христолюбивому королю Франции Генриху II его покорнейший слуга и верноподданный Михаил Нострадамус желает новых побед и счастья.

У меня есть серьезные причины обратиться к вам лично, христолюбивый и победоносный король. Мое лицо долго было пасмурным пока я не решился предстать перед вами, зная, что ваше всемогущество безмерно. Я чувствовал, какой ослепительной должна быть предстоящая личная встреча с вами. Я благославлял и боготворил тот день, когда я смог бы предстать перед вами,

* Седьмая «Центурия» дошла до нас неполностью: от нее сохранилось сорок восемь четверостиший, вместо ста. Остальные катрены или утеряны или уничтожены.

Что касается «Воззвания против косных критиков», то им седьмая «Центурия» открывается как обособленным, нумерованным катреном.

В России это послание называли еще «Большим апокалипсисом Нострадамуса». Предполагалось, что оно должно было стать предисловием ко второму изданию «Центурий». Но так получилось, что послание с давних пор печатается как послесловие к седьмой, далеко неполной «Центурии». Тут, очевидно, весь вопрос в том, что подразумевалось под вторым изданием.

Мы знаем, что Нострадамус закончил послание Генриху II летом 1558-го года, а второе издание «Центурий» появилось никак не позднее 1557 г. (хотя и оно, возможно, не второе, а даже третье или четвертое).

В чем же дело? Не в том ли, что Нострадамусу пришлось уничтожить первое полное издание седьмой «Центурии» из-за гнета церковной цензуры? К Генриху II Нострадамус обратился за защитой и послание к нему задумал сделать предисловием ко второму изданию седьмой «Центурии», при условии, конечно, что эта защита окажется действенной (счет надо вести именно с учетом седьмой «Центурии»). Тогда все проясняется, включая и то, почему седьмая «Центурия» неполная, то есть содержит меньше ста катренов.

Ваше Величество. Мне известна ваша человечность, и я знаю, что равного вам нет. Теперь, предвкушая возможность личной встречи с вами, я мог бы выявить доброту и искренность моего сердца и наилучшим образом познакомиться вас с моим творчеством, мой бесподобный король. Но мне казалось невозможным сделать это с большой четкостью и блеском, ибо мой разум был затемненным и неясным пока его не прояснило сияние, исходящее от лица величайшего из монархов мира. Я очень долго раздумывал над тем, кому посвятить три последних «Центурий» моих пророчеств. А в них в общей сложности должна быть тысяча кантронов. После долгих раздумий я беру на себя смелость посвятить мое творение Вашему Величеству. И это меня не страшит: еще великий автор Плутарх в своем жизнеописании Ликурга поражался обилию даров и подаяний, приносимых в древних храмах в жертву языческим богам. Многие не рисковали появляться там снова, потому что народ был подавлен колоссальной стоимостью жертвоприношений. Тем не менее, видя, что в вас королевская величественность сочетается с не имеющей себе равных человечностью, я обращаюсь к вам не как к персидскому шаху, к которому запрещено и близко подходить, но как к доброжелательному, благо разумному и мудрому властелину. Я посвящаю Вам мои пророческие, выполненные бессонными ночами вычисления; в «Центуриях» я руководствовался больше природным инстинктом и поэтическим воодушевлением, чем установленными правилами стихосложения. Для большей части моих пророчеств можно вычислить года, месяцы и недели тех событий, которые произойдут в странах, городах и поселках Европы; в меньшей мере я касался того, что случится в Африке и, отчасти, в Азии, имея в виду реформы образа правления, вызванные изменением духовной атмосферы, и во всем этом я добивался естественности и правдивости. Но найдутся охотники возразить (подразумеваю тех, которые любят совать свой нос в чужие дела), что мои рифмы так же легки и доступны, как труден для постижения сокровенный смысл моих четверостиший. Поэтому, о мой наимилосерднейший Ко-

роль, многие известные мне пророческие четверостишия настолько трудны для понимания, что в настоящее время нет способов их прояснить и истолковать. И все-таки я не теряю надежды установить, что должно произойти в селениях, городах и странах, и что сбудется с их режимами. Особенно важны события, которые произойдут в 1585-ом году и в 1606-ом году, сопоставительно с сегодняшним днем (14 марта 1557 г.) Но я пошел дальше до начала седьмого тысячелетия в моих предчувствиях того, что должно произойти на Земле, в соответствии с астрономическими вычислениями и теми учениями, которые я мог постичь (речь идет о временах, когда начнет возрастать число врагов Христа и его Церкви). Все было составлено в дни и часы прозрений, и все было завершено с наибольшей точностью в возможных для меня пределах, и во все те времена *Minerva libera ex non invita* (пока Минерва была свободна и благосклонна ко мне), которые еще придут или уже прошли. Я пронизывал настоящее минувшим и грядущим и учитывал, как будут развиваться события во всех странах, в точном соответствии с тем, что здесь написано. Я не присочинил ничего лишнего к тому, что действительно должно произойти, хотя сказано «*Quod de futuris non est determinata*» *omnino veritas* (нельзя с абсолютной точностью определить то, что имеет самое прямое, непосредственное отношение к будущему). И это верно, Ваше Величество, что мое врожденное дарование унаследовано мной от моих предков.* Я думаю, что могу предсказать многое, если мне удастся согласовать врожденный инстинкт с искусством длительных вычислений. Но для этого необходимы большое душевное равновесие, предрасполагающее к прорицаниям состояние ума и высвобождение души от всех забот и волнений. Большую часть моих пророчеств я предсказывал с помощью бронзового треножника «*ex tripodae oeneo*», хотя многие приписывают мне обладание магическими вещами, которые,

* В отличие от некоторых новообращенных христиан юга Франции, Нострадамус никогда не скрывал своего еврейского происхождения и не отказывался от духовного наследия иудейской культуры, подчеркивая, что христианская культура многое от нее переняла.

по сути дела, являются ничем, ибо их нет не только у меня лично, но и вообще у кого бы то ни было. Только бессмертный Бог, исследовавший все глубины человеческого сердца, благодостный, справедливый и милосердный, — достоин быть истинным нашим судьей. Я молю его защищать меня от ярости и клеветы злых и невежественных людей, одержимых волей допрашивать и преследовать, а ведь Ваши древние предки, короли Франции, исцелялись от духовного недуга, называемого королевской злостью; были же и есть те, которые нашли действенные способы лечения искусанных ядовитыми тварями; не таковы ли и пророки, которые, руководствуясь необманувшим их инстинктом, не только верно предвидят то, что есть и будет, как правильно предвидели то, что было, но и предчувствуют самое страшное из того, что должно произойти настолько страшное, что об этом лучше здесь не говорить. Я действую вопреки тем, в ком длительное время бессильно задушить ярость духа. Я надеюсь, что после моей кончины к трудам моим отнесутся с большим почетом и доверием, чем отнеслись тогда, когда был жив. Но если я где-либо ошибся в моих вычислениях, времени действия будущих событий или ошибся в чем-либо еще и это произведет неблагоприятное впечатление, то прошу Вас, Ваше Императорское Величество, великодушно простить меня. Свидетельствую перед Богом и его Святыми, что у меня не было никаких намерений выступить в каких-либо писаниях или в настоящем послании против католической веры, именно потому, что я руководствовался астрономическими вычислениями, явившимися результатами моих познаний.* Определяя протяжение времени эпохи наших отцов, существовавших задолго до нас, я сознаю, что подвергаю себя опасности допустить некоторые неточности. В таком случае, пусть меня поправят другие ученые. Мы исходим из того, что наш Праотец Адам жил за тысячи двести сорок два года до Ноя. Не исчисляя

* Нострадамус против католической Церкви нигде не выступал, хотя это его послание Генриху II не что иное, как мольба о защите его «Центурий от произвола церковной цензуры. И от навета инквизиторов на него.

при этом время по старинным родовым записям, как делал Варро, но считаясь со Священным Писанием, что соответствует исчислениям и способствует моему пониманию. После Ноя и Всемирного потопа — это около тысячи и четырех дюжин лет — пришло время Авраама, бывшего величайшим астрологом в глазах многих людей и первым, кто изобрел халдейские письмена. После этого пришел Моисей, примерно пятьсот пятнадцать или пятсот шестнадцать лет спустя. Между временем Давида и временем Моисея прошло только шестьсот семьдесят лет. И после этого между временем Давида и временем Господа и Спасителя Нашего Иисуса Христа, рожденного Девой Марией, прошло (согласно некоторым хронографам) 1350 лет.

Некоторые могут оспаривать правильность моих вычислений на том основании, что они отличаются от вычислений Евзебиуса.* И от времени Спасителя человечества, — так что не надо поддаваться мерзостному соблазну сарацин, — прошло, примерно, 624 года. С тех пор не так уж трудно делать подсчет минувших времен. Пусть мои подсчеты не кажутся достаточно проверенными людям всех наций; все вычисления произведены мной в соответствии с движением небесных светил и взаимодействий с чувствами, охватившими меня в часы вдохновения, причем мои настроения и эмоции были унаследованы мной от моих древних предков. Но, чтобы избежать тем временем опасностей, мой величайший Король, необходимо, чтобы такие тайные явления выявились энигматической строкой, а не каким-либо иным путем; крайне важно, чтобы энигматическая строка имела бы только одно понятие и один смысл, не смешанный с неясностями, двусмысленностями и амфиболическими вычислениями. Но лучше под какой-либо туманной неясностью через естественное, внутренне справедливое постижение подой-

* Евзебиус (в России его называют Евзбием или Евсевием) — епископ Кесарии и ученый (264-340). Нострадамус имеет в виду такие его труды, как «Хронография» и «Хронологический канон». С этими трудами Нострадамус, видимо, ознакомился не в оригинале, а по латынским пересказам.

ти ближе к существу одного из тысячи и двух пророчеств, известных нам с сотворения мира, в соответствии с вычислениями и пунической хроникой Иоила: «*Effundum Spiritum meum super omnem carnem et prophetabunt filii vestri et filiae vestrae*».

(Излей от духа моего на всякую плоть, и будут пророчествовать и дочери и сыны ваши). Пророчества исходят из уст Духа Святого, обладающего безмерной и бессмертной мощью, о какой мы узнаем благодаря небесным светилам; и напрасно некоторым кажется, что даром предсказания наделены обладатели великих и бессмертных вещей. Что касается меня, то мной брошен вызов, именно тем вещам, которые неуютны Богу. Для меня истинно то, что идет от Бога и за это я благодарен ему, не смешивая с чем-нибудь то подлинно божественное, которое *à fato, but à Deo à natura which proceeds from fate, but from God, and nature* (Происходит от судьбы, но через Бога и природу). И многое в божественном я соединяю с движением и курсом небесных светил. Создается впечатление, будто смотришь через линзу и видишь как бы в тумане великие и грустные события и трагические происшествия, которые пронизывают мистическим ужасом всякого, кто углубился в молитвенное созерцание. Мрачное будущее ожидает Божьи храмы и затем проникает в сердца и души тех, которые поддерживали и укрепляли эти храмы на земле. И это нагрянет вместе с тысячью других бедствий, а ими — я это вижу — пронизаны будущие времена.

И Бог пощадит Великую Даму, считавшуюся бесплодной. И она наконец-то родит двух главных детей.

Но будучи в опасности, она родит их с риском для жизни, когда ей исполнится всего 18 лет. Но так и так она больше 36-ти лет не протянет; у нее будет трое мальчиков и одна девочка, а он будет иметь двух, у которых никогда не было одного и того же отца. Различие между тремя братьями будет такое, что если бы они договорились о совместных согласованных действиях, то это заставило бы дрожать три или четыре части Европы. Пройдет немного времени и христианская монархия получит

сильную поддержку и окрепнет; религиозные секты и верования будут входить в силу, но с тем, чтоб снова изведать падения. Арабов опять прогонят. Королевства начнут объединяться и возникнут новые законы. Что касается других детей, то первый станет властелином свирепых львов, с коронами на головах и хищные лапы львов первого сына будут над гербом. Второй сын, преданно сопровождаемый латинянами, пойдет вглубь львиного стана и будет наводить страх и ужас, совершив восхождение на Пиринейские горы.

Древняя монархия не устоит, раз придет третий всемирный потоп, только с океанами человеческой крови вместо воды. И Марс надолго забудет про великий пост.

Дочь будет дарована для сохранения церкви и тот, кто сделает больше всего для крушения новых языческих сект и учений, станет отцом двоих детей — конформированных католической церковью, — одного преданного ей, а другого — нет. Другой, который в своем ожесточении в позднем раскаянии доходил до стремления превратить католическую церковь в руины, объединит через тесный союз три области на территории; я говорю об Италии, Германии и Испании. И под его жесткой вооруженной рукой будут все те земли, которые простираются от пятидесятого до пятьдесят второго градуса широты.* А отдаленные области севера (около сорок восьмого градуса широты) будут воодушевлены собственной мощью, которая не может быть умерена никакими даже воинскими силами и этого будут сильно опасаться Запад, Восток и Юг. Природа сделала северян равными, но вера разными.**

После этого бездетная Дама еще более могущественная, чем вторая, будет признана двумя народами: первый станет противиться тем, который превосходит других в своем могуществе. А второй и третий будут продолжать

* Некоторые комментаторы «Центурий» считают, что это — Гитлер.

** Специалисты по флюктуативной психологии усматривают в этом положении Нострадамуса предчувствие рокового антагонизма Германии и России.

поход на Восток Европы; но здесь их силы будут остановлены превосходящей мощью противника; тогда второй снарядит морские экспедиции до Тринакрии и Адриатики с ее мирмидонцами.

Германия падет и варварская дружина будет совсем изгнана из латинских пределов. Тогда великия империя Антихриста воскреснет с восхождением нового Атиллы, и придут Ксерксы с неисчислимыми тьмами людей. Так что Благодать Духа Святого, начавшегося с сорока восьми градусов широты, оживет и прогонит омерзительного Антихриста, который пошел войной на самих королей, на великого пастыря Иисуса Христа и его церковь, и его королевства, и его владения *per tempus, et in occasione temporis* (ныне и присно и во веки веков). Но до этого будет солнечное затмение, самое мрачное из тех, какие были известны миру со дня его творения и со времен смерти Иисуса Христа до сих пор. И в октябре вспыхнет великая революция, которую многие сочтут самой грозной из всех, когда-либо существовавших. Жизнь на земле перестанет развиваться свободно и погрузится в великую мглу. А весной и после нее произойдут грандиозные перемены, падения королевств и великия землетрясения; и все это сопряжено с возникновением нового Вавилона, мерзкой проституцией, отвратительной духовной опустошенностью и это продлится 73 года и 7 месяцев.*

Вижу грядет возрождающий и обновляющий церковь Христову. Тогда настанет долгий мир, единение и согласие между новыми поколениями нескольких рас, долго живших обособленной жизнью в разъединенных королевствах. Он точно ветвь, которую напрасно считают засохшей, ибо и она зашелестела зеленой листвою. А блаженство будет таким, что и покровителю войн при раз-

* Если принять во внимание, что это пророчество имеет непосредственное отношение к октябрьской революции в России в 17-ом году, то надо согласиться и с тем, что начало крушения, порожденных этой революцией порядков, следует отнести к 1991-ому году. Окончательно же русская революция изживет себя в 2025-ом году. Можно ли этому верить? На это могут ответить лишь те читатели, которые откроют «Центурии» в период между 1991-ым и 2025-ым годами.

личии религий придется кануть в глубь, на самое дно, с тем, чтоб позднее воссоздать царство страха путем обмана, выдаваемого за мудрость. Страны, города, поселки, провинции, свернувшие с их прежних путей ради свободы, будут еще более сильно поработены и затаят злость против тех, по чьей вине они потеряли свободу и веру. И тогда слева разгорится великий мятеж, который приведет к еще большему, чем прежде сдвигу вправо. Тогда будут восстановлены поруганные святыни и прежние религиозные писания, так долго тезраемые после того, как победу одержал Великий Пес. Неудержимо свирепый пес был одержим страстью уничтожить все, содеянное прежде... Соборы и храмы будут воссозданы такими, как их видели предки новых молящихся, и духовенство будет восстановлено, воскрешая букву и дух былых времен, и оно станет продолжать богослужения до новых падений из-за распутства и роскоши, пока не будет совершена тысяча преступлений. Но по мере приближения благоденствия к иной, внутренней опустошенности в покровках из высшего и величественного появятся державы и военные руки, которые отнимут у этого благоденствия два меча, оставив ему лишь драгоценные ножны. После этого народ, не будучи в силах терпеть больше обман и коварство, которое его окружает, сделает все, что в его силах, чтобы выправить положение. А люди не хотят полностью покориться произволу и встретить конец от жестокой руки, которая опирается на провоцируемую ею почву.

В это время из ветви, бывшей долгое время безлиственной, и воспрянет тот, кто спасет людей всего мира от покорности и добровольного рабства. Ставя себя под охрану Марса и лишая Юпитера его величия и достоинств в другой маленькой Мессопотамин будет основан и благоустроен вольный город. Вождя и губернатора города вознесут из благополучной середины на самое высокое место под Луной и под Солнцем, не подозревая о заговоре и заговорщиках во главе со вторым Тразибулусом, который долго обдумывал и подготавливал свое дело.

Тогда духовная грязь и безобразия будут преданы

великому стыду и воссияет свет, замаскированный темным покровом, но свет угаснет к концу перемен в этом царстве. И многие ведущие люди церкви отринут божественную любовь и станут отступниками от настоящей веры. А у трех религий (лютеранской, католической, магометанской) все, что находится посреди будет превращено в руины деяниями молящихся. Первая религия распространится по Европе, а большая часть Африки, благодаря духовному обнишанию, станет подвластна третьей религии и здесь все будет поднято на дыбы безумием через похотливую роскошь, предрасполагающую к прелюбодеяниям и изменам. Народ, соблазненный этим поднимется, чтобы поддержать это и прогонит оставшихся верными законности и законодателям. И будет казаться из царств, испорченных пороками и людьми Востока, что Бог-Творец выпустил Сатану из темницы в преисподней из-за чего могли родиться Великий Пес и Дохан (Гог и Магог). Ими будут пробиты такие хамские бреши в церкви Христовой, что ни красные, ни белые, оказавшиеся без глаз и без рук, не смогут осознать ужасов всего этого. И они еще не уйдут от суда и могущество их будет отобрано от них.*

Потом будут жесточайшие гонения на церкви каких еще никогда не было. И настанет наивеличайшее бедствие: злые силы сокрушат две трети мира; одна треть сохранится, но никто уже не сможет установить, сколько осталось на свете подлинных хозяев полей и домов. И будет великое истребление духовенства. Великий полководец станет узурпатором, захватив то, что придет с города Солнца, с Мальты, с Иерезских островов; и будут сняты великие цепи, чтобы сделать судоходство свободным с порта, который называется Морским быком.** С морских побережий надо ожидать новых нападений, которые могли бы отоб-

* Русские апологеты «Центурий» считают это место Послания Генриху Второму вершиной пророческих озарений Нострадамуса. Для них все это — изображение катастрофических последствий октябрьской революции и особенно сталинских гонений на православную веру в трагедийно-апокалипсических символах.

** То же, что Босфор.

рать Костуланский плацдарм от первого магометанского захватчика; и штурм не будет напрасным, и местность, где обитал Авраам будет атакована теми, кто благоволит джовиалистам. Великий восточный город Ахет будет обложен со всех сторон. Против него соберут хорошо вооруженных людей, обладающих великой мощью, но их морские силы будут ослаблены людьми Запада.

В этом царстве будут огромные разрушения. Многие крупные города станут безлюдными. И на тех, которые все же доберутся туда обрушится месть и гнев Бога. Гроб Господен, который столь долгое время держали в великом почете будет прозябать под вселенскими просторами небес — под Солнцем и Луной. Святое Место испакостят и загадят, превратив его в хлев для большого и малого скота.

Боже! Как тяжело жить в эти времена женщине с ребенком! Главный правитель, который глубже других проник на Север и Запад, преобщив их ко множеству людей будет поработен и убит. А все другие, после страшного поражения, станут спасаться бегством. А дети, рожденные от правителя многими женщинами, будут посажены в тюрьмы. Тогда-то и сбудется предсказание Пророка Царей. *Ut audiret gemitus compedictorum, et solveret filios interemptorum* — «(Да придет пред лице твое стенание узника; могуществом мышцы твоей сохрани на смерть»). Предвижу, какие притеснения придется вытерпеть принцам и губернаторам королевств, особенно тем, которые будут жить по соседству с Востоком или вблизи у моря, и их язык смешается с языками всех наций. Так латинский язык смешается с арабским и с языками Северной Африки. Все восточные короли будут выгнаны за пределы их земель и это ни к чему не приведет: не только из-за могущества северных владык и не только потому, что будут большие перемены в новых временах, но и из-за тайных союзов, ответственных за многие смерти, потому что союзы будут нападать друг на друга.* Обновление

* Есть мнение, что тут под тайными союзами Нострадамус подозревает политические партии грядущих эпох.

триумвирата будет длиться семь лет. И слава нового вероучения, будет распространена над всем миром. И жертва ничем не запятнанного Святителя будет принята небом. И тогда появятся два властелина. Они станут победителями в борьбе Востока на стороне Севера. Дерзостные сражения поднимут при этом такой шум и грохот, что вся земля будет дрожать от страха перед этими двумя братьями с Севера, которые еще не стали братьями. (Нострадамус подразумевает братьев по духу, а не по крови.)

Я знаю, Ваше Величество, что о многих вещах я говорю в своих пророчествах неясно и туманно, особенно, когда подходишь к временам событий, которые непременно будут, потому что вычисления последующих времен очень мало сходны, если вообще сходны с тем, что я делал раньше, потому что я руководствовался астрономическими правилами и указаниями Священного писания, и они не позволили мне ошибаться. Я бы мог дать точные даты для каждого из всех моих катренов, указав на время действия событий, которые должны были произойти. Но это не пришлось бы всем по сердцу, как и то мое толкование событий, которое было бы проясненным.

И Вы, Ваше Величество, не даруйте мне прав на это, чтобы не давать моим клеветникам повода предпринять что-либо против меня.* Несмотря на это, если вести счет годам, протекшим с сотворения мира до рождения Ноя, устанавливаешь, что за этот промежуток времени прошло 1506 лет и что от рождения Ноя до построения ковчега во время Всемирного Потопа прошло 600 лет (эти годы мы станем называть солнечными, лунными и смешанными), и я полагаю, исходя из Священного Писания, что то были солнечные года. И после этого Ной вошел в ковчег, чтобы спастись от потопа, который был всемирным и длился год и два месяца. И с конца потопа до рождения Авраама прошло 295 лет, и от рождения Авраама до рождения Исаака протекло сто лет, а от рождения Исаака до

* И это место Послания еще раз наводит на подозрение, что Нострадамус искал у Генриха II защиты от церковной цензуры, а может быть, даже от Инквизиции.

рождения Иакова — шестьдесят лет, и со времени прихода его в Египет, пока он не вышел оттуда, прошло сто тридцать лет, и с тех пор, как Иаков прибыл в Египет, пока его потомки не вышли оттуда, протекло 430 лет и со времени исхода из Египта до построения храма Царя Соломона на сороковом году его правления прошло 480 лет, и с поры, когда по данным хронографов был построен Храм Господа Нашего Иисуса Христа прошло 490 лет. Итак, судя по этим вычислениям, которые я извлек из Священного Писания, все это взятое вместе дает 4173 года, и что-то около 8-ми месяцев. Но о времени между рождением Христа и предыдущими эпохами я ничего не говорю, поскольку на этот счет существует множество различных мнений. Я рассматриваю настоящие пророчества, как последовательную сущую во времени цепь, которая движется по своей орбите, подчиняясь астрономическим законам. Меня же лично ведет в будущие времена мой врожденный инстинкт. Известный период времени, включая тот промежуток, который понадобится Сатурну, чтобы совершить оборот, будет длиться с 7-го апреля до 25-го августа, если принять во внимание оборот Юпитера — это продлится с 14-го июня до 7-го октября, Марса с 27-го апреля до 22-го июня. Венеры с 9-го апреля до 22-го мая, Меркурия с 3-го по 24-ое февраля; затем с 1-го по 24-ое июня, наконец, 25-го сентября по 16-ое октября. Сатурн будет в Козероге, Юпитер — в Аквариусе, Марс — в Скорпионе, Венера — в Рыбах. Меркурий будет через месяц — в Козероге, Аквариус — в Рыбах, Луна — в Аквариусе, Голова Дракона — в Либре, а Хвост — на другой стороне от Знака. После соединения Юпитера с Меркурием в плане соотношения Марса с Меркурием — Голова Дракона соединиться с Солном и Юпитером.

Год этот будет мирным без затмений.* Начало же это-

* В этом месте скептики ловят Нострадамуса на противоречиях — что это за мирный год, если самое начало его омрачено гонениями на церковь. Но противоречение это — кажущееся. Нострадамус говорит, что год будет мирным без землетрясений, наводнений и других природных бедствий, но бедствие, причиненное людьми и природное бедствие — две вещи разные.

го года будет омрачено такими жестокими гонениями на христианскую церковь, каких даже в Африке не наблюдалось. И это произойдет в 1792-ом году. А ведь в этих годах каждый будет усматривать предшествование обновленной эры.* После этого романский народ выправится и удалит подозрительную тьму, вернув себе часть преждего света. Но теперь уже без очень больших разъединений и непрерывных перемен. Венеция после этого взмахнет могущественным крылом и взлетит так высоко, что силу и влияние ее станут сравнивать с силой и величием Древнего Рима. В то же время византийские паруса в сочетании с итальянской помощью и мощью Севера, будут неодолимым препятствием для противника. Так что эти с Крита не станут придерживаться своей веры. Их дружбы будут искать поднятые волной Нептуна корабли, построенные по типу тех, что сооружались в древности военными людьми.

В Адриатику придут великие раздоры. То, что было скреплено — рассыпется. И там, где раньше стоял большой город — останется лишь дом. Это относится к Пампотану и к европейским землям — на 45 градусах и к другим странам в 41-ом, 42-ом и 47-ом градусах широты. Адские силы в этих странах поднимутся на Иисуса Христа. Придет второй Антихрист и он будет преследовать церковь и преданных ей священнослужителей при содействии могущественных властителей, которые в неведении своем будут заморожены более острым, чем меч в руках безумца языком великого человека. Царство этого Антихриста не будет длиться дальше того, кто порожден веком.

А другого из города Планкус (Лион) будут сопровождать избранные Мадены, Фульсея при Ферраре. И он будет поддержан Адриатикой и лигурийцами и будет близок к великой Тринакрии (Сицилии). После этого галльский Огмион* пройдет через Монт Жавье (Барсе-

* Тут астрологическая математика привела Нострадамуса к предвидению французской революции. И французские и русские апологеты «Центурий» придают этому месту Послание Генриху II исключительное, если не решающее, значение; а скептикам, которые не всегда неправы, очень трудно возражать.

лона), ведя с собой такое множество людей, что даже вдали от империи на них распространятся внутренние законы ее. И через известный период времени будет пролита кровь невинных. И крови этой будет так много, что в ней едва не утонут пролившие ее.

Тогда память об этих бедствиях и событиях будет смыта большими наводнениями и даже в письменах ничего нельзя узнать будет об этом, потому что и у летописей онемеют уста. Это и произойдет с северянами, но воля Бога опять свяжет страну и у мужей настанет мир во всем мире, и Церковь Христа будет свободна от притеснений, хотя азустианцы то есть развращенные и дерзнули бы смешивать с медом сови ядовитые соблазны. Это произойдет примерно в седьмом тысячелетии, если христианские святые не будут попораны неверующими, что придут с Севера. Мир будет близок к великому всеожожению, хотя вычисления в моих пророчествах распространятся и на более дальние времена.

В Послании, которое я несколько лет тому назад посвятил моему сыну Цезарю Нострадамусу, я открыто утверждал, что есть вещи, которые нельзя назвать предсказаниями в строгом смысле слова.** Но здесь, Ваше Величество, мы пронизаны предчувствием великих и чудесных событий, которые узрят те, что придут после нас. И надо признать — при помощи астрологических вычислений, в гармонии со Священным Писанием, что преследование духовенства начнется силами Северного правителя, соединившегося с Восточным. Эти гонения на духовенство будут длиться одиннадцать лет и немного меньше, до падения северного вождя, когда его время придет к концу и его заменит вождь, объединивший Юг. При нем будут еще более жестокие преследования духовенства и церкви в течение трех лет, и будут дважды использованы апостольские чары, того, кто наделен абсолютной властью над воинствующей церковью Бога. Служив-

* Некоторые апологеты Нострадамуса видят в Огмионе Наполеона с его правовым кодексом.

** Вероятно Нострадамус имел в виду предостережения, вызванные верной и трезвой оценкой ближайшего будущего.

шие Богу святые и все те, которые действуют по Божеским законам и почитают религию, будут терпеть гонения, и кровь их будет литься через край. И крови, пролитой одним из этих ужасных властителей, будет больше, чем вина где-либо и когда-либо изготовленного. Властитель сказал, что будут совершены небывалые преступления против церкви. Человеческая кровь потечет на людные улицы и храмы струями проливного дождя. Ближайшие к этим местам реки будут красны от крови. И во время сражений на морях, воды их тоже станут красными, так что один правитель скажет другому: «*Bellis rubuit navalibus aequor* («море окрашено в киноварь кровью морских боев»). Затем в тот же год и в последующие годы придут чума, грабежи и такие большие нашествия, каких со времен христианской церкви еще не было у режимов, под которыми жили латинские народы. Это оставит некоторые последствия в нескольких землях под испанским владычеством. Тогда третий северный царь, прослышав по недовольство народа главным титулом, который он присвоил себе, создаст такую огромную армию, что превзойдет все содеянное его предтечами и предками. И благодаря этому он и его приближенные сохранят ключевые позиции в своем государстве. Великого первого иерарха формально восстановят в его прежних правах, но душа его будет опустошена и потрясена, когда его вернут к прежним святыням, которые станут поруганными и разрушенными новым язычеством. Ветхий и Новый Заветы тогда будут осмеяны и сожжены.* После этого Антихрист делается принцем ада. То будет последняя эра христианских государств, а также эра ссорящихся с ними в течение долгих лет царств, возглавляемых неверующими. И тогда придут многие горестные войны и битвы. Города, поселки, замки и другие строения будут сожжены, сломаны и разрушены. При этом будет

* Русские апологеты «Центурий» видят в этих странных словах предвидение сталинской власти и горестной роли святейших православных патриархов при коммунистах. Хотя среди русских апологетов Нострадамуса есть даже такие, которые уверены, что речь идет не о Сталине, а об Иване Грозном.

пролито много не только воинской, но и девичьей крови. Отчаявшиеся вдовы с грудными детьми станут из мести бросаться на стены городов. И так много зла придет от принца ада — Сатаны, что весь мир еще долго будет лежать в запустении и разрухе. Но прежде, чем это случится, многие необычного вида птицы* будут взрывать воздух криком: «хей, хей!» («теперь, теперь!»). И до тех пор эти крики будут слышны, пока птицы не скроются из глаз. А еще позднее наступит время деятельного добра, и возобновится правление Сатурна и Золотой век. Бог-творец однажды скажет: «Не надо больше горестей и страданий у созданных мною народов». Сатана будет связан и низринут в бездну. Так начнется благословенная эра вселенского мира между Богом и человеком. Эклизиастская мощь проявит свою силу и Сатана будет скован на тысячу лет, пока не воспрянет снова. Еще раз скажу, что все мои образы и мысли пропитаны божественным духом, духом Священного Писания. Можно сказать, что Сатурн, Юпитер, Марс и другие планеты и звезды соединятся с этим духом и обо всем этом можно судить по моим четверостишиям. Я мог бы вычислить это более глубоко и координировать это с вычислениями других ученых. Но я вижу, о мой бесподобный Король, некоторых, готовых проверять меня, и я отсылаю свое перо к полному покою.

“Multa etiam, o Rex potentissime proeclara, et sane in brevi ventura, sed omnia in hac tua Epistola, innectere non possumus, nec volumus, sed et intelligenda quaedam facta, horrida fata pauca libanda sunt, quamvis tanta sit in omnes tua amplitudo et humanitas homines, deosque pietas, ut solos amplissimo et Christianissimo Regis nomine et ad quem summa totius religionis auctoritas deferatur dignus esse videare.”

(«В мире так много вещей и событий, мой Король, которому все подвластно, что я не смог бы объединить и описать в этом послании всего наиболее примечательного, что должно произойти в близком и далеком буду-

* Может быть, аэропланы.

щем. Но по логике определенных фактов, интеллигентно освещенных мной, несколько событий, над которыми тяготеет злой рок, составили экстракт этого моего послания. Ведь Ваши широта и человечность так велики, как и Ваше соучастие к Богу, что Вы один кажется достойным великого титула, о мой наихристианнейший Король, и мне хочется верить, что Ваш высочайший авторитет и понимание всех религий сделает Вас снисходительным ко мне»).

И я умоляю Вас, наимилосерднейший Король, зная Вашу редкую и благоразумную доброту, поймите, что я действую по велению моего сердца, и это — залог того, что я повинуюсь Вам, мой бесподобный Король, с тех пор, как я своими глазами видел Ваше королевское величие, я стал стремиться к тому, чтобы за моими словами было признано их значение.

Ваш верноподданный Михаил Нострадамус
Solonae Petrae Provancae

Послание это было отправлено из Салона
27 июня 1557 г.*

* Составлено и окончено оно было, видимо, несколько ранее.

ЦЕНТУРИЯ VIII

Эх, Лорон, Пау, Ней, кровь сочится сквозь пламя,
Полководец идет по земле и воде,
И Помпон и Дюранс видят рваное знамя,
Что взметнулось навстречу превратной судьбе.

От молнии рушатся стены в Гаронне
И в небе грохочет суровый огонь,
Кондон, как и Экс, злой войною затронут,
А Марсу был люб бронированный конь.

Резвирс с Вигиланом — в раздорах и тяжбе,
Кто ближе всех к младшему сыну Нанси?
Теперь в Вигилане завистлив был каждый
Лион в этих склоках не видел красы.

Петух будет, знаю, оставлен в Монако,
И это французский поймет кардинал,
Орел слишком слаб для решительной драки,
Петух же и силу и крепость забрал.

В Бретеле сияют все лампы и свечи
И блеск бриллиантовый всюду струят,
Был гроб короля торжествующей горечью встречен;
Преемники Франции славу хранят.

Лион содрогнется от яростных взрывов
И Мальта от скорби поникнет главой,
Сардон Маурис обманул некрасиво,
Петух! Встреть измену и дикий разбой.

Версаль и Милан держат факелы мира,
К Тицину целебный огонь принесет,
Вся Сена ликует на дружеском Пире,
И демон Флоренции битв не зажжет.

Лютерн вместе с гроздьями ферм у Шиваза
Составят единый оплот для орла,
Они против выборов выступят сразу,
В Турине невеста бессчастье снесла.

Петух и Орел будут в битвах едины
Противники: Венгры, Палермо, Левант,
Колючие проволоки, верь, сокрушимы,
Над Римом взовьется союзный штандарт*

Он рвет на куски это странное войско,
Во взрыв претворенный небесный огонь,
Был запах с Лозанны удушливым, стойким,
И людям неведом источник его.**

Толпа заметаясь вблизи от Винченца:
Ведь весь базилик был охвачен огнем
Венеция! Знай, что борьба бесполезна
Большой валенсиец изведает гнет.

Двоих увидали вблизи Буффалора,
Высокий и сильный стремился в Милан,
А Фойский аббат мужиком переряжен был скоро,
И Сент Маурисцам известен обман.

Хмельнее вина страстность женщин влюбленных
И Беллерофонтом погублен Прейтус,
Просторы небес для крылатого флота пригодны,
И к смерти строителя с жертвой ведут.

Нас ждет золотой и серебряный кризис,
Никто не поверит нам больше в кредит,
Надменность продаст драгоценные ризы
И женскую честь не спасти от обид.

* Этот катрен итальянские астрологи считали предвидением крушения фашизма в Италии.

** В этом катрене есть предвидение газовых атак в сочетании с воздушными бомбардировками в первую мировую войну.

Великая женщина Север разбудит
И блеск всей Европы к себе приведет,
При ней два затмения мир не забудет,
И Польша к великому горю придет.*

Сюда наводнение нахлынет внезапно,
И волны покروют античный Олимп,
Никто не спасется от гибели страстной,
И к илу корабль Язона прилип.

Врагом окружен будет город у моря,
Где властвуют голод, пожары и кровь
Три брата — три деспота мир перессорят.
Мешается с пеплом родительский кров.**

Традиции губят и затхлость и плесень,
Раз падает древо — спасайте плоды.
Три лилии Франции вянут от бедствий,
Чего же нам ждать от новейшей звезды?

В борьбе на верхах много злобы и споров,
Кого ж вознесет новый переворот?
Разрушены семьи жестоким террором,
Раз красного красный возьмет в оборот.***

Церковные выборы станут подлогом,
Глядите: часовни по горло в крови.
В почете — создатель фальшивого слога,
Он подкупом к власти придти норовит.

Черны паруса под мостом порта Агда,
Чума проплывает на трех кораблях,
Здесь тысячи жертвы бубонного ада,
Мост рухнул, и всюду безумствует страх.

* Многие комментаторы Нострадамуса считают, что это — Екатерина Вторая.

** Есть русская точка зрения, согласно которой это предвидение Нострадамусом блокады Ленинграда во вторую мировую войну.

*** Катрен, породивший самые противоречивые толкования. Для одних — это предчувствие заговора кардиналов против папы, для других — предвидение оппозиционной борьбы внутри коммунистической партии Советского Союза.

Корсан и Нарбонн шлют посланье Тучану,
Куль с солью надежно посланье хранит,
Поможет ли Римский эдикт Перпиньяну,
Что, Вольрап, окончена серая жизнь?

От писем таких покраснеет шкатулка,
Самой королеве любовник писал,
Сыск рыщет теперь по любым закоулкам
Но кто он? Об этом никто не узнал.

Уже лейтенант перед черною дверью.
Теперь Перпиньяну низложенным быть,
Спасайся, раз в горную лестницу веришь,
Бастард Лузиньяна обманом разбит.

Возмездье за страсть не сравниешь с любовью,
Отцовской наложницей сын овладел,
Двойной ручек обагрется кровью,
Колышатся двое безжизненных тел.

Взойдут и взрастут позабытые зерна,
А их раскопают среди древних руин,
Колосья златятся над почвою черной
И благостен дождь Монсерратских равнин.

Как феникс из пепла, взлетит его слава,
Хотя император к паденью придет,
Железный корабль, ошибки исправив,
К созвездию арок Оксельских придет.*

Где ж древний золотой и серебряный идол?
Его не убьют ни огонь, ни вода,
Поэты и скульпторы служат ему панихиды,
А книги и статуи будут всегда.

Ее сбили с ног наводнение и землетрясение
Колонну четвертую древних руин...

* Катрен, поразивший воображение многих. Есть мнение, что Нострадамус предвидел недооценку Наполеоном проектов изобретателя пароходов Фултона.

Сатурн! Погребальная урна нетленна:
В ней золото вместо костей, на прими!

Когда созидали театр для зрелищ,
Два клада случайно пришлось раскопать,
Добро или зло землекопы задели?
О том близ Базакля придется узнать.

Пошел далеко юный принц Пескарийский,
Но плод будет горьким на дереве зла,
Ведь турок молодой, подвергаяся риску,
В борьбе его к скорби и гибели звал.

Есть ярость и злоба в глазах у Венеры,
Убит твой племянник, французский король!
И девять убийц будут в гневе безмерны,
И трон твой изведает горе и боль.

Блеск молнии будет светить его имя,
В Вероне, в Винценте его колыбель,
Его на Венецию месть и карьера поднимут,
Но ждут его гнев и немилость небес.

Число жертв превысило шесть миллионов,
Холм братской могилы затмил бы Юру,
Лионцы своих же тузят под Лионом,
В боях у Мазола Ульм шею свернул.*

Хлад северный ветер несет Марзавесу,
И ярость мезанцев скует Дордонис,
Лес близь Дамазана вниз голову свесил,
Блуа и Гаронну судить будет вись.

* Катрен, вызываемый большие споры. Есть апологеты Нострадамуса, которые целиком относят этот катрен к еврейской трагедии во вторую мировую войну. Другим такое толкование этого катрена представляется произвольным, даже тем, которые находят в «Центуриях» свои достоинства; согласно другой точки зрения Нострадамус предвидел, что войны между европейскими государствами повлекут за собой множество человеческих жертв во всех враждующих сторонах.

Да герцог еще посчитается с Онде,
Белувр им тоже не будет забыт
И треснувший мрамор стал людям негоден,
Теперь Блетьерану без отдыха быть.

Вся в трауре старая крепость близь Темзы,
Король без камзола стоит у моста,
Его голова с плеч слететь не замедлит.
Диктатор не даст сердобольным роптать.*

Король из Блуа власть возьмет в Авиньоне.
Поднимется ропот среди горожан.
Тут пять непокорных со стен скинут в Рону,
Один же до Ноле успел добежать.

Что ж! Принц византийский стал жертвой крушенья,
А вождь Толентайн — победителем в фойских боях,
Жену неудачника вниз не сорвет поражение,
Тулузский же принц волновался не зря.

Таур и Дорад эту кровь не прощают,
И вот Сатурнинец возмездью не рад,
Идут к Албанину, сверкая мечами,
И в новое озеро рухнет Майнад.

Тихоня стал хитрым и ловким тираном,
Когда он пробрался на Папский престол,
Доверчивой пастве наносит он раны,
По лисьи пушистым виляя словцом.

Всему виной сила, насилие, скупость,
И вождь Орлеана в досаде на них.
Смотри, Сент-Мемир! Штурм споткнется о трупы,
Погибший в шатре непритворно притих.

Фанатик-маньяк стал опорой народа
И к власти пришел через злобу и кровь,

* Катрен, в котором усматривают гибель короля Чарльза Первого, обезглавленного по велению Кромвеля 30 января 1649 года.

Взметнулась эмблема плебейского рода,
Мятеж разрушает родительский кров.

В дерзаннях он превзошел Огмиона,
Но в семь или в девять свернул он с пути,
Так зверь в человеческом обличье мечтает о троне,
С Наварры до По он намерен пройти.

Он ногу сломал, и рука перевязана шарфом,
Таким был Луи, уходя из дворца,
Здесь смерть тронет труны у траурной арфы,
Пасхальный хорал не долет до конца.*

Страшится двух затруднений в Тараре,
И Манзоле в страхе за римский союз,
Три брата французских, орел и петух будут в ссоре,
Кровавого трона под Марсом боюсь.

Ты было свидетелем битв Ганнибала
О озеро! Где же коварный де Пол?
Скольких убиенных на дно твое канут**
И яростной немец в атаку пошел.

Предвижу войну в планетарных масштабах,
Три армии грозных республику рвут,
Созвездия против и сильных и слабых***
Но все ж Кальдондон от разгрома спасут.

Созвездие в факелы гроз превратятся,
Тардайцы, я знаю, прорвутся в Бруджес,
И с гибелью вождь Барабарин в Понтерозе
встречался,
В февраль, в день шестой, смерть царила окрест.****

* Есть точка зрения, что это — аллегорическое изображение трагической судьбы Людовига XVI.

** Речь идет о Трансменьянском озере.

*** Сатурн будет в созвездии Рака, а Юпитер приблизится к Марсу.

**** Когда Сатурн будет в созвездии Быка, Марс приблизится к Стрельцу, а Юпитер будет в воде.

Сагун! Над тобой горевая комета.
Вокруг Кападильо и голод и мор,
Стал рыцарем зверь, добряком обогретый,
Тунисец большой обезглавлен, но казнь — не позор!

Колон повторяет судьбу византийцев,
Кордова его принимает опять,
Сквозь зависть его кораблям не пробиться,
Отшельником будет он жизнь созерцать.*

Король из Блуа власть возьмет в Авиньоне,
Сквозь Линден его с Анбуаза вело,
Здесь воля монарха всю церковь с мест стронет,
И Гвоздь из Пойтриса калечит святое крыло.

Божий храм омыется солнцем и правдой...
Кто в Булони смывал пятна прежних грехов,
Тот взлетел высоко, но ему иерархи не рады;
Он блестящий сановник, а патер плохой.**

Генрих Сильный был великодушен,
Добиваясь вступить в этот брак,
Сент Квентин и Аррас. Путешествия ждут ваши души,
И Мацеллум*** второй вел испанцев во мрак.

Мост спешно построят из бочек и чанов,
И будут разрушены восемь мостов,
Пленили вождя, и отряд его в ранах,
Ножи режут глотки у лучших сынов.

Беда, коли в партии воля ослабнет
И в левую пропасть обрушится стон,

* Этот катрен восьмой «Центурии» тоже вызвал множество различных толков. Одни полагают, что это — реквием по Христофору Колумбу (Кристобалю Колону). Другие, возражая им, доказывают, что речь идет не о Колоне, а о местности Колонья и об испанском короле Карле Пятом, который провел последние годы своей жизни в тихом монастыре.

** Кое кому из комментаторов Нострадамуса кажется, что это — провидческая характеристика кардинала Ришелье.

*** Мацеллум, в смысле мясник.

Пусть в правом углу все реформы озябнут,
Раз будет открыт беспартийный закон.*

С простого солдата он стал полководцем,
Все выше всходя в боевых временах,
При нем на крестах гаснет ясное солнце,
И церковь изведает горе и страх.

Разделится братьями все королевство,
И диспуты стоит оружием сменить,
Британское имя и титул английский — в соседстве,
Кого ж воздух Франции здесь опьянит?

Ей дважды взлететь — дважды встретить паденье,
Ни Запад ее не принял, ни Восток,
Германию предала страсть и разрушеньям,
Страна получила жестокий урок.

Ведь их, как родных повстречают в Париже,
Вся Франция славит теперь англичан,
Большая победа все ближе и ближе,
Но все же Норларис страдает от ран.

Избави нас Бог от опеки дер Тага
Не верно, что здесь он навеки осел,
Растоптанный жезл его славится в сагах,
Свобода нужна нам для собственных дел.

На что ему Ронские эти святыни?
Захавтчик разграбит старинный собор,
Но демон бубонный их всех опрокинет,
Своих и чужих бьет губительный мор.

Из женской измены кровь хлынет потоком,
Замучена мать, раз не муж был отцом,
Убит и сынок, ставший жертвою рока,
Повешено восемь, невинных ни в чем.

* Поразительный катрен, который делает честь всей философии истории Нострадамуса. Режимы политических партий преходящи. И эти режимы будут сменены новой эрой, в которой беспартийность станет исторической закономерностью.

Детей острова все равно не щадили,
Совсем уж отчаялись два из семи,
Но всех их поддержки от лиги лишили,
Режим в Монпелье остальным был не мил.

Он сам разрушал все благие надежды,
Когда двадцать месяцев правил страной,
Тиран распинал человечность и нежность,
Но был еще худшим правитель иной.

Столетия отыщут забытые книги.
Мой факел в иных оживет временах,
Где троны исчезнут в восстаниях и сдвигах
И принцы в могилах прочтут письма.

Когда ни один, ни другой не был выбран,
Добился согласия безвестный Нерзас,
Народ за него: это пастырь большого калибра,
Колонья с Феррарой его не предаст.

Проворный юнец обманул кардинала,
И выбил его из позиций былых,
Пуская Акведук с усыпальницей принца того не
видали,
К интригам век новый, как древний, привык.

Восьмой, третий, первый... летят серафимы
С дерзающим взмахом святого крыла...
Старик был для юноши ангелом зримым,
Поддержка богов от бесчестных ушла.

Дикарь стал тираном у мессопотамцев,
Наложницу делит с врагами идей,
Он даже лицом почернел от злорадства,
Скотина, которая топит людей.

В грядущем предвижу расцвет астрономов.
Науку о звездах не сжечь на кострах,
Шестнадцать веков и семь лет вспомнит умный
потомок.

Открытья не меркнут во всех временах.

В день праздника были сраженья и беды,
Коней после боя накормят овсом...
Возможно ль Равенну поздравить с победой?...
И поле Перуджи познает разгром.

Король был избит полудиким солдатом,
И жадная мать довела их до ссор.
Но вот заговорщик идет на попятный
Всем варварство это урок и укор.

Приезд короля бесполезен для славы,
Бунт — праздник для жителей новой страны,
Свободными грубою силой не правят,
Энергия смелых там жизнь осенит.*

Отца вместе с сыном так зверски убили.
И был губернатор под сенью шатра.
Мать плачет над тайной сыновьей могилой,
Где светлая зелень уходит во мрак.

Он Англию всю на колени поставит,
Хотя он скорее палач, чем король
Законность и честь он на плахе кровавит,
Как скоро судьба даст ему эту роль?

Не даст ничего этой тройке Антихрист.
На двадцать семь лет затянулась война,
Все реки в крови. Трупы делают землю нечистой.
Мыслители гибнут; преступников греет страна.

Брагамас еретикам двери откроет,
Воинственность церкви при нем возрастет,
Здесь мертвые буквы идут грозным строем,
И только живая любовь не цветет.

Течет в его жилах кровь злобной горгоны,
И он разрушает деянья отцов,

* В этом катрене некоторые комментаторы «Центурий» усматривают предвидение возникновения США как свободного государства, которое станет независимым от Англии.

При нем будут совесть и слово в загоне.
Но сгубит себя этот вождь подлецов.

Злодейство замучает женщин невинных,
Кровь вдов потечет от великого зла,
Пожар от свечей угрожает иконам старинным,
И ярость людская в движенье пришла.

Величье империи смято разрухой,
Раз Север сумел за себя постоять,
Идут из Италии горькие слухи,
С тревожной Испании нечего взять.

Развенченный будет в постыдном изгнание.
В камзоле припрятаны яд и письмо...
С его тиранией страна в расставанье,
Убийство и страх не покинули дом.

Огромнейший парус покинет порт Зара.
Враги и друзья не потерпят потерь,
Близ Турции люди бывают недаром,
И третий двоих будет грабить теперь.

Бесстрашно лети, парусовое племя,
Сроднившись с грядой грозových облаков!
Триестский залив терпит грозное время,
Уйдет от Сицилии смелый поток.

Испанию с Францией ждет примиренье,
И Марс побледнеет теперь от венца,
Но брачное ложе разрушит смятенье,
И трудно уйти от плохого конца.

Бичоро, Бичоро!* — кричат эти люди,
В Байенну сбегаешь со многих мостов,
Тулузцы, Арнанцы здесь с гордостью будут,
И Монт Адрианцы слышали зов.

* «Победа» — по-провансальски.

Живет в нем кумир заповедных собраний
С паучьим крестом и рогами быка,
Безумный кабан изрыгал заклинанья,
И славу его проклинают века.

Трепещут поля вдоль извилистой Роны,
Им горько под знаменем антикреста,
Скольких наводнением сильным затронет,
И многие будут шептать и роптать.

Король благородный в Сардинии будет,
Но только три года он правил страной
Потом заметались продажные люди,
И он проиграл бескорыстной свой бой.

Его отлучили от тяжбы с народом
Конями растоптан был дикий тиран,
Он проклят своим же страдальческим родом,
Его не терпел даже собственный стан.

Не всячний считается с выборной властью,
И кровь невинных таких не страшит,
Случайно убитые — жертвы несчастья,
Пусть жестокого Бог на суде устршит.

Не сменишь его нашей прежней короной:
Он с армией как император и бог.
Солдат его в дальней стране погибает и стонет,
Вернувшийся вновь разорит свой чертог.

Он умер, семь месяцев правив прелатством,
И в схизме позднее был избличен.
Правитель Венеции строил и мир и богатство,
Семь месяцев ведая светлым лучом.

У озера смелое слово низвергнут
И кто воспрепятствует планам врага.
Медлительность станет крушеньем безмерным,
И грабят албанцы испанцев в горах.

Отступников скоро посадят в темницы,
Сурово связав по ногам и рукам,
Под знаком креста будет вера двоиться,
Фанатик с еретиком бьются века.

Я знаю, что часть синагог опустеет.
Библейским легендам сломают крыло.
Но только мученья и слезы евреек
Нельзя превращать в исторический лом.

Судьба переменит военную славу.
Посеявший штурмы руины пожнет.
В цветах — берега: Трех детей учат плавать,
Сквозь уголь и горе весна прорастет.

Прольется в восстаниях кровь духовенства,
Кощунства грозят затопить города.
Развалины храмов, как вестники бедствий,
Но истинный свет не умрет никогда.

Пусть знают, что папский престол передвинут
По воле сомнительных трех королей,
В том Кесарь, не дух христианства, повинен,
Но дух этот выше великих смертей.

Знать будет низвергнута: снизу придет верховодство,
Взрастут и мощь и мозг армий в грядущих веках.
Жизнь можно утратить шутя и бороться за правду
непросто.

Гряди: изобилье у голода с чашей без влаги в руках.

КАТРЕНЫ — ДВОЙНИКИ ЦЕНТУРИЙ VIII*

Когда ожидания многих обманут,
Народ реформаторам грех не простит
Воздушные замки в декретах завянут,
И сор от иллюзий по свету летит.

* Когда печатают восьмую «Центурию», то обычно в нее включают эти катрены-двойники, хотя не исключена окончательно возможность, что они вклинились сюда из седьмой «Центурии».

Возможен ли искренний мир между ними,
И кто из них выше — монарх или Господь?
Богов отвергают земные кумиры,
Дух Божий в монархе святит нашу плоть.

Народ вызывает и ужас и жалость.
Простой человек обманул сам себя,
Сражаются стаи волков, зубы яро оскалив,
В содружестве всех, никого не любя.**

Трибуны лелеяли ропот народа,
Внушая, что Бог будет против него.
Не всем негодующим это в угоду,
Раз добрых деяний не видно кругом.

Надежды на помощь все крепнут и крепнут,
Но, Господи, сколько ж приходится ждать!
Ведь силы народные блекнут и меркнут
И многим приходится долго страдать.

Ну что ж! Будет рад иностранный правитель,
Что Вену и Австрию с войском займет.
Трибуны, солдаты, остановитесь!
Пусть яростный гнев ваш скорее пройдет!

** Русские комментаторы Нострадамуса придают исключительное значение этому катрену-двойнику восьмой «Центурии»: в нем как будто разоблачается сущность лже-коллективизма, который выдает ненависть за любовь. Эта сущность называется в Советском Союзе новыми социалистическими отношениями между людьми.

ЦЕНТУРИЯ ІХ

Все письма — призыв к коренным переменам,
Бурэ, переводчик, их взял со стола, —
И здесь демагог с краснобаем тому набьют цену,
Кто множество благ всем своим обещал.

Скорее, скорее, скорей уходите!
Из монт Авентайна разносится зов,
Колонья с семьей! С Аримини и с Прато бегите!
Здесь жизнь насыщают страдания и кровь.

Ведь из ничего* вспыхнут бури в Равенне,
Бунт сильных пятнадцати душит Форнез,
А в Риме пожары и кровь благоденствия сменят,
Ведь два двухголовых уродца окрест.

Могущество двум дано выборной властью,
Изгнанник отброшен в позорную тень.
Разграблен весь дом и повсюду несчастья,
И в нови колышется пасмурный день.**

Из третьих рядов он продвинется в первый,
Опорой ему станет сброд, а не знать.
Тиран оккупирует Пизу и Люкку, наверно,
Громила с низов мог людей усмирять.

Полки англичан наводняют Кайену,
И здесь аквитанцы присвоили власть.
Ну как, лангедок, хороши перемены?
Вот барбокситанцев намерены звать.

* В оригинале лат. *magna vagna*, то есть великое ничто.

** Русские комментаторы Нострадамуса склонны усматривать в этом катрене предчувствие борьбы между Сталиным и Троцким.

Злой дух обитает в старинной гробнице.
Открывший — захлопни ж, захлопни скорей!
Но поздно, и бедствию дали разлиться,
И лучших оно не щадит королей.

Никто не уйдет от возмездия свыше,
Сам Бог покарает волчат и волков.
Отца принц убил, и потомки об этом услышат,
Цени ж Тайнописцев минувших веков!

Мистический свет виден в храме Весталок,
Останки колонн точно мачты затопших судов.
Тень девочки с лампой в руках пробежала.
Низмесцы! Разлив сокрушает ваш кров.*

Монах и монашка у трупа ребенка,
Чье тельце стекольщик случайно нашел...
К военному лагерю с Фойкса проложены тропки,
Готовься Тулуза принять эту боль.

На смерть осужден был совсем невиновный,
И зрелище казни пьянило людей.
Потом здесь чума разжигала жаровни,
И судьи бежали отсюда скорей.

Кому серебро этих статуй вернули?
Диана с Меркурием видят озерное дно,
Рыбешки над старым сосудом блеснули,
И золото в нем никому не сдано.

* Весталки, как известно, должны быть девственницами, пока продолжается их служение и подчинение языческим ритуалам. Провинившихся, особенно уличенных в прелюбодеянии, тяжело наказывали, вплоть до того, что живьем зарывали в землю вместе с наполненной горючим веществом лампой, куском хлеба и кружкой воды. В южной Франции и в Италии, где немало развалин языческих храмов, есть легенды о загадочном свете в развалинах храмов весталок и призрачных фигурах, которые держат зажженные лампы в руках. Появление призрака и видимый в руинах свет — не к добру: будет наводнение или неурожай.

Бежали они из темницы салонской,
Свирепый болоньец, моденские два,
Костер с Буранкоза открыл их тряпье и обноски,
И ночью всех видно у скользкого рва.

Готов для преступников чан над Равенной,
Чан с медом, с оливковым маслом, с вином.
Живьем в нем кипеть будет всякий повинный:
Семерка предстанет в Бордо пред судом.*

Парпан не сумеет помочь кардиналу.
Куда же, куда непокрытым бежать?
Три мирных и немощных пять устояли.
Бургонский прелат может их поддержать.

Блеск молний одобряют лихие созвездья,
Тот блеск омрачит центр Майенских лесов.
Кровь с листьев стекает на зверя из бездны,
Великие люди похожи на псов.

Страна не сорвется в глубокую бездну.
Решительный Франко друзей созовет.
Пускай неприязнь дипломатов исчезнет:
Испания силой традиций живет.**

Что ж! Новый король любит кровопролитье,
И умер для Франции век золотой.
Вы третьего сына Нероном Креста назовите,
И он воссоздаст Форнерон дорогой.***

* Это жестокий род казни, применявшийся в древней Франции. Осужденных живьем кипятят в оливковом масле с примесью меда и вина.

** Один из катренов «Центурий», который для апологетов — неопровержимое доказательство пророческой силы Нострадамуса, а для скептиков — одно из немногих счастливейших и редчайших совпадений. Это, по мнению скептиков, стрела, наугад пущенная в будущее и совершенно случайно попавшая в цель.

*** Некоторые комментаторы Нострадамуса указывают, что Карл IX был третьим сыном Генриха II, и усматривают в этом катрене еще одно предчувствие Варфоломеевской ночи.

О славе империи знают фламандцы,
Дофин сделал лилии частью Нанси.
Уйдя с лучших мест, трудно с болью расстаться,
Под гнетом препятствий сам Монморанси.

Он ночью идет сквозь леса возле Рейна,
А камень белеет в Волторте-Херне,
Весь в сером монах вызвал бурю в Варенах,
Где вольные люди и храмы в огне.*

С собора Блуа виден мост чрез Луару,
Король и прелат встретят зло на мосту.
У Лонских болот воевали недаром,
Раз все духовенство отсюда сметут.

Придворным здесь надобен вкрадчивый шопот:
Король был в соборе вблизи от дворца,
А Альба с Мантором, ступив на садовые тропы,
Кинжалом и словом пронзают сердца.

Недаром обрушилась кровля у дома.
С продавленным черепом сын короля.
Молитва отцу не приходит на помощь,
И праздничный блеск не полюбит земля.

Их двое, детей королевского дома.
Карета бежит от дворца над скалой,
Поездку сады монастырские помнят,
Где плод незрелый качался с листвою.

Известье летит из Испании птицей,
Крылом задевая куст роз у моста...
Быстрее, чем мысль эта весть разлетится:
Безирс для погони еще не устал.

Уход его глуп: нет серьезной причины.
Неверно, что папа ему угрожал.

* В этом катрене усматривают пророческое предвидение Варенских злоключений Людовика XVI.

Люблю освежающий ветер в Пиомбино
И стены в Вультрее в зеленых плащах.

Достигший высот изменяет дофину.
Мост сломан, и ветер повалит забор.
Но старый Текон в тех делах неповинен
И герцогу стелет в знак дружбы ковер.

Встречай Геную и Сицилию пушечным громом!
Летит над Иллирией рой парусов.
Не видишь: с Венеции и Масильона
Противник с венгерцем схватиться готов.

Да! Он Сен-Квентин никому на уступит,
И он же с упорством захватит Каллас,
Дома, корабли у Шарье испугаются крови и трупов,
Так новый порядок встречают у нас.

Пуолская гавань и Сент Николас видны с борта,
Корабль норманов качал фанатичный залив.
«Алла!» — слышен крик с Византийского порта,
Кадиз и испанцы крестов не сдали.

Земля на куски раскололась от взрывов,
В развалинах будут Кассич и Сент Джордж,
Есть бреши в соборе у края обрыва,
И Пасха идет сквозь жестокость и ложь.

Порфирий! Сквозь время плывут манускрипты,
Подобно словесным большим кораблям.
Твой череп истлел, но твои паруса не забыты,
И мысль не догнать даже будущим дням.*

Он будет сильнее европейских монархов,
Его называют французской грозой,
Италия сбита великой нападкой,
И Рим Геркулесовой схвачен рукой.

* Порфирий (233-305) — философ неоплатоник, автор работ о Пифагоре и Плотине, возможно, оказавший решающее влияние на творчество Нострадамуса.

Свершилось — один пятистам его предал.
Нарбонн! И ты, Солк! Чем зажечь фонари?
Ведь явь станет хуже кровавого бреда,
Монархия в зареве штурмов горит.*

Теперь победителям роз не кидают,
К бесславию шел белокурый отряд,
В полях Македонских успех Фердинанда бросает,
И он с мирмидонцем сцепиться не рад.

Юнцы короля оттеснили от трона.
Он гибнет — топор занесен с высоты.
Сигнал светит с мачт: берегись беззаконий,
Три брата друг другу — враги и скоты.**

«Кругом! Шагом марш!» всем мостам с ветряками,
Теченью реки и дворцам на Тулузском пути
Декабрь дал приказ, и взмахнул ветровыми руками.
Бассейн всей Гаронны крутящимся диском летит.***

Французов, поди, будут ждать у Ажана,
Подсобник с Нарбонна беспечностью пьян,
Теперь англичане, рашельцы с Бордо выступают по
плану.

Епатьян! И ты пострадаешь от ран!

Гляди: в Арбизеле, в Гревари так лихо.
Савонна взята штурмовою волной.

* Это — один из самых загадочных и самых поразительных катренов всех «Центурий» Мишеля Нострадамуса. Скептикам трудно поверить, что это не мистификация, а бесспорно оригинальный, напечатанный в XVI веке текст. Граф Нарбонн был военным министром Людовика XVI и не сумел предотвратить революцию. Его современник Солк сыграл предательскую роль в отношении Людовика XVI и королевы. Пятьсот марсельцев помогли свергнуть власть короля.

** Апологеты «Центурий» полагают, что здесь провидчески изображена казнь Людовика XVI. На месте казни, перед тем, как ему отрезали голову, Людовик спросил, что слышно нового об экспедиции Лаперуза.

*** В поэтическом отношении это четверостишие, пожалуй, наиболее творчески смелое во всех «Центуриях».

За старой стеной над дворцом — бой и дикие крики.
Их слышит Гвиара, Шарье и Гасконь.

Летит в Сен-Квентин шум листвы Баурлиса.
Фламандцы в Абее идут под удар.
Путь к миру гвардейскою шпагой пронизан,
Двух юных сынов ждет неожиданный угар.

Да! Герцог теперь уже занял Карпентрез,
И черный берет его с красным пером,
Вот Генрих Великий царит в Авиньоне под ветром,
И в римском посланье оплакан был шторм.

К Тунису откатится варвар разбитый.
Мы вместе: Монако, Сицилия, вся Генуя,
С Венецией флот снарядим знаменитый:
Не быть полумесяцу в наших краях.

В бою — измаэлиты и крузодеры,
В огне паруса десяти кораблей.
Неверные и христиане — в неистовом споре,
Но в небе теперь над мечетью светлей.

Скорее беги из проклятой Женевы,
Где золото станет железной звездой,
Оттуда на землю лучи устремятся из гнева,
И небо подаст нам свой знак пред враждой.

К чему ему истина в важных вопросах?
Он ложью свои поправляет дела.
Законы и совесть он вовсе отбросил.
В Париж и Пьемонт злая скорбь забрела.

Он в мантии красной идет по Тулузе:
Не — грешников: жертвы ища среди людей.
Тень тыкв в огородах над камерой пыток не сузят,
И новые казни предвидят везде.

Проекты реформ составлялись напрасно,
Раз голову слову снес переворот
Смещенный монарх пред судьбой опасной,
Ворота дворца бурей крутит и рвет.

Шатается город у вод океана,
Дома валит с ног сумасшедший волной,
Разбиты суда и мосты ураганом,
И ветер смеется над ранней весной.

Война и мятеж множат груды развалин,
К Антверпену движутся Кент и Брюссель,
Английский король к эшафоту отправлен,
От соли с вином будет Лондон хмелеть.

Большим демагогом был хитрый Мендозус,
Став демоном многих горячих юнцов,
Здесь варварство мечет напрасные грозы, —
Норларис — теперь — не отрада отцов.

Опасен для красных рост сект и религий:
Ударами плети не выстроишь мир!
Никто не спасется от дьявольской лиги,
Лишь демон земной приглашен был на пир.

Жизнь делит всю землю на две половины,
Одна будет с миром, другая — с войной,
В крови захлебнется и зверь и невинный,
Кому же вся Франция ближе душой?

Горели живьем три пажа в трех каминах,
Их юный король приказал умертвить.
Будь счастлив, живущий в дали неповинный,
Свои же безумцу спешат отомстить.

Они в Корсибон прибывают с почетом.
Равенна! Ликует ограбивший даму в порту.
Посол Лиссабона! Морские пучины разверсты.
Засевшие в скалах душ семьдесят с места сметут.

Весь Запад шатает войной небывалой:
Никто не спасется, ни старый, ни юный, ни зверь.
Пожары за кровью горячей бежали,
Меркурий, Юпитер и Марс не считают потерь.

Их лагерь раскинулся под Наудамом.
Оставлен в Майотах их выцветший флаг.
Ведь более тысячи на два разделятся стана,
Но только стан первый второму не враг.

Король прибыл в Друкс, чтобы вместо покоя,
Оставить незыблемым прежний закон.
Ворота, срывались с петель, трон был смят и расколот
И кровь короля станет шелком знамен.

Три красных давно поджидали француза,
Заметив брег левый напротив Витри,
Жив черный, но красным распорото пузо,
И брит был обрадован светом зари.

Да, красный Ник связан с нелегкою жизнью,
И знал, что в Ферне будет схвачен Видам,
Великий Люк счет предъявляет отчизне,
И зависть Бургундию британам отдаст.

Далмация в страхе, почуяв пролитие крови,
И варвар сражается в черном углу.
Раз дрогнул туман, Измаил наготове.
Спасет ль Португалия преданных слуг?

Грабитель морских побережных владений
И в новых народах теряет друзей,
Мессинско-мальтийский союз не ржавеет,
Не терпит обид от чужих якорей.

Октябрь в день третий — под знаком великих
событий,
Возвышены будут Ругон, Мандрагора,
Оппи-Пертинанс,
Теперь Черногорец весь мир сотрясает открытjem,
И многое грозным предстанет для нас.

Опять потрясения вызовут войны,
И бедствия выветрят дух перемен,

Не зря же Нарбонн и Байон беспокойны,
Им больно от горя, страданий, измен.

Вторженцы пройдут Пиренейские горы,
Противиться в марте не сможет Нарбонн.
Здесь жизни сгорают как дождь метеоров,
Над морем и сушей разносится стон.

Зеленые мысли вредны для реформы,
Раз плод незрел — не срывают его,
Потомков никчемные сдвиги не кормят,
И ложное благо не даст ничего.

Предвижу реформы и честную дружбу,
Мечь, вложенный в ножны, — не самообман.
Поместья, поля и сады делу мира послужат,
Закон станет другом залеченных ран.

У врат у скалы их до сотни сойдется,
И видны ворота с Дизерских вершин,
В Шато с мест других удалец к удалцу подберется,
Друг Рима с крестом: ты, крепись и держись!

Когда заговорщики шли из Аймара,
Солдаты таились в Ликийском лесу,
Савону и Рону знобило недаром,
От крови, от страха наш трон не спасут.

Две трети их стран изувечены градом,
Италия с Веной поникли разбитой главой,
Над Брессом и выше Байли — кладовые кровавого
ада,
Град создан гренобльцем и введен был в бой.*

Какое оружие сокрыто в ракете,
Которую мчит крыловидный огонь?

* В этом катрене Нострадамус, по всей вероятности, предвидет появление реактивных снарядов, что вяжется с последующим катреном.

Латинское небо рвет северный ветер,
И взорван грозой был венский покой.

Святыни им видимы будут у Трикса,
Но их осквернять не осмелятся днем.
Каркассон! Будь рад, что немилость продлится,
С вторжением справятся долгим путем.

Все церкви и все синагоги зачухнут:
Исчезнут обряды в две тысячи сто пятьдесятom году
И Крест и Давидовы звезды истлевшею славой
запахнут,
Но милость небес люди в новом найдут.*

Тюрбан голубой завладеет всем Фойксом
Пред тем, как Сатурн совершит оборот,
А белый тюрбан спорит с Турцией громко,
И звезды** на мачты судов созовет.

Убийца тайком покидает град Ферстод
Чернеет на пашне заколотый бык.
Здесь плащ Артемиды взметається облаком дерзким,
И пепел вулканов к погибшим приник.

С прибрежной волной будут ладить французы,
Амбрасия с Трасией хлынут в Прованс,
Законы и нравы их здесь они сгрузят,
Чтоб след свой надолго оставить у нас.

* Из-за подобного рода катренов католическая церковь в восьмидесятих годах прошлого века осудила увлечение Нострадамусом. Но очень похоже на правду, что обрядовая, ритуальная сторона всех религий — христианской, иудейской, магометанской — клонится к закату.

И, действительно, похоже на то, что первое столетие XXI века станет началом конца обрядовой религиозности.

Но, по мнению Нострадамуса, неизбежная гибель обрядов и ритуалов не означает гибели человечности и любви, которые неизбежно станут живительным источником новой веры. Ведь «знание без веры односторонне, а вера без знания неполноценна».

** Марс, Меркурий и Сол.

Беда, коли мир куплен страхом и кровью.
Два русла зажаты в железной руке,
Жестокость и злобу Нерон сделал новью,
Но был Кальвероном убит на реке.

Правитель чужой восседает на троне,
И к смерти идут королева и сын,
Зато конкубину злой рок не затронет,
Раз сам победитель красой ее сыт.

Гречанка казалась античной богиней,
Успех ее цвел среди дуэлей и ссор,
Однако в Испании власть ее сгинет,
В темнице ждет казни пленительный взор.

Коварный галерным командовал флотом,
Стремясь подавить и протест и мятеж,
Уловки слабее взбесившихся глоток:
«Хватай командира... Души его... Режь!»

Пожалуй, во вред себе действовал герцог,
Сильнейшего друга куда-то сослав,
Деспотии в Пизе и Люкке с ним бились совместно,
А трезвый дикарь виноград собирал.

Спасайся уловкой, раз чуешь засаду,
Король перед врагами на трех сторонах,
Измена в Лонгине была хуже ада,
И слезы повисли росой на стеблях.

Обрушится воды на град осажденный,
И новые бедствия с ними придут,
И все же доволен был страж удивленный:
Внезапной атакой людей не убьют.

Мир — в язвах и трещинах землетрясений.
Созвездья ломают хребты городам,
Дворцы и мечети стоят на коленях,
Безбожник идет по Христовым следам.

Полюбит мятеж серый мрамор гробницы.
Мысль главы медуз на толпу наведет.
Дух мести в бесправие нищих вселится
И злобою трон на куски разнесет.

Гасконь, Лангедок быстро пройдены ими,
Ажанцы держали Арманд и Реаль,
Фоценцы дерутся и новой короны не примут,
И бой под Сент Полом уже грохотал.

К Шартрезу прорвутся Бурже и Ла Рейнцы,
Антониев мост будет видеть привал,
Семерка за мир, ибо схватка бесцельна,
И скорби Париж осажденный встречал.

Да, храм от Туфонского леса отрезан,
И был в Монтлехери* унижен прелат.
«Мой герб на монете! Держи, не побрезгуй,
Чеканю их сам», — ему герцог сказал.

Калас и Аррас пособят Терроане,
Когда же придут и порядок и мир,
Отряд с Аллоброкса спустился к Роане,
Но марш убежденных был все-таки сир.

Семь лет улыбалась Филиппу фортуна,
Но варвары счастье пронзили стрелой.
Расцвет уничтожен смятением бурным.
Что ждет Огмиона с ослабшей душой?

Вождь сызнова бредит немецким величием:
Решетки тюрьмы не задержат идей.
У Венгрии будет иное обличье,
Но мощь не построишь на крови людей.

Страдают от мора Корниф и Никополь,
Зараза идет в Македонию, в Крым,

* Речь идет о распрях между церковью и знатью. Печатают деньги, ценность которых невелика, герцог, тем не менее, берет верх над церковью.

Мрачат Амфиполис и плачи и ропот,
Яд трупный на улицах трудно отмыть.

И вот к Новеграду правитель стремится,
В бараний хозьева скручены в рог,
Из тюрем вернут палача и убийцу,
Чтоб кровь просочилась в державный чертог.*

Флот делят на три боеносные части,
Вторая найдет пораженья и скорбь,
С Полей Елисейских доносятся плачи,
Часть первая мстит за безмачтовый гроб.

Враг правильный путь выбирает из форта,
И вот к бастиону повозки спешат,
Буржеские стены нашествием стерты,
Побитый злодей Геркулесу не рад.

Один пропадет беззащитный корабль,
Но слабость утратит союз кораблей.
Штурм слаб. Братислава! Здесь враг не пограбит,
И к варварам Любек притянут сильней.

В мундирах солдат побережья Арама,
И армию новый ведет человек,
Потухнет в Милане военное пламя,
Вождь в клетке железной окончит свой век.

Не верьте, что враг не войдет в этот город,
И герцог напрасно не ведал тревог,

* Перекладывая этот катрен к девятой центурии на русский язык, я склонен принять толкование русских дореволюционных астрологов, хотя их точка зрения и оспаривается многими. Нельзя забывать, что Нострадамус жил в XVI веке. И слухи о том, как Иван Грозный или, может быть, еще раньше Иван Третий покарал Новгород Великий могли коснуться слуха салонского предсказателя. Ведь Иван Грозный камня на камне не оставил от былой новгородской вольности, после того как Иван Третий потряс эту вольность. Во всяком случае в центуриях надо видеть Нострадамуса — историка, Нострадамуса — футуролога и Нострадамуса — современника изображаемых событий.

Уловкой врата отпираются скоро,
И кровь на мечях так порадует рок.

Отступник к чужим поневоле подался,
И вынужден сдаться наш вождь в Молите,
Но есть смельчаки, что намерены драться,
К суду тех, кто с ними идти не хотел.

Сёк всех осаждающих северный ветер,
Им трудно пробиться сквозь бури и мрак,
Дождь хлещет их плечи струящейся плетью,
И исповедь хуже сражений и драк.

Пожар корабли претворяет в руины,
И пламя в ночи спорит с светом дневным,
В военных уловках два флота повинны,
Победа сокрыта туманом густым.

ЦЕНТУРИЯ X

Противник ослаб, но не хочет сдаваться:
Ведь пленных уморят иль сразу убьют.
Спасенья усталый солдат добивался,
Так дайте ж разбитым покой и приют.

Свернут паруса корабли и галеры,
И славу свернет возвеличенный флот.
Плывет победитель в рассветную эру,
Командуя миром сверхдальних широт.*

И после пяти вождь отряд не покинул.
Назад к Пенелону, вчерашний беглец!
Пусть слух о подмоге врага опрокинет,
И будет осаде положен конец.

Пропал без вестей грозовой полководец,
Но слава его не было сожжена,
Семь лет о нем слухи ходили в народе,
Вернувшись армия не спасена.

Альби и Картрез во едином союзе,
И к ним лиссабонцы охотно примкнут.
Каркассон с Тулузой согласье сочтут за обузу,
Раз там лоургезца великого ждут.

Кордону с Низмесом грозит наводнение,
Зато Декальон от волны оживет,
Гробницы и статуи пред возрожденьем,
И сильный пожар от воды пропадет.

* От скончавшегося в 1566 году Нострадамуса не утаилось морское соперничество Испании и Англии. В августе 1588 года, после поражения непобедимой армады, испанский флот, действительно, свернул свою славу.

Нанси захлестнуло великой волною
Двумя кровожадными занят был Мец.
В Британии соль и вино размывались волною,
Возьмет ль Эпатьян всепобедный венец?

Он лоб разбивает в решительных схватках,
Рожденный большим сенегальским орлом,
Смерть трех за неделю — сигнал к еще большим
нападкам,
Мирнами же саблей взмахнул как крылом.

О пасмурных днях весть идет с Кастильона,
Неведомой девкой принц был рожден,
И вот уж не рвань водружают корону,
Земля не видала столь худших времен.

Насилья убийства и гнусные страсти —
Враги совершенной и чистой любви,
Эпохи отцов, как и дедов, не ведали злейших
несчастий,
И тонут мечи и кинжалы в крови.

Опасности ждите теперь под Йончером,
Постум с его армией их избегал,
Обоз пересек пиренейскую сферу,
И герцог в Тендэ с Перпиньяна бежал.

На этот раз выбор серьезно расстроен,
И Папу внезапно сменили другим,
Смерть слаще позора: смещенный спокоен,
И небо Христово склонилось над ним.

Солдаты смешались с пасущимся стадом,
Их выдал оружия скрежет и лязг.
Харбиполис, видно не свалишь ударом,
Град волности шум этот слышал не зря.

Его обличали в сомнительном доме:
Был пьян и в компании многих блудниц,

Ну как, Арнэ Вокль, не везет в Барселоне?
Отваге нельзя выходить из границ.

Да, дряхлого герцога мучила жажда,
И сын утопил его в кадке с водой,
В сенате на это разгневался каждый,
Преступник поплатится сам головой.

Французский король управлял справедливо,
Без крови, без казни, без блеска мечей,
Завистник и льстец ополчились на диво,
Разбойникам повар дал связку ключей.

Ей трудно дышать от мучительной боли,
Бледна была дочь королевы Эргест.
Но слез в Онголезме не слышно уж боле:
На свадьбе с германцем поставлен был крест.

Лоррена даст место Вендомскому дому.
Законность померкнет — в жизнь хамы войдут.
Сынами Хамана весь мир был ведомый.
Два сильных и места для встреч не найдут.

Ее из простых возведут в королевы,
Ей в храме и знатный дорогу дает.
Пусть грубо ее родословное древо,
Но гордость былую покорность взорвет.

Настанет эпоха всеобщего братства,
Век неучей, век палачей и воров.
Как смог обесславленный Рим опускаться,
Продав за бесценок сокровища, храмы, добро?

Король вместе с сыном потворствовал бедным:
Свои же сокровища им раздавал.
Их звески убьют. Знать кричит о победе,
Она постояла за свой идеал.

Король островов отрешен был от власти.
Теперь будет править другой, некороль.

Террор помогает решительной касте,
Реформы куются из гнева и воля.*

Расположение дышит протестом,
Антиб и теперь своей армией горд.
В Монако же есть погребца и вино; там всем жалобам
место.

Два Фриза те жалобы примут в расчет.

В Италии нашего принца схватили,
Корабль ожидают Марсель, Генуя,
Пожарами чуждые силы гасили,
Мед в бочке спас принца от злого огня.

Небро открывает проезд на Бризану.
Последняя веха стоит на пути.
Вся ложь в Пелигоксе цветет, а не вянет,
Раз женщина сможет в оркестр войти.

Преемник, поди, посчитается с зятем,
И новая власть проповедует месть.
Убийства опять вызывают проклятья.
Француз и британец смогли озвереть.

Карл Пятый поддержан самим Геркулесом.
Он храм отпирает железной рукой.
Орел под угрозой. Испанец был весел.
Колонья, Аскан позабыли покой.

Двумя из них создана музыка гимна.
Стихия вождей на высоты ведет,
Толстяк, изможденный, худой в переменах повинны.
Венеру вся фальшь этой славы гнетет.

Храм Павла теперь в грозовой атмосфере,
Искавший спасенья там схвачен как зверь,
Пленившие, видно, в святыни не верят,
В Торбе он в оковах приведен теперь.

* Среди почитателей Нострадамуса есть такие, которые уверены, что «некороль» в данном катрене — это Оливер Кромвель, низложивший Чарльза Первого.

Окрепнут тюремные арки и своды,
И брызнет на камни кровь новых святых,
Что ж красное с черным не даст себе отдых,
Меня на зелень цвет лет горевых?

В Германии будут великие сдвиги.
Открыт для Востока огромный простор,
И варвар, задумавший новое иго,
Над миром кровавое знамя простер.

Империя крепнет в невиданном взлете,
Но сила ее все равно отомрет.
Могущество в злобе своей задохнется,
Держава зверей долгий век не живет.

Жестокая клика под мантией длинной
Скрывает отточенный остро кинжал.
Рабы и вассалы Флоренции дивной
Узнают, как герцог здесь власть удержал.

Вся Франция видит в нем бога сражений,
Но он обесславлен своей же родней,
Был сбитым с коня просчитавшийся гений,
И братьев топтало проклятой войной.

Убил негодяй королевского сына,
Надевшего радостный женский наряд.
Принц шел на свиданье к немецкой кузине,
И храм Артемиды похож был на ад.

На юге король о победе мечтает.
Ему ль хармотийцев навек обуздать?
Тиран и грабитель людей своих знает,
Не в силах никто острова покорять.

Боржесское озеро! Шторм тебя гложет
И берег затоплен людскою волной,
У Сен-Жулиана шум битв слишком яростен, Боже,
С Чамбара, с Морены бьет сильной грозой.

Что ж бодрая дружба приводит к осаде.
Так! Сенбарбарийский терпи гарнизон!
Французу Урсини и Адрия тайные ставят преграды,
И армией сильной грозит всем Гриффон.

Два острова — в длительной траурной скорби:
Принц умер, еще не оставив детей.
Как быть же? Закон правый путь не находит,
Девчонка-вдова не в чести у властей.

Британия в гневе на юного сына,
Хотя сам король завещал ему власть.
Раз умер отец, сына надобно скинуть,
Пускай он в изгнании может пропасть.

Виль Франш расцветает под музыку лютни,
Звон струн струнул с мест и Сусат, и Чарлус,
От песен и танцев в долине уютней,
И пляшут куст роз и сиреневый куст.

Мечи с арбалетами пылью покрыты,
И ангелы мирное время хранят.
Нет больше войны, плена, трупов убитых.
Пусть боги детей и любовь пощадят.

Что ж, время почтить королевскую щедрость!
Есть казни и подвиги, гнев и любовь.
Неважно, хранит ли жена ему верность,
Раз сплетни содействуют рубке голов.

Да, он подчинит себе многие земли:
Кордову, Далмацию, с ними Маммель,
Пусть тени семьи его трон не колеблят,
И скипетр в руках его не устарел.

Ну может ли тень королевства Наварры
Законы и мозг целой Франции дать?
Король Орлеана стену укрепляет недаром.
Гамбрай, так ли прочна твоя благодать.

Фальшивым богатством цеха обольщают,
Вознесся над миром жестокий мужлан.
Саксонцы его не впервые встречают.
Знак мира спокойному Брунsvику дан.*

Откуда, откуда приходит измена?
Пусть град леди Гарланд боится Бурже.
Великий прелат любит черные тени,
И лжепелиgrimмы с мечами уже.

Что ж, мост через Лейн зашатается с горя.
Из глуби Испании хлынут войска,
Противнику быть победителем в споре,
Но путников мирных полюбит река.

Погибнут сады, обступившие город,
С домами, домами, подобием горных вершин,
Раскиданы трупы разбитых моторов,
Волной ядовитой — мосты сокрушит.**

Сатурн астролог даже днем опознает.
Измена Херона откроет три лурнских звезды,
Лорренский поток города с мест срывает
И рвется сквозь горы, равнины, сады.

В Лоррене жестокие веют знамена,
В грозу облачая немецкий союз,

* Катрен, благодаря которому некоторые исследователи считают Нострадамуса предтечей флюктуативной психологии (напомним, что это отрасль психологии, которая изучает как устойчивые, так и меняющиеся национальные характеры и типы и перемены в психологии целых народов в истории). Когда, например, немцы поверили Гитлеру и в Гитлера, то это и есть фальшивое богатство, поглотившее целый народ.

** Американские астрологи полагают, что в этом четверостишии Нострадамус предсказывает небывалое по размаху разрушение Нью-Йорка в грядущих временах: какое-то грозное неведомое оружие отравит воды океана, Гудзона, Гарлема и Ист-Ривера. Босвелл считает, что именно здесь Нострадамус проявил себя великим предтечей лучших фантастов 19-20 веков. Но комментаторы более ранних времен находят, что этот катрен порожден страхом перед извержением Везувия в будущих временах.

Но их одолеет Кантон неуемный,
Норманы спасутся от вражеских уз.

В Антверпене свадебный пир разыгрался:
Пусть вместе сливаются Шельда и Лей.
Покой дней былых к молодым возвращался,
И гроздь винограда близь кубка светлей.

Три нации дрались и долго и дерзко.
Большой — в стороне, сберегая свой дом,
Друзья и опоры в Селине не крепки,
Хоть он их и звал под жестоким огнем.

Услашала тайная дочь Конкубины
Печальную новость от знати, с вершин.
Ей плен угрожает в темнице старинной,
Брюссель с Малине ее будут страшить.

Да, свадьба величием пышным сияла.
Но только прославит все скорбный конец.
Супруги останутся в мире печали:
Фэб умер, зри Нора могильный венец.

Прелат короля болен страшной болезнью:
Кровь хлещет рекой у него изо рта.
Плененный в Тунисе стоит перед бездной.
Пора усиления Англии ждать.

Правитель совсем не достоин восторга:
Он худший из грязных и подлых людей.
Двух юных к стыду присуждают за гордость,
И жены — в объятих черных смертей.

На Западе вижу большую опасность:
Селин Эматьяну войну объявил.
Наш доблестный флот под грозою ужасной.
Фоценс! Ты какую судьбу разделил?

Латиняне, немцы, брешийцы в Лионе
Ведут затяжной и коварный процесс,

Они лай бульдогов сердитых откроют,
И будет печальна неожиданная весть.

Я плачу над участью Ниццы, Монако,
Сиэны и Пизы со всей Генуей,
Гляди: новогодняя кровь на мечях, жизнь окутана
страхом

И землетрясения воюют с зарей.

Что Бетта и Гамма, Гамор и Сакарбас?
Ведь варвар всю Венгрию в лапах зажмет,
А дым и огонь в ритуальном экстазе
Не скроют утопий крикливую ложь.

Сумеют ли венгры отбить нападение?
Сражаться всей Буде дан строгий наказ.
Прими ж азиатский закон, население,
Раз демон славянский не скроется с глаз.

Скорее! Нужна медицинская помощь,
Внимайте, Цидрон, Рагуза, Сент Жером.
Смерть принца уносит из отчего дома,
Восток метит венгров могильным крестом.

Лей слезы Милан и Флоренция тоже:
Ведь герцог над всем Чериотом навис,
В осаде Венеция, Лангез перепуган до дрожи.
Рим! Стань ты иным и уймись!

Письмо вынимает раздоры из ножен,
Мечом перерублено древко копья,
О, Рим! Здесь проклятьем уособицы гложет,
И дух разрушения не даст всем житья.

Вождь лондонцев править Америкой станет.
Шотландию холод во льды заковал.
Антихрист на троны и Церковь восстанет,
Чтоб адский создать на земле идеал.

Весна, май, и ужасы землетрясений,
Град будет крупнее утиных яиц.
Все звезды* грозят нам бедой и смятеньем,
Деревья стряхнули встревоженных птиц.

Застряли у города части десанта,
Народные силы прогнали врага,
Противник уже не вернется обратно,
Чужой ему флот стал теперь его гнать.

Вся жизнь перепахана бешеным бунтом,
Раз Север мятеж направляет на Юг,**
Свои бьют своих на обугленном грунте,
И кровь на кустах появилась не вдруг.

Вулкан, как нарыв с раскаленной кровью,
Казалось, вокруг загорелись снега,
Ожоги и жертвы становятся новью,
У Реджио в ранах поля и луга.

Настанет большой ледниковый период,
Весь мир нарядив в горностаевый мех,
Костры среди льдов машут красною гривой,
Черверг надевает военный доспех.

Ну, с чем мы придем к двадцать первому веку?
Сошедший с горящего неба — теперь повелитель
земли.

Конец и начало столетья мятежным живут человеком,
Открытие Марса свободе грозит.***

* Сатурн, Копер, Юпитер, Меркурий — в Тарусе; Венера, Рак
и Марс — в Зеро.

** Одни относят это к французской революции, другие указывают
на предвидение Нострадамусом гражданской войны между Севером
и Югом США.

*** Астрологическая математика называет точную дату событий,
предсказываемых в этом катрене: это 1999 год. Из всех дошедших
до нас катренов «Центурий» это четверстишие представляется людям
эпохи Уэльса, Замятина, Орвелла самым значительным. В самом деле,
похоже на то, что первые люди земли высадятся на Марсе как раз в

Минувшее в нем оживет в настоящем,
И мысль сохранят, как вино в погребах.
Такой весельчак был бессмертьем украшен,
И церковь пред словом утратила страх.*

До смерти всей жизни семь тысячелетий,
Но трупы воскреснут в истлевших гробах.
Пред страшным Судом невзлюбившие света.
Пора, на колени, и ужас и страх!

конце 20-го века. И возможно также, что 20-ый век, войдя в историю под грохот революций и войн, сойдет с мировой арены тоже под грохот революций и войн, под ядерные взрывы, сметающие с лица земли целые города. И если 20 век начался Лениным, то, быть может, он и кончится тоже великим мятежным человеком. Хотелось бы, чтобы те читатели этой книги, которые доживут до 21 века, проверили эти слова.

Спорным остается вопрос о «повелителе земли, сошедшем с горящего неба». Многие думают, что это — космонавт будущего. Но некоторые все же считают, что речь идет о новом Линкольне, а другие полагают, что Нострадамус предвидел появление второго Ленина.

Есть также апологеты «Центурий», которым кажется, что сошедший с горящего неба — не земной человек, а житель иной планеты, прилетевший на землю на звездолете. Странники такой точки зрения утверждают, что обитатели иных планет посещают землю на космических кораблях (приблизительно) каждые две тысячи лет. Такое посещение земли имело место при земной жизни Христа и за две тысячи лет до Него. Значит, нового прибытия инопланетян надо ждать в самом конце 20 столетия, что, по мнению сторонников такой точки зрения, предсказывает Нострадамус.

Будущее покажет, с чем прилетят эти инопланетяне — с добром или со злом, и прилетят ли они вообще.

* Есть мнение, что этот катрен предвещает славное будущее Франсуа Рабле, который, будучи студентом университета Монпелье, слушал лекции доктора Нострадамуса.

Эдгар Леру, Рауль Баскит и некоторые другие указывают, без достаточно веских оснований, на приверженность Нострадамуса к алкоголизму. Среди скептиков есть даже такие, которые находят, что все «Центурии» — это ни что иное, как бред больного белой горячкой в форме сумасшедших четверостиший и хаотических, сумбурных посланий в прозе. И такие скептики полагают, что Франсуа Рабле метил именно в Нострадамуса, когда создавал образ «оракула божественной бутылки» и описывал паломничество к нему.

Мир ждет повелителя света и знаний.
Казалось, что он никогда не придет.
Дорогу Гермеса мостят ожиданием,
И гений Востока в любви оживет.*

Его «отличили» в великом сенате,
Добро отобрав и лишивши всех прав,
Как нищий и раб, без надежд на расплату,
Он жил меж чужими, участия не знав.

Тех тридцать до тла разорили квириты,
Досталось доносчикам все их добро,
Изгнанники в трюме дощатом сокрыты,
Корсар их сменяет на шпаги и ром.

Внезапная радость сменяется грустью,
И Рим потеряет священный покой,
Кровь, слезы и плач будут вызваны жутью,
И войско врага растекалось рекой.

Столетия совсем перестроят дороги,
Кто может узнать прежний путь на Мемфис?
Меркурий с Гераклом ведут самокатные дроги,
И скорости эти сорвут Флер де Лис.

Король вместе с герцогом всех победили,
Огонь лижет бронзу тяжелых ворот,
Пожары разрушенный порт осудили,
Горящий корабль в воде не живет.

Сокровища скрыли в собор Гесперийцев.
Куда? Лишь немногим известен секрет.
Голодное рабство бунтует и злится,
Стремясь к золотому сиянью монет.

* Загадочный катрен, о котором комментаторы Нострадамуса самых противоречивых мнений: одни думают, что это — Ганди, другие почему-то указывают на Льва Толстого, третьи — на то, что в грядущие времена из Тибета придет новый Будда. Возможно, однако, что Нострадамус был прав, предвещая великий гуманизм на Востоке, в противовес восточному деспотизму.

Не верьте восторгам последнего штурма!
Есть корни возмездья в гражданской войне.
Владеют кинжалы восстанием бурным,
И слезы и кровь заструятся сильней.

Мятеж этот вспыхнет стихийно, без знаков,
Шумя выбегает из парка толпа.
Здесь звери рычат в омерзительной свалке,
И вот окруженец последний упал.

Кому из низов удастся пробиться?
Верхи дорожат вековой высотой!
Не всем обойденным дано покориться
И зависть командует яркой враждой.

Террор поражает и смелое слово.
Трибун из тюрьмы не отослан к врагу.
Смирившийся молит простить его снова:
Таких и законники не стерегут.

Гриффон будет править Восточной Европой,
Где белых и красных пьянят грабежи.
Весь Север глядится в духовную пропасть,
Второй Вавилон любит ритм машин.

Кто будет посредник с империей смерти?
Спешит в Антиподы из Ниццы король.
Пал конь под ним; в лучшее время не верьте!
Грабеж побережья доставит нам боль.

Мы слезы и кровь осушить не сумели.
Конек на часах был давно нездоров.
Летят на горящую крепость в Марселе
Древесные бивни военных судов.

Кирпич превратится в строительный мрамор.
Семь лет и полвека не будет войны.
Большой акведук восстановят недаром,
И полон плодов сад спокойной страны.

В столетях сто раз умирают тираны,
Ученым и честным сдавая всю власть.
Не скоро затянутся старые раны,
Ведь низость и грязь не смогли обуздать.

Наука! Терпи переходное время!
Как зверь, начинает семнадцатый век.
Цвет серый и черный на крыльях из ангельских
перьев,
И церковь суровый ведет человек.*

Отцов ли удержишь от смелых стремлений?
И губят детей на глазах у отцов.
В Женеве народ вовлечен был в движенье,
И смяли вождя с деревянным лицом.**

Пусть парус расширит границы империй,
И новый корабль летит над волной.
Гляди: две порфирных колонны украсили берег.
Держи, биакрийцы, заложников, это надежнее, чем
бой.

Тиран гонит чудо из лабораторий.
Немногих закон серафистский спасет.
И Вена с испанцем презрительно спорит
Низмес, Орлеан с ней составит оплот.

Могучий король всей Испанией правит,
Чтоб с моря и суши ударить на Юг,
Теперь полумесяц всей сворой затравят,
Но тени крестов загрузили не вдруг.

* Некоторые комментаторы «Центурий» полагают, что этот катрен имеет прямое отношение к преемникам Папы Сикста Пятого; поскольку астрологические математики относят это четверостишие к 1609 году (я думаю, что следует учесть и события, имевшие место с 1600 года), то речь идет о Павле Пятом, который воплощал тлетворный и мрачный дух средневековья.

** Видимо, весь этот катрен намек на Кальвина и кальвинизм.

Дождемся, когда обветшают мечети,
И рот полумесяца с неба собьют,
Двух ранят два «А» близ морей на рассвете,
И верой иною пришельцы живут.

Ко дну идут в бурях столетий триремы,
И летопись рвут будто парус ветра.
Пусть к варварам благостно жесткое время:
Клянит их историк разбегом пера.

Страна будет видеть вселенского зверя,
Все в клочьях роскошные ризы ее,
Купцы, забулдыги, скоты всем вам не во что верить!
И пресное время здесь гнезда совет.

Настанет период недолгих идиллий.
Волк, лев водят дружбу с быком и ослом.
Но манна с небес не летит в изобилии,
Бульдог сядет в лодку с военным веслом.

Быть Англии сильной владыкой империй,
Ждет слава ее моряков и солдат,
Ей три сотни лет будут многие верить,
Но лузитанец ей будет не рад.

ЦЕНТУРИЯ XI И XII

Ц Е Н Т У Р И Я XI

Быть трем городам в отвратительных язвах:
Чума настигает Минье и Манти!
Уж фурией к Эксу несется зараза,
Разбою Фоценса открыты пути.*

В фаготе сокрыты солдатские марши.
Раз рвут беспорядки Вильфранш и Миньон.
Нет! В мельницах, в неводе дух бунтарей не погашен!
Король! Защищайся от новых времен!

Ц Е Н Т У Р И Я XII

Повсюду пожары с клубящимся дымом,
Поднявшие бучу — в больших синяках.
Прованс мой! Несчастья неистребимы!
У нас фанатизм не меркнет никак.

Лион окружен Монтлуелем и Веной,
Стал труженик жертвой больших грабежей.
Гасконцы помочь собирались силой военной,
Но близ Пуатье застревали уже.

Весь Кипр под угрозой свирепого штурма,
Развалины хлещет слезой, как дождем,
Флот турок и мавров и дерзок и буен,
Но скалы не мирятся с грозным вождем.

* Фоценс — старинное название Марселя.

Разрушена молнией башня Эгега.
Два тела не дружат с единой главой.
Здесь надвое поле разделят бездушье и дерзость,
На злого четыре поднимутся в бой.

Свой кров и свой град проклиняют потомки,
Раз власть попирает нещадно закон.
Срывается с мест горожанин, ругаясь громко,
В бродягу теперь превращается он.

Отчаянный герцог сражается с принцем,
Две наших династии бьются за трон,
Ведь в каждой провинции кровь будет литься,
Свет меркнет под натиском черных времен.

Поверь, что раздоры начнутся в Марселе,
Бьет дикое пламя из новых идей.
Над миром мятежные гимны летели,
И все человечество гибнет везде.*

Трибуны, мятеж и война жизнь изранят,
Иллюзии скроют великий обман,
Зов труб у Шато смешан с грубою бранью,
И сходит на землю преступная тьма.

Забьются сердца, и Лангдон содрогнется,
На каждый удар — тысячекратный ответ.
Пусть страх по земле далеко разольется:
В Гаронне, в Жиронде волнения нет.

Итак, реформатора ждите в Айове,
А в Лемоне дальняя плещет волна,
Обычаи предков сменяются новью,
Оковы иль счастье теряет страна?

Из кратера вырвется адское пламя.
Пусть реки с ручьями зальют это зло!
Я Франции правду столетий оставлю на память,
Раз смерть рушит замки и храмы крылом.

* Не этот ли катрен побудил гвардейцев в самом начале французской революции осквернить прах Нострадамуса?

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Эта глава, как и комментарии к книге, подверглись очень большим сокращениям. Я был более чем стеснен размером книги, из-за чего пришлось опубликовать примерно одну двадцатую часть собранного и подготовленного к печати справочного материала.

В. К. Завалишин.

КНИГИ НА ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Jean-Aime de Chavigny. La Premiere face du Janus françois, contenant sommairement les troubles, guerres civiles et autres choses mémorables, advenues en la France et ailleurs, dès l'an de salut 1534, jusqu'a l'an 1589—fin de la maison Valesienne. Extraite et colligée des centuries et autres commentaries de Monsieur Michel Nostradamus, iadis conseiller et medecin des rois Henry II, Francoys II et Charles IX. A la fin est adiousté un discours de l'advenement a la couronne du roi tres-chrestien a present regnant: ensemble de sa grandeur et prosperite a venir. Le tout fait en françois et latin pour le contentement de plusieurs . . . dedie au roi. A Lyon, par les heritiers de Pierre Roussin. 1594.

Жан-Эме де ШАВИНЬИ

Первый лик французского Януса, содержащей краткое изложение смут, гражданских войн и прочих памятных событий, приключившихся во Франции и в иных местах, в течение 1534 по лета 1589 — конец дома Валезианского. Выписанная и соединенная в сборник из «Центурий» и прочих толкований господина Михаила Нострадамуса, в

прошлом советника и врача королей Генриха II, Франсуа II и Карла IX. В конце приложена речь, составленная по случаю коронования ныне царствующего Боголюбивого короля: в честь его величия и грядущего благополучия. Все перечисленное составлено на языках французском и латынском для удовлетворения многих... посвящается королю. В Лионе издано, наследниками дела Пьер Руссена 1594 г. Это — одна из наиболее старинных документальных книг о жизни и творчестве Нострадамуса.

SHRYALMO. Almanach royaliste, ou la contre-Revolution Predite par Mishel Nostradamus pour l'annee bissextile 1792 traduite en vers francais par le moindre de ses interpretes . . . St. Petersburg.

ШРИАЛЬМО. Роялистский альманах, или контр-революция, предсказанная Мишелем Нострадамусом на високосный год 1792, переведенная в стихах на французский язык самым незначительным из его толкователей... Санкт-Петербург.

Перед нами — материал, свидетельствующий о том, что Нострадамус был принят в свое сердце теми противниками французской революции, которые нашли себе прибежище в России. Любопытно, что слово контрреволюция, получившее в XX веке столь широкое распространение, едва ли не впервые связано с именем Нострадамуса.

EUGENE BARESTE. NOSTRADAMUS. I. Vie de Nostradamus. II. Histoire des oracles et des prophetes. III. Centuries de Nostradamus. IV. Explication des quatrains prophetiques. Paris, 1840.

ЭЖЕН БАРЕСТ. Нострадамус. I. Жизнь Нострадамуса. II. История пророчеств и предсказаний. III. Центурии Нострадамуса. IV. Разъяснения пророческих четверостиший. Париж, 1840 г.

Несмотря на некоторую устарелость, этот обстоятельный труд и сейчас незаменим для всех, кто хочет получить верное и разностороннее представление о Нострадамусе.

F. BUGET. Etude sur Nostradamus et ses commentateurs. Bulletin du Bibliophile et du Bibliothecaire. Paris, 1860-63.

Ф. БЮЖЕ. Исследование о Нострадамусе и его толкователях. Бюллетень Библиофила и библиотекаря. Париж, 1860-63 гг.

Смелое и важное исследование, сохранившее свою актуальность и в наши дни. Бюже уже давно вызывал негодование различных революционеров марксистского толка, считавших его авантюристом.

Это неверно! Бюже одним из первых почувствовал слабость как утопических теорий Томаса Мора, так и учения Карла Маркса об общественном идеале.

CHARLES NICOLLAUD. Nostradamus, Ses Propheties, Paris, 1914.

A. DEMAR-LATOURE. Nostradamus et les événements de 1914-16, Paris, 1915.

ADEODAT CRAFFONT. La guerre actuelle célébrée en vers antiques ou quelques quatrains de Nostradamus, poète du XVI siècle, utilisés pour le récit de la grande guerre du XXe, Paris, 1918.

ШАРЛЬ НИКОЛЛО. Нострадамус, его Пророчества. Париж, 1914 г.

A. ДЕМАР-ЛАТУР. Нострадамус и события 1914-16 гг. Париж, 1915 г.

АДЕОДАТ КРАФФОН. Нынешняя война, воспетая в сибилических стихах, или нескольких стихотворениях Нострадамуса, поэта XVI века, использованных для повествования о великой войне XX века. Париж, 1918 г.

Три последние книги сыграли в свое время полезную и важную роль, содействуя возрождению интереса к Нострадамусу. Это и понятно: Нострадамуса периодически переоткрывали и переоценивали в эпохи войн, катастроф, потрясений.

PIERRE V. PIOBB. Le Secret de Nostradamus et de ses célèbres prophéties du XVI-e siècle. Les Predictions sur la France depuis 1792 et spécialement pour 1927 et les années revue à Arles. April/June 1942.

JACQUES R. BOULENGER. Nostradamus, Paris, 1933.

ПЬЕР В. ПИОББ. Тайна Нострадамуса и его знаменитых пророчеств XVI века. Предсказания о Франции с 1792 года и особо на 1927 год и на последующие годы. Париж, 1927 г.

ЖАК Р. БУЛАНЖЕ. Нострадамус, Париж, 1933 г.

Обе эти книги поддерживали интерес к творчеству Нострадамуса.

D-R EDGAR LEROY. Sur un quatrain de Nostradamus. La revue d'Arles. April/June 1942.

RAOUL BUSQUET. Nostradamus, sa famille, son secret. Paris, 1950.

Доктор ЭДГАР ЛЕРУА. Об одном четверостишии Нострадамуса. Арльский журнал, апрель-июнь 1942 г.

РАУЛЬ БЮСКЕ. Нострадамус, его семья, его тайна. Париж, 1950 г.

Работа Леруа злопыхательская и, видимо, написанная с заранее поставленной целью очернить Нострадамуса.

Книга Бюске написана под большим влиянием сомнительных суждений Эдгара Леруа.

CHARLES REYNAUD-PLENSE. Les Vraies centuries et prophéties de Michel Nostradamus. Colligées des premières éditions imprimées à Lyon en 1558-1605 et à Troyes en 1611, et à Leyde en 1650 avec sa Vie, et un glossaire Nostradamus unique. Salon 1940.

Шарль РЕЙНО-ПЛЕНС. Подлинные Центурии и пророчества Мишеля Нострадамуса. Собрание первых изданий, вышедших в Лионе в 1558-1606 гг., в Труа в 1611 году и в Лейдене в 1650 году, а также история его жизни и Нострадамусный глоссарий. Салон, 1940 г.

Крайне полезное и нужное исследование.

JEAN DE FONTBRUNE. L'étrange XX siècle vu par Nostradamus, Sarlax, 1950.

EMILE RUIR. Nostradamus : les proches et derniers evenements. Paris, 1953.

ЖАН де ФОНБРЮН. Необычный XX век, предвиденный Нострадамусом. Сарла, 1950 г.

ЭМИЛЬ РЮИР. Нострадамус, ближайшие и последние события. Париж, 1953 г.

Обе книги ценны и важны.

КНИГИ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

- 1) Charles World. Oracles of Nostradamus. Conelon 1887.
Чарльз Ворлд. Пророчества Нострадамуса.

Содержательная и серьезная книга, до сих пор рекомендуемая Британской энциклопедией как ценное пособие для изучения жизни и творчества Нострадамуса.

В 1942 году нью-йоркское издательство Скрибнер и Сын переиздало эту книгу фотоспособом. Для своих целей я пользовался тем самым экземпляром, с которого была сделана фотокопия для Скрибнера.

- 2) Herbert Thornton. War and Prophets. London, 1915.
(Герберт Торнтон. Война и пророки).

Одно из самых лучших известных мне исследований, имеющих непосредственное отношение к деяниям Нострадамуса.

- 3) Henry Roberts. The Complete Prophecies of Nostradamus, Изд. 1, Нью-Йорк, 1942; изд. 7, Нью-Йорк, 1969. (Генри Робертс. Свод пророчеств Нострадамуса).

Эта книга выдержала уже семь изданий, и издание 1969 года, видимо, не последнее. Ни одна из книг о Нострадамусе не пользуется такой популярностью в широких кругах американских читателей, как эта. И в то же время, ни в одну из книг о Нострадамусе не было выпущено специалистами столько ядовитых стрел, критических стрел, как в эту.

Генри Робертс, книготорговец и знаток французских и английских инкунабул и старопечатных книг, несколько модернизировал перевод «Центурий» на английский, выполненный еще в XVII столетии врачом и ученым де Гарансьером. Так как до последнего времени полных английских переводов «Центурий» не было (частичные появлялись), то Робертсу принадлежит честь воскрешения и преобразования самого старого из английских текстов «Центурий». Необыкновенно энергичный человек, Генри Робертс много раз выступал с докладами о Нострадамусе по радио, по телевидению, в лекционных залах больших библиотек. Однако специалисты, не отрицая заслуг Робертса, предъявляют ему обвинения в ненаучности ряда его комментариев к английскому тексту «Центурий» и в том, что он подчас попадает в плен собственных оккультных фантазий (некоторые злопыхатели считают даже, что посредственный шарлатан Робертс снимает пенки с мистической славы гениального шарлатана Нострадамуса). Допускаю, что у Робертса, действительно, есть склонность к оккультному фантазерству. Но именно он-то и показал, возможно, интуитивно, сам того не ожидая, что Нострадамус таинственным образом проник в область сверхчувственного, на четыре столетия опередив современных специалистов по телепатии и парапсихологии. Нужна безудержная смелость Робертса, чтобы этого не испугаться. Но в то же время специалисты временами бывают правы в своем скептическом отношении к отдельным суждениям Робертса.

Порой же и возражения специалистов Робертсу могут вызвать сомнения. Я уверен, что следует согласиться с теми, которые находят, что на подход Нострадамуса к философии истории оказали влияние идеи Пифагора, о которых автор «Центурий» узнал из книги Порфирия о Пифагоре; Генри Робертс в частности, упорно настаивает на этом. Но я все же склонен принять сторону тех, которые находят, что пифагоризм Нострадамуса не восходит непосредственно к Порфирию: на «Центурии» оказали серьезное воздействие профетические озарения Иоахима Флорского, (1130-1202), ученого монаха, основателя Флорской обители в итальянском монастыре Св. Иоанна. Видимо, Нострадамус читал и Порфирия и Иоахима; но, возможно, автор «Центурий» воспринял Порфирия через Иоахима. Припомним, что Иоахим Флорский считал, что история человечества подчинена строго определенным закономерностям и эпохи сменяют друг друга согласно логике и ритму параллельных циклов. Тот, кто это постигнет, может так переосмыслить минувшее и настоящее, что ему прояснится дальнейший ход событий, т.е. будущее. Если еще учесть что христианские апокалипсисы толковались Иоахимом Флорским как бесконечная процессия событий — чаще всего трагедийных, совершающих восхождение в близкое, далекое и очень отдаленное будущее, то можно выявить явную общность между Порфирием, Иоахимом Флорским и Нострадамусом.

4) Andre Lamont: Nostradamus Sees All (Нострадамус видит все). Первое издание, Филадельфия 1942, 2 — там же, 1944.

Эта книга легко и тепло написана, она читается как повесть, обладающая художественными достоинствами. К большому огорчению, в этой книге проверенные сведения документального характера неоправданно переплетаются с мистическим вымыслом, с далекой от исторической правды оккультной фантастикой. Правда, Андрэ Ламонт изображает Нострадамуса как своего рода апостола белой магии и убежденного противника черной, т.е. сата-

нинской магии. Спасибо Ламонту и за это. Он не увлекся старинными легендами о Нострадамусе как о демонологе, заключившем договор с дьяволом, как об организаторе убийств на расстоянии и знатоке ядов, действие которых нельзя распознать. Но и у Ламонта Нострадамус укрощает злых духов (например, ангела смерти Азazelла), верит в магическое зеркало Екатерины Медичи и т.д. Если бы Андре Ламонт создал историко-фантастический эпос о Нострадамусе, то его замысел стоило бы приветствовать. Но легенды в этой книге поданы как историческая правда в сочетании с документальным материалом, в котором нельзя усомниться; и все же следует помнить, что в хорошей книге Андре Ламонта документальный материал одерживает верх над религиозно-мистическими мотивами сомнительного характера.

- 5) Stewart Robb, *Prophecies of World Events by Nostradamus, Nostradamus on Napoleon, New York, 1961. Reedited 1968.* (События истории в пророчествах Нострадамуса, Нострадамус о Наполеоне). Переработанное издание 1968.

Несмотря на преувеличения, ошибки, промахи, Стюарт Робб в своей книге едва ли не первым рассматривает Нострадамуса как дальнего предтечу современных футурологов, и предвидения Нострадамуса есть, по мнению Стюарта Робба, научно-познавательный акт. Это придает значительность книгам Стюарта Робба. Занятая им главная позиция мне близка тогда, когда Стюарт Робб говорит о предвосхищении Нострадамусом достижений и открытий современной технической цивилизации. Но у меня и у тех, на опыте которых я учился, несколько иной подход к философии истории в творениях Нострадамуса, чем у Стюарта Робба.

- 6) James Laver, *Nostradamus or Future Foretold. London 1942.* (Джеймс Лавер, Нострадамус или предсказания будущего).

Книга эта написана живо, остроумно и, вместе с тем, серьезно и объективно. Книга достойна того, чтобы рекомендовать ее образованному читателю.

- 7) Hugh Allen, *Window in Provence*. Boston 1943.
(Хьюг Аллен, Окно в Прованс).

Глубокий, продуманный и в большей части справедливый монументальный труд о Нострадамусе (есть в этом труде и отдельные спорные положения, не снижающие, однако, ценности этого труда).

- 8) Edgar Leoni, *Nostradamus. Life and Literature*. Exposition University Press 1961. *All the Prophecies in French and English*. Обзор различных теорий о Нострадамусе. Его метод и другой сопроводительный материал.

Труд, выпущенный за два года до четырехсотлетия со дня смерти Нострадамуса, с тем, чтобы студенты и все, кто этим интересуется, имели время для основательного ознакомления с жизнью и деяниями великого врача, астролога и ученого XVI века. Это — умная и обстоятельная энциклопедия нострадамоведения, без которой ни один серьезный исследователь обойтись не может. Особенно ценно, что Леони дает два новых, с упором на точность, полных английских перевода «Центурий» и «Знамений». Именно Леони оспаривает принадлежность Михаилу Нострадамусу «Шестистрочников» и «Предвестий».

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Теперь, когда книга эта готова и с ее содержанием — еще до ее публикации, по рукописи — ознакомились и сведущие и несведущие люди из некоторых моих друзей и недоброжелателей, мне показалось полезным и необходимым написать послесловие к настоящему изданию.

Я готов согласиться даже с теми, которые настоятельно рекомендовали мне открыть под конец все свои карты и объяснить, почему именно я взялся за эту книгу, что в ней мое и что не мое и каким именно образом подготавлилось и осуществлялось это издание. Отвечая, начну с того, что в книге о Нострадамусе мне принадлежат: вступительная статья, комментарии и послесловие. Жалею, что все это удалось опубликовать в крайне сокращенном виде, из-за недостатка средств на более обстоятельные пояснения текста «Центурий», а также на описание жизни и творчества Нострадамуса.

Еще важнее, что я претендую на вольный поэтический пересказ стихотворной части «Центурий». Это ни в коем случае не перевод, а именно вольное переложение, скорее пересказ. Я отдаю себе полный отчет в том, что всякая вольность имеет свои границы и знаю, что с этим надо считаться особенно, когда речь заходит о Нострадамусе и его творениях. Тут чрезмерное нарушение границ может обесмыслить все издание, сделать его никчемным. Нельзя приписывать Нострадамусу того, чего он не говорил и сказать не мог: есть прозрения, факты, мысли, суждения, которые настоятельно требуют точности и от вольного пересказа, а не только от перевода. Но в то же время, рабская преданность абсолютной точности не всегда, как в случае со стихотворной частью «Центурий» Нострадамуса, даст желаемые результаты. Я это говорил тем, ко-

торые доказывали мне, что было бы полезнее и лучше ограничиться дословным, подстрочным, прозаическим переводом всех катренов «Центурий», а не свободной обработкой четверостиший Нострадамуса в русской поэтической форме. Неверно: подстрочный перевод сохранил бы верность букве, а не духу четверостиший Нострадамуса. Ведь не случайно сам Нострадамус прибегает к четверостишиям, руководствуясь, по его же словам, более поэтическим воодушевлением, чем правилами стихосложения — вместо того, чтобы превратить все «Центурии» в созвездия апокалиптических посланий в прозе.

Я твердо уверен, что то, что восходит к сибиллинам, приведенным в соответствие с французским стихосложением XVI века, должно быть и по-русски передано стихами же, а малый (то есть послание сыну Цезарю) и большой (послание королю Генриху второму) апокалипсисы Нострадамуса — русской прозой. А когда подстрочник в отдельных случаях допускает отклонения от точности, то невольно вспоминаешь слова Ницше что только, отойдя от башен на более или менее значительное расстояние, можно ощутить их величие и высоту.

Таково в этой книге мое, а не мое — это подстрочник «Центурий», приобретенный мной в машинописной копии. Не будь подстрочника — я был бы, естественно, не в состоянии выпустить эту книгу. Кроме того я — в ряде случаев — пользовался и другими подстрочниками XVIII-XX веков.

Подстрочник выполнен петербуржцами, учениками профессора Ф. И. Батюшкова, видимо, еще до русско-японской войны, во всяком случае, перед первой мировой войной и двумя революциями — февральской и октябрьской. Я и взялся за подготовку этой книги отчасти потому, что пророческий и пророческий смысл подстрочника пронзил меня.

О Нострадамусе я много слышал, еще находясь в Советском Союзе.

Я знал, что Нострадамуса переводили в России и в XVIII и в XIX веке. Нострадамусом занимался ко-

мандир Фанагорийского полка, поэт и историк Иринарх Завалишин. Он слышал о Нострадамусе и от эмигрантов — противников Французской Революции и от наполеоновских пленных офицеров и солдат. Нострадамусом занялся также Русский военно-морской офицер, автор статей о морских сражениях — В. А. Завалишин (мой дед), Ф. А. Завалишина — Казанская (моя мать).

От матери я унаследовал скептическое отношение к юдициарной астрологии и к теперешним гороскопам, особенно, на мой личный взгляд, когда их составляют при посредстве современных компьютеров. Но моя мать говорила мне, что ложь астрологии надо отделять от правды астрологии, полностью игнорируя вульгарные и недобросовестные утверждения советской атеистической пропаганды, объявившей астрологию лженаукой.

Прежде астролог, составляя гороскопы, проявлял обостренный интерес к предкам тех, для кого это делается. Тут движения светил, определяющее судьбы людей как бы контролировались генеалогией, воспринятой как средство углубления в наследственность. Если астролог знал прошлое людей, для которых составлялся гороскоп, то он, как психолог, мог предугадать и судьбы их потомков. Нострадамус, как думала моя мать, был гением таких предугадываний. И, если многие современные астрологи, в противовес старым отрывают движения звезд от наследственности, то и будущие судьбы людей движутся не вокруг звезд, а вокруг фантазий и вымыслов составителей гороскопов.

Далее, моя мать верила в то, что в астрологии есть образно-поэтическое предвосхищение астрономических открытий, что Нострадамусу еще в XVI веке было ясно, может быть, полнее и глубже других. Также и астрологическая математика еще придает формулам и вычислениям мистико-эпический характер.

Отрыв астрономии, математики и физики от астрологических видений произошел гораздо позднее и был громадным шагом вперед в истории науки и цивилизации. Но нужно всегда помнить, что точные науки были

некогда спаяны с образно-поэтическим восприятием мира в астрологии.

Далее, в астрологических фантазиях былых эпох все еще есть предчувствие того, что существуют сигнальные системы для общения друг с другом звезд и планет, только люди нашей планеты еще не научились расшифровывать эти межпланетные и межзвездные сигналы.

Когда умирают солнца, их лучи еще продолжают свой бег по вселенной. А, если умирает человек, то почему и его тело не может излучать свет, который совершает космический перелет на другие планеты после его смерти?

Человеку, воспитанному на достижениях и открытиях технической цивилизации XIX-XX веков, такой взгляд на астрологию может показаться бредом, шарлатанством, мракобесием. Но не исключена возможность того, что знание будущего, хоть и не признает астрологию, то оживит и преобразит некоторые ее положения, тщательно отделив правду от лжи.

Моя мать — лишь опытная учительница, которая все это рассказывала любознательному сыну в дни его отрочества. Но все это воскресло в памяти, когда я подготавливал к печати книгу о Нострадамусе. Моя мать стала посмертным соавтором книги и потому я посвящаю это издание ей.

Когда в ежовщину мои родители, отец и мать, были арестованы, у нас конфисковали небольшую книгу о Нострадамусе с переводом на русский ряда катренов и фрагментов двух апокалипсисов, выпущенную в начале двадцатых годов. Книга эта была признана «антисоветским памфлетом под маской средневековой схоластики». Когда я собирал материал о Нострадамусе, я пытался — не от своего имени, а от имени влиятельных знатоков средневековой литературы — получить фотоснимки с нужных мне редких книг, хранящихся в различных библиотеках Советского Союза. Все мои усилия, к большому огорчению, оказались тщетными. (Приобретенный мною подстрочник, к счастью, давно вывезен из России).

Было еще одно обстоятельство, которое, может быть,

побудило меня принять окончательное решение в работе над этой книгой. От дома, где я живу, минут пятнадцать езды до Клойстера, этой цитадели средневековой культуры на берегу Гудзона. Автобус сразу в мгновение ока, переносил меня из современного Нью-Йорка, с его небоскребами и потоками автомобилей, на тысячелетия назад в очарованный край религиозной живописи, старинных статуй, рукописных и старопечатных книг с восхитительными миниатюрами.*

Там же, в Клойстере, давались концерты средневековой музыки. В другом месте я слушал стихотворения Провансальских поэтов XII-XV веков в художественном чтении французских артистов и артисток, выступления которых были записаны на магнитофонную ленту. Все это помогало воображению перенестись в эпоху Нострадамуса.

Должен признать, что книга эта не могла бы быть составлена без содействия консультантов, а также студенческой молодежи, английской и французской, изучающей литературу средневековья.

Таковы необходимые пояснения к этой книге.

Вяч. Завалишин.

ВЫНУЖДЕННЫЙ ПОСТСКРИПТУМ

Не успела еще эта книга выйти из печати, как она уже вызвала шумные споры, сразу же после первой корректуры. Вот почему я счел необходимым добавить этот вынужденный постскриптум к и без того публикуемому с очень сильными сокращениями эпилогу.

Если два апокалипсиса Нострадамуса (сыну Цезарю и королю Генриху Второму) показались моим консультантам достаточно точными, то моя трактовка сибиллических катренов Центурий вызвала дискуссии даже у моих искренних доброжелателей. Мне указывали, что,

* Для меня в «Центуриях» есть что-то общее с трагедийной фантастической живописью Иеронимуса Босха и Иоахима Патинира.

имея в своем распоряжении ряд подстрочников к сибилловидным катренам «Центурий» (XVIII-XIX), я нередко намеренно отбирал не самые точные, а те, которые ближе к моему (или моих родичей) сугубо субъективному представлению о Нострадамусе.

Речь идет не только о тех катренах, которые я встречал у анти-нацистски настроенных французов и поляков во вторую мировую войну, но и о четверостишиях, записанных со слов пленных наполеоновских солдат и офицеров, и попавших в архив И. И. Завалишина. (Имелась в виду группа пленных, благоустраивавшая парк на Софийской стороне Новгорода). Сомнения вызывала и трактовка некоторых катренов «Центурий», сделанная французами, бежавшими в Россию от Революции XVIII века.

Словом, уже при первой корректуре мои консультанты высказали опасения, что я использую, так сказать, коллективные отсебятины для собственных поэтических фантазий на темы Нострадамуса.

На это я ответил, что у Нострадамуса есть ряд катренов, отклонение от точности которых недопустимо. Но точность мертвой буквы далеко не всегда совпадает с точностью духа живого. Нельзя, например, ставить знак равенства между «коллективной отсебятиной» и интуитивным постижением пленными в России солдатами и офицерами Армии Наполеона сокровенного смысла «Центурий» Нострадамуса. И я решительно не согласен с тем, что участники французского и польского движений сопротивления во вторую мировую войну использовали популярность Нострадамуса для своих политических целей, в частности для расположения к себе суеверных или отчаявшихся людей. Нет! Участники французского и польского движений сопротивления прочли «Центурии» заново: не в тиши спокойного и уютного кабинета и не в музейной библиотеке, а тогда, когда раскалывались целые дома от воздушных бомбардировок, дрожала земля от оружейной пальбы, и воздух был навывлет пробит очередями из автоматов.

Переоткрытие Нострадамуса в грозовой атмосфере

не называют коллективной отсебятиной, мои уважаемые и достопочтенные консультанты.

Книга эта и издается лишь потому, что я и те, кто пришел мне на помощь, искренне убеждены в том, что дух и сокровенный смысл «Центурий» Нострадамуса переданы здесь верно, а буквой можно в отдельных случаях при передаче сибилловидных катренов и поступиться.

В. З.

ОПОВЕЩЕНИЕ

Считаю своим долгом выразить благодарность тем, которые приняли участие в этой моей работе.

Прежде всего, я признателен своим многочисленным консультантам, хотя никто из них не отвечает за содержание всей этой книги в целом, но многие выразили готовность поддержать меня в случае могущих возникнуть полемик и дискуссий. Хочется помянуть добрым словом моих покровителей по Ленинграду; особенно акад. И. А. Бычкова, от крившего мне доступы к архивам И. И. Завалишина и В. А. Завалишина, (моего деда, русского военно-морского офицера и историка морских сражений), в Ленинградской публичной библиотеке имени Салтыкова-Щедрина. Назвать других не могу, дабы не повредить их семьям, ибо Нострадамус в Советском Союзе запрещен.

286

Хочется особенно поблагодарить старейшего сотрудника газеты «Новое Русское Слово», полиглота и ориенталиста П. П. Сергиева.

Я крайне признателен за моральную поддержку издания врачу Георгию Федоровичу Фальбергу.

Весьма признателен я и переводчикам моей вступительной статьи с русского на английский, а также консультантам по переводу. Английский текст перевела переводчица и русская поэтесса Валентина Синкевич, а просмотрели его сотрудницы Радио Свобода — К. Донохо (воспитанница Вассар Колледжа), К. Сильверстин (студентка Бруклинского колледжа) и И. Джошуа.

Над французским переводом работали — Татьяна Беловенец, Мария Рейнхардт, Михаил Гнучев.

Надо выделить искусствоведа Лигейю Дункан (племянницу знаменитой танцовщицы Изадоры), которая вместе с мужем Зелигманом безвозмездно проделала большую работу над переработкой французского и английского текстов этой книги. Над редактированием английского и французского текстов трудилась русская поэтесса Ольга Анстей.

С большой благодарностью вспоминаю я и Людмилу Торн, которая потратила много времени, чтобы помочь мне разобраться в английской литературе о Нострадамусе.

Весьма признателен я и проф. В. А. Николаеву за содействие французской части библиографической справки.

Много сделали для подготовки этой книги к печати Н. А. Любич-Рудницкая, Н. С. Джордан и Б. З. Скавронская.

В заключение хочется поблагодарить А. Г. Доната и сотрудников Волдон Пресс, взявших на себя труд по печатанию этой книги, за содержание которой они не отвечают.

Особая благодарность покойному редактору газеты «Новое Русское Слово» М. Е. Вейнбауму, по рекомендации которого я получил вспомоществование на издание книги.

Упомяну еще самое дорогое для меня имя той, которая поверила в мои силы сильнее, чем я.

В. К. Завалишин

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие на французском языке	5
Предисловие на английском языке	25
Нострадамус, как дальний предтеча футурологов (предисловие)	47
Центурия I	71
Центурия II	97
Центурия III	113
Центурия IV	130
Центурия V	148
Центурия VI	167
Центурия VII	184
Центурия VIII	212
Центурия IX	230
Центурия X	248
Центурии XI и XII	266
Справка	271
Послесловие, вынужденный постскриптум и оповещение	281

